Право в Вооруженных Силах – консультант

Правовая энциклопедия военнослужащего

Е.А. Моргуленко

НЕУСТАВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

«За права военнослужащих»

Москва 2006

ББК 67.51
М79

Автор:

Моргуленко Евгений Андреевич — преподаватель кафедры уголовного права Военного университета, кандидат юридических наук

Рецензенты:

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

кафедра уголовного права Военного университета.

М79 **Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия**. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2006. — Вып. 64. — 192 с.

ISBN 5-93297-066-9

Сборник «Право в Вооруженных Силах — консультант» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-12712 от 20 мая 2002 г.

Учредитель и издатель: Региональное общественное движение «За права военнослужащих».

Выходит 1 раз в месяц, распространяется в розницу и по подписке.

ББК 67.51

© Моргуленко Е.А., 2006 г.
© «Право в Вооруженных Силах — консультант», 2006 г.
© Оформление. «За права военнослужащих», 2006 г.

ISBN 5-93297-066-9

Содержание

Указатель сокращений 5
Введение 6
Раздел I. Теоретические основы организации и осуществления разрушающего воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений 9
Глава 1. Неуставные взаимоотношения военнослужащих как криминально-криминогенный феномен военной службы 9
§ 1. Понятие, содержание и современные особенности неуставных взаимоотношений военнослужащих в отечественных Вооруженных Силах 9
§ 2. Уголовно-правовая оценка нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности и некоторые аспекты ее криминологической обусловленности 25
§ 3. Криминологическая характеристика неуставных взаимоотношений военнослужащих 38
§ 4. Латентность неуставных взаимоотношений военнослужащих и меры по ее минимизации 45
Глава 2. Причины нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими 54
§ 1. Причины неуставных взаимоотношений военнослужащих, в основе которых лежат общесоциальные процессы и явления 54
§ 2. Общесоциальные причины неуставных взаимоотношений, специфически преломляющиеся через условия военной службы 62
§ 3. Причины неуставных взаимоотношений, обусловленные особенностями военной службы 75
§ 4. Личность военнослужащего, посягающего на уставные правила воинских взаимоотношений, и мотивация его преступного поведения 87
Глава 3. Антикриминальная система воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений 103
§ 1. Исторический анализ организационно-правовых средств борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений военнослужащих в России 103
§ 2. Удовлетворительная система предупреждения и профилактики неуставных взаимоотношений военнослужащих 111
§ 3. Оптимальная система предупреждения и профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими 121
Раздел II. Практические рекомендации по выявлению, пресечению и предупреждению неуставных взаимоотношений в воинском коллективе 138
Глава 1. Изучение личности военнослужащих и индивидуальное прогнозирование преступного поведения 138

§1. Изучение командиром личности подчиненных как первая ступень борьбы с неуставными взаимоотношениями 138
§ 2. Прогнозирование индивидуального преступного поведения и виктимности подчиненных как вторая ступень борьбы с неуставными взаимоотношениями 142
Глава 2. Методика выявления фактов неуставных взаимоотношений командиром подразделения 148
Глава 3. Система мер профилактики и предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, применяемых командирами в подчиненных подразделениях 154
§ 1. Общие положения системы специальных мер по предупреждению и профилактике неуставных отношений 154
§ 2. Методика предупреждения неуставных взаимоотношений, основанная на решении конкретных задач по военной службе 156
§ 3. Методика предупреждения неуставных взаимоотношений, в основе которой лежат методы, применяемые в определенной служебно-бытовой ситуации 174
§ 4. Методика поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений в воинском подразделении 179
§ 5. Взаимодействие командира с органами военной юстиции в процессе разрушающего воздействия на антиуставные взаимоотношения в подразделении 183
Вместо заключения 185

Указатель сокращений

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГ и КС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РСФСР — Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

Введение

Проблема неуставных взаимоотношений военнослужащих в России существует уже много лет. Однако именно сейчас, а точнее в последнее десятилетие, она приобрела настолько острый характер, что, пожалуй, не осталось ни одного призывника, ни одной матери призывающегося на военную службу молодого человека, которые не боялись бы предстоящей военной службы из-за связанной с ней реальной возможности подвергнуться неуставным посягательствам. Эта проблема волнует не только призывников и их матерей (о чем убедительно свидетельствуют социологические опросы, а также многочисленные факты уклонений от призыва на военную службу и от самой службы в процессе ее прохождения), но и основную часть общества (неуставные отношения, как правило, занимают центральное место в обсуждении жизнедеятельности армии и флота в средствах массовой информации, производя при этом немалый общественный резонанс), и даже структуры государственной власти (данная проблема давно уже вышла за пределы Министерства обороны Российской Федерации и периодически поднимается в выступлениях Президента Российской Федерации).

С сожалением приходится констатировать, что неуставные взаимоотношения в наших Вооруженных Силах к настоящему времени приобрели характер криминально-криминогенного феномена, воздействие на который со стороны общества и государства на практике оказывается малоэффективным, а иногда даже безрезультатным. В чем же причина подобного бессилия государства перед лицом криминальных проявлений военной службы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать достаточно сложную цепочку причинно-следственных зависимостей, порождающих особый военно-криминальный феномен — неуставные отношения, или, говоря правовым языком, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ). Под этим туманным, весьма поверхностно отражающим криминальную сущность предусмотренного УК РФ преступления наименованием скрываются крайне опасные для Вооруженных Сил Российской Федерации и всего нашего общества преступные деяния в сфере межличностных отношений военнослужащих, иногда именуемые неуставными (антиуставными) отношениями, а на бытовом уровне — «дедовщиной», которые «окружены» различными социальными проявлениями, связанными с этими деяниями причинно-следственными нитями общественного взаимодействия. Причем последствия неуставных отношений, приобретших за последние тридцать лет столь угрожающе массовый характер в отечественных Вооруженных Силах, выходят далеко за пределы армии и флота как в пространстве, так и во времени. Не испытывающая в силу современной социально-экономической ситуации особого стремления идти в армию основная масса призывников нередко окончательно теряет мотивацию к военной службе под влиянием информации о фактах неуставных отношений. Многие родители призывников, напуганные ужасами «дедовщины», делают все возможное, чтобы их сын избежал военной службы, а значительная часть тех молодых людей, которым не удалось избежать призыва, идут в армию с виктимной установкой на неизбежность неуставных отношений.

В свою очередь, огромная масса прошедших «школу» неуставных отношений молодых людей, вернувшись в гражданское общество с криминализированным или виктимизированным сознанием, а иногда и устойчивыми криминальными навыками межличностного общения, формируют существенный криминогенный пласт социальных отношений, привнося элементы «воинского организованного насилия» в свои семьи и окружение, воспитывая своих детей с учетом имеющегося не вполне позитивного опыта.

Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности — специфический состав преступления. Помимо основного объекта — установленного общевоинскими уставами порядка взаимоотношений между военнослужащими, он имеет еще и дополнительный — личность военнослужащих, их честь, достоинство и здоровье. Причем, исходя из провозглашенной приоритетности уголовно-правовой охраны личности человека и гражданина, этот дополнительный объект не менее важен, чем основной. Рассматриваемые преступления, посягая, помимо прочего, на личность людей, отдающих свой конституционный долг и призванных защищать нашу Родину, вдвойне опасны для общества и государства и нуждаются в особом антикриминальном воздействии. Кроме того, именно неуставные отношения в Вооруженных Силах Российской Федерации достаточно часто являются одной из основных причин уклонения от военной службы и других преступлений, совершаемых военнослужащими, а также суицидальных проявлений в воинской среде. По данным криминологических исследований, анализируемые преступления являются причиной совершения 80 % других преступлений против военной службы и 23 % общеуголовных преступлений[1]. Кроме того, преступления, предусмотренные ст. 335 УК РФ, занимая в структуре судимости военнослужащих за воинские преступления около 37 %[2], деструктивно влияют на боеготовность и боеспособность Вооруженных Сил, разрушают их изнутри, сводят на нет усилия органов военного управления по сплочению воинского коллектива и укреплению воинской дисциплины.

Негативное влияние указанных фактов многократно усиливается тем обстоятельством, что, несмотря на все усилия правоохранительных структур и органов военного управления, а также пристальное внимание широкой общественности и высших должностных лиц государства к рассматриваемой проблеме, до сегодняшнего дня не удалось добиться не только искоренения неуставных отношений, но и стабилизации их ежегодного прироста. Более того, под влиянием многократно предпринимаемых разноплановых попыток борьбы с неуставными отношениями эта категория преступлений эволюционировала в устойчивое и системное военно-криминальное явление, характеризующееся не только повышенной общественной опасностью, но и феноменом «непотопляемости», высочайшей степенью латентности и внутренней самодетерминации.

---

[1] См.: *Кочешев С.П.* Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2000. С. 4.

[2] См.: Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими // Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996—2001 гг.). М., 2002. С. 6.

Таким образом, решение проблемы неуставных отношений в армейских (флотских) коллективах или хотя бы сведение к минимуму неблагоприятных последствий этого военно-криминального феномена не только является одной из приоритетных задач военной криминологии, но и должно стать реальной целью для воинских командиров, практических работников военной юстиции и граждан, искренне заинтересованных в очищении Вооруженных Сил Российской Федерации от зла неуставных отношений. Именно на эту читательскую категорию в первую очередь ориентирована настоящая монография, изучение которой позволит яснее представить суть и природу данного криминального явления, его причинный комплекс и эффективно противостоять воинскому криминальному насилию.

Раздел I. Теоретические основы организации и осуществления разрушающего воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений

Глава 1. Неуставные взаимоотношения военнослужащих как криминально-криминогенный феномен военной службы

§ 1. Понятие, содержание и современные особенности неуставных взаимоотношений военнослужащих в отечественных Вооруженных Силах

В соответствии со своим предназначением современные Вооруженные Силы Российской Федерации оснащены сложнейшими боевыми комплексами, системами вооружения и техники. Применение такого технически сложного арсенала предполагает согласованность (по месту, времени и характеру) действий многих людей. Согласованность же определяется правовой регламентацией совместной деятельности этих людей, т. е. уставными отношениями между ними. Воинские уставы детально регулируют порядок взаимоотношений военнослужащих как служебного, так и внеслужебного характера. Часть первая УВС ВС РФ «Военнослужащие Вооруженных Сил и взаимоотношения между ними» устанавливает правила поведения, которыми военнослужащие обязаны руководствоваться в повседневной жизни и деятельности. Устав требует от военнослужащего быть честным, дисциплинированным, дорожить войсковым товариществом, не щадя своей жизни, выручать товарищей из опасности, помогать им словом и делом, уважать честь и достоинство каждого, не допускать в отношении себя и других военнослужащих недостойных поступков, соблюдать правила воинской вежливости (ст. 13 УВС ВС РФ). Эти и другие положения УВС ВС РФ принято называть правилами уставных взаимоотношений между военнослужащими. Абсолютное большинство личных взаимоотношений военнослужащих так или иначе урегулированы военным правом, а отношения служебного характера полностью подпадают под регламентацию воинских уставов и других нормативных актов военного законодательства.

Лексическое значение слова «уставные» предполагает, что отношения, о которых идет речь, должны лежать в плоскости воинских уставов и регулироваться только воинскими уставами. Однако с учетом того обстоятельства, что само понятие «уставные отношения» законодательно не определено, под уставными взаимоотношениями необходимо понимать отношения военнослужащих, урегулированные не только воинскими уставами, но и другими нормативными актами, а также актами органов военного управления, конкретизирующими отдельные положения воинских уставов. В науке военного права под уставными отношениями

принято понимать совокупность наиболее целесообразных с точки зрения государства и общества служебных отношений, складывающихся между военнослужащими в процессе прохождения воинской службы, регулируемых воинскими уставами и другими правовыми актами и призванных обеспечить постоянную боевую готовность, воинскую дисциплину и правопорядок[3]. Следовательно, конструктивным признаком нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими является то, что они должны отрицать правопорядок и воинскую дисциплину и нарушать воинские уставы или другие нормативные правовые акты воинского содержания.

Весь спектр нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими представляет собой огромный пласт межличностных отношений военнослужащих, регулируемых различными отраслями права, моралью и общественным сознанием. Подобные нарушения отличаются друг от друга способом совершения, характером и степенью общественной опасности (например, неуважительное высказывание в адрес сослуживца и применение насилия, опасного для жизни), объектом посягательства и характером нарушаемых отношений (например, нарушение порядка отношений начальник — подчиненный, подчиненный — начальник, равный — равный) и другими признаками. В настоящей монографии рассматриваются не все нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих, так как формально даже обращение одного военнослужащего к другому на «ты» по вопросам службы является нарушением уставных правил взаимоотношений военнослужащих (ст. 64 УВС ВС РФ), а лишь те из них, которые допускаются между равными по своему служебному положению военнослужащими и представляют собой преступление, предусмотренное ст. 335 УК РФ.

Таким образом, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, не состоящими в отношениях подчиненности, можно определить как противоправные уголовно наказуемые деяния, направленные на нарушение закрепленных в воинских уставах и иных нормах военного законодательства правил взаимоотношений между военнослужащими, не состоящими в отношениях подчиненности, и представляющие по своей сути посягательства военнослужащих определенных категорий или групп на права и личность других военнослужащих.

В военно-правовой науке существуют и другие точки зрения по данному вопросу. Например, Х.М. Ахметшин рассматривает нарушения уставных правил взаимоотношений как различные виды насилия одних военнослужащих над другими, унижение их чести и достоинства, издевательство над ними, совершаемые в целях обеспечения себе облегченных условий службы, привилегированного положения в коллективе, подчинения своей воле сослуживцев, а равно из других, в том числе хулиганских, побуждений[4]. В свою очередь, И.М. Мацкевич определяет рассматриваемое явление как устойчивые социально-негативные проявления криминального характера, которые основаны на отрицательных традициях армейской действительности, уходящих в историческое прошлое, связанных с глумлением, издевательством и насилием одних военнослу-

[3] См.: *Панов В.П., Дедюев Н.И.* Уставные отношения между военнослужащими и правовые средства их укрепления. М., 1988. С. 6.

[4] См.: Преступления против военной службы (военно-уголовное законодательство России): Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1999. С. 90.

жащих над другими с целью подчинить их своему влиянию, с тем, чтобы совершать в отношении них противоправные деяния корыстной направленности[5]. Другие исследователи отмечают, что армейские неуставные отношения по своей сути являются своего рода культом (своеобразной религией со своими призывами к смирению и непротивлению, с обилием «можно» и «нельзя»), призванным управлять воинским коллективом. По существу указанные, а также иные определения рассматриваемого явления, встречающиеся в юридической литературе, не противоречат друг другу и даже совпадают в определении его сущности.

Рассматривая криминологический аспект нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (далее — неуставные отношения), необходимо отметить, что в основе таких деяний лежат конфликтные ситуации или противоречия, затрагивающие социальный статус личности или групп воинов, их честь, достоинство, здоровье, материальные или духовные интересы. Эти ситуации имеют причины, по которым их можно условно разделить на две группы. Первая имеет в своей основе конфликтные ситуации, возникающие на почве личной неприязни, обид и несдержанности. Такие деяния хотя и квалифицируются по ст. 335 УК РФ, однако имеют меньшую социальную опасность, поскольку носят, как правило, разовый и кратковременный характер. Ко второй группе относятся личностно-групповые и межгрупповые конфликты, в основе которых лежит неформальное разделение военнослужащих. При таком разделении образуются противостоящие друг другу социальные группы, стремящиеся к утверждению своего положения в подразделении (например, «дембеля» — по отношению к «молодым»). Неформальное разделение военнослужащих обладает повышенной криминогенностью, а также свойствами быстрого распространения, устойчивости и самовоспроизводства. Главным образом это связано с «привлекательностью» получения представителями «угнетаемых» групп в процессе их дальнейшей службы соответствующих «привилегий» (например, повышение группового статуса лиц младшего призыва в связи с увольнением «старослужащих») и другими факторами как объективного, так и субъективного характера.

Неуставные отношения, основывающиеся на неформальной структуре воинского коллектива, как явление системное имеют определенную структуру, важными элементами которой являются ее формы и виды.

Наиболее характерными формами проявления нарушений уставных правил взаимоотношений в настоящее время являются: избиения военнослужащих более позднего срока призыва; перекладывание на них дополнительных обязанностей по службе и быту; принуждение к выполнению различных «поручений» и воровству; вымогательство денег, ценных вещей, продуктов питания и предметов обмундирования; моральные унижения и оскорбление личного достоинства.

Наиболее характерные виды неуставных отношений в немалой степени связаны с видами неформальной структуры внутри воинского коллектива. Более того, отчасти неуставные отношения детерминированы именно феноменом неформального разделения военнослужащих. По-

[5] См.: *Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 122.

этому при их анализе необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) помимо уставной системы, в каждом воинском коллективе существует неформальная система отношений военнослужащих;

2) неформальные структуры неоднородны по своему составу. В каждой неформальной группе (будь то «старослужащие» или молодые солдаты, представители той или иной национальности) существует достаточно конкретная иерархия («лидеры», «исполнители», «нейтралы», «изгои» и т. д.);

3) неуставные взаимоотношения существуют в военной среде не одно десятилетие, и за это время в ней успели сформироваться устойчивые криминально-криминогенные традиции, передающиеся от призыва к призыву;

4) в течение достаточно длительного периода своего существования под влиянием различных факторов общественного развития неформальная система все в большей степени отвечала объективным потребностям сложившейся в воинских подразделениях обстановки, когда уставная система уже не могла разрешить все возникающие социально-бытовые противоречия. Со временем неформальная система стала компенсировать недостатки формальной (уставной) системы отношений военнослужащих.

Учитывая указанные факты и основываясь на особенностях неформальной структуры воинского коллектива, можно классифицировать *виды неуставных отношений в Вооруженных Силах* следующим образом:

1. «Дедовщина» — нарушения уставных правил взаимоотношений, возникающие на основе межличностных и межгрупповых противоречий между военнослужащими различных периодов призыва (различных сроков службы).

2. «Землячество» — нарушения уставных правил взаимоотношений, возникающие на основе противоречий и конфликтов между группами военнослужащих, объединенных по национальному или религиозному признаку. Эти противоречия определяются особенностями национальной (этнической) культуры и менталитета, а в случае социальной стратификации по признаку принадлежности к тем или иным религиозным конфессиям — особенностями вероисповедания. Данные противоречия проявляются тогда, когда в подразделении отсутствует в качестве доминирующего вида неуставных отношений «дедовщина» и имеются военнослужащие различных национальностей (иногда без явного преобладания одной из них). В таких условиях могут образовываться группы из представителей, к примеру, мусульманских этнических групп. Объектом посягательств при этом оказываются «не мусульмане».

3. «Диктатура» (право силы) — нарушения уставных правил взаимоотношений, возникающие на основе противоречий между военнослужащими, превосходящими других воинов физической силой (реже — морально-волевыми качествами), и остальной частью воинского коллектива. При таком виде неуставных отношений лидер, обладающий указанными качествами, сплачивает вокруг себя группу единомышленников, которая и «контролирует» остальной воинский коллектив подразделения.

4. «Криминальный беспредел» — нарушения уставных правил взаимоотношений, основой которых является разделение военнослужащих в зависимости от наличия и степени криминального опыта (имеющих суди-

мость, участвовавших в деятельности криминальных структур до призыва на военную службу) и подчинение криминальными элементами остальных военнослужащих своей воле. Попадая в подразделение, молодые люди с криминальным опытом за короткий период времени добиваются привилегированного положения, не свойственного их статусу с позиций неформальных правил «дедовщины» или «землячества». При наличии же в подразделении нескольких таких военнослужащих создаются предпосылки для их объединения во внутренне сплоченную группу, стремящуюся к статусу «высшей касты», характерному для мест лишения свободы. Для таких военнослужащих постоянный конфликт с законом и командирами — это образ жизни и поведенческий стереотип. Сущность и истоки этого явления сродни «дедовщине». Существующие в местах лишения свободы различные категории осужденных («паханы», «смотрящие», «блатные», «мужики», «козлы», «петухи» и т. п.), «привилегии» одних и «обязанности» других, а также порочные ритуалы и традиции уголовной среды могут в определенных условиях стать основой криминальных проявлений в системе армейских неуставных отношений. Некоторые из негативных традиций современной армии являются очевидными производными от «ритуалов» уголовной среды (например, тюремная «прописка», «присяги» и «переводы»).

Помимо предложенной выше, в научной литературе встречаются и другие классификации видов неуставных отношений военнослужащих. Так, например, И.М. Мацкевич дифференцирует неуставные отношения следующим образом:

— в зависимости от срока службы (полгода, год, когда над молодыми солдатами издеваются «старослужащие» и происходит своего рода «естественный отбор» наиболее стойких из них для дальнейшей «вербовки» в будущие проводники негативных армейских традиций);

— в зависимости от вида и рода войск (на флоте «дедовщину» именуют «годковщиной»).

По характеру воздействия на потерпевших выделяются:

— глумление и издевательства, носящие в основном психологическую направленность (угроза применения насилия, запугивание круговой порукой и тем, что никто не придет на помощь);

— причинение телесных повреждений военнослужащим (в том числе повлекших их гибель);

— доведение до самоубийства[6].

В плане уяснения сущности неуставных отношений наибольший интерес представляют «дедовщина» и «землячество». Эти два вида неуставных проявлений наиболее часто встречаются в Вооруженных Силах Российской Федерации и охватывают практически все формы нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих, наблюдаемые при доминировании других видов неуставных отношений («диктатуры силы», «криминального беспредела»).

Нарушения уставных правил взаимоотношений можно определить как систему взаимоотношений военнослужащих, основанную на полукриминальных обычаях насильственного подчинения старшими призывами младших, когда возраст, воинское звание и должность военнослужащих имеют второстепенное значение или вообще не играют социальной роли. «Дедовщина» представляет собой самый застарелый, имеющий глубо-

[6] См.: *Мацкевич И.М.* Указ. соч. С. 129.

кие корни вид неуставных отношений, основой которого выступает срок службы. Это система изощренных форм физического и психического насилия, обеспечивающая привилегированное положение военнослужащих старших периодов службы по отношению к молодым воинам. Разделение военнослужащих на «категории» (см. таблицу 1) с соответствующими для каждой из них функциями осуществляется путем создания и культивирования «старослужащими» порочных традиций и ритуалов. Они разнообразны, но суть их одна — закрепить разделение военнослужащих по периодам службы и постоянно напоминать им о статусе и роли каждого внутри воинского коллектива. Особенность современной «дедовщины» — ее корыстный характер, проявляющийся в форме «узаконенного» вымогательства, изъятия денег, ценных вещей, продуктов и принуждения к воровству.

Таблица 1

Система неформального разделения военнослужащих по срокам службы

Срок службы (в месяцах)	Наиболее распространенные названия «категорий» военнослужащих	Содержание неформальных функций этих «категорий»
0 — 6	«дух», «таракан, «тень», «череп», «сынок», «салабон», «зеленый», «пират», «салага», «кролик», «удав», «ушастый», «муха», «огурец», «болт», «краб», «мышь», «карась», «заусенец»	Выполнение, помимо своих, части обязанностей 2-й и 3-й (4-й) «категорий» в служебно-бытовой сфере
6—12	«котел», «скворец», «шнурок», «мамонт», «старший таракан», «борзой карась», «слон (солдат любящий огромные нагрузки)»	Выполняют те же функции, что и 1-я категория» с незначительными послаблениями, иногда «руководят» 1-й категорией
12—18	«фазан», «черпак», «лимон», «помазок»	Функции «руководства» и «воспитания» 1-й и 2-й категориями
18 — день приказа об увольнении в запас	«дед», «король, «старик», «старый», «гусь хрустальный», «бугор»	Функции «контроля» за соблюдением сложившейся иерархии (вмешательство в скрытых формах, редко — открыто)
День приказа — день отправки домой	«дембель», «дед», «супердед», «квартирант», «профсоюз», «интурист»	Как правило, нейтральны ко всем категориям, демонстративно безразличны к жизни неформальной структуры

Система неформального разделения военнослужащих по срокам службы основывается на временных периодах, которые военнослужащие по призыву преодолевают в процессе всей службы. Условно можно выделить пять таких периодов. Самые угнетаемые и бесправные — это военнослужащие первого периода службы (момент призыва — шесть календарных месяцев службы). Военнослужащие этой категории выполняют всю физическую работу, начиная с поддержания внутреннего порядка и заканчивая обслуживанием техники, нередко, находясь в наряде, исполняют обязанности «старослужащих» одновременно со своими обязанностями, «обслуживают» военнослужащих старших периодов службы, что выражается в выполнении широкого спектра «штатных» обязанностей (выполнять личные поручения «старослужащих», стирать и гладить им обмундирование, подшивать подворотнички, чистить обувь) и дополнительных поручений (развлекать «старослужащих», снабжать их

деньгами, продуктами питания, сигаретами и спиртным). Военнослужащим этого периода присваиваются унизительные и оскорбительные личные клички, а также клички, общие для всего периода («дух», «тень», «удав», «ушастый»).

Военнослужащие «получают статус» второго периода службы после прохождения процедуры «перевода», при которой присутствуют, как правило, 100 % личного состава подразделения. Каждому «переводимому» наносится определенное количество (согласно сроку службы) ударов ремнем по ягодицам. Военнослужащие, не соблюдающие правил неформальной системы отношений, называемой «дедовщиной», могут быть насильно «переведены» в младший период либо лишены очередного «перевода» и оставлены в прежней категории. Второй период службы (6—12 месяцев) по своему статусу мало отличается от первого периода, однако военнослужащие этой категории уже не самые угнетенные и бесправные. Они начинают готовиться к переходу в разряд угнетателей и иногда даже пытаются «руководить» военнослужащими первого периода службы, хотя по неписаным правилам «дедовщины» это им категорически запрещено. Клички, которые имеют представители этого периода, уже не такие обидные и унизительные и в принципе отражают статус этой группы («старший таракан», «мамонт», «череп»).

Лица, проходящие службу в условиях третьего периода (12—18 месяцев службы), осуществляют функции «воспитания» и «руководства» военнослужащими младших периодов. Этой «касте» присуща крайняя агрессивность по отношению к молодым воинам. Недавние угнетенные сами становятся угнетателями, приобретают массу прав на фоне недавнего бесправия, поэтому именно они являются самыми опасными для военнослужащих младших периодов. Они утверждаются в своем новом статусе, вымещая на младших всю накопившуюся за длительное время озлобленность (в соответствии с правилами сублимированной мести), стремятся доказать всему подразделению (в том числе и командирам) свою исключительность (ведь именно в этот период службы многие из них имеют наибольшие шансы получить повышение в воинском звании).

Военнослужащие четвертого периода (18 месяцев службы — день приказа министра обороны Российской Федерации об увольнении в запас) осуществляют функции «контроля» за соблюдением сложившейся иерархии. Вмешательство в дела коллектива происходит, как правило, в скрытой форме. Открыто военнослужащие этих периодов службы выступают в основном в случае серьезных «нарушений» законов неформальной системы со стороны военнослужащих младших периодов. Представители данного периода по неписаным законам «дедовщины» являются «хозяевами» казармы и носят «уважительные» прозвища («дед», «старик», «годок»). Среди них находится наибольшее количество младших командиров (сержантов, старшин), поддерживающих эту «касту».

Пятый период (день выхода приказа министра обороны Российской Федерации — день фактического увольнения в запас) длится один-два месяца в зависимости от времени призыва конкретного военнослужащего. Представители этой группы мало интересуются жизнью подразделения, их основная цель — как можно быстрее уволиться в запас.

Характерно для «дедовщины» и то, что в равной степени молодые люди, и имевшие допризывной криминальный опыт, и положительно характеризовавшиеся до призыва, имеют равные шансы стать носителя-

ми неуставных традиций, пройдя «школу дедовщины». Отличие между ними может заключаться лишь в различной степени использования неформальных «привилегий». Данный факт свидетельствует об особом, феноменальном качестве «дедовщины» — ее всеохватывающем характере (возможность охвата всех без исключения категорий военнослужащих по призыву вне зависимости от их индивидуальных качеств). Эта особенность рассматриваемого явления — условие существования других его качеств — системности и устойчивости, которые, в свою очередь, лежат в основе «феномена непотопляемости "дедовщины"»[7].

Практически каждый военнослужащий более раннего срока призыва в той или иной мере является носителем неуставных взаимоотношений. Это обусловлено тем, что в неформальной системе взаимоотношений даже для «старослужащих» постоянно существует опасность подвергнуться наказанию за нарушение «традиций» этой системы. Это может быть понижение в статусе («перевод» в положение младшего призыва), деперсонализация и асоциализация личности «провинившегося» (лишение любого правомочного статуса, перевод на низший порог аутсайдности — в категорию отверженного, например, путем семиотического подавления: личные вещи «провинившегося» метятся мочой или фекалиями), побои и другие формы насилия. Находясь под этой постоянной угрозой, любой военнослужащий, проходящий службу в подразделении с неформальной системой воинских отношений, практически вынужден соблюдать неформальные правила этой системы, руководствуясь элементарным инстинктом самосохранения. Создаваемая таким образом круговая порука делает «дедовщину» явлением чрезвычайно живучим и находящим широкое распространение в войсках. К тому же, помимо разнообразных репрессивных форм воздействия, рассматриваемое явление обладает и достаточно востребованной военнослужащими по призыву системой «морального поощрения», основывающейся на том, что добросовестное выполнение молодыми воинами «обязанностей» младших периодов гарантирует им своевременное перемещение в новое качество — старший период службы с утратой части прежних «обязанностей» и приобретением ряда новых «привилегий».

В свою очередь, система «штрафных санкций» включает в себя комплекс форм физического и психического насилия над личностью. Разделение форм насилия на акты физического и психического воздействия является условным, так как обычно трудно определить, какая из этих составляющих доминирует в том или ином антиуставном проявлении. Психическое насилие часто переходит в физическое или является его существенным дополнением. Кроме того, вполне вероятно, что молодой воин может, например, встать на путь суицидального поведения как вследствие систематических избиений, так и под воздействием только психического давления на него со стороны «старослужащих». Среди форм и

---

[7] Об этом феномене подробнее см.: *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 312—313.

[8] Здесь приведены примерные наименования конкретных форм неуставных проявлений, связанных с издевательством, физическим или психическим насилием над военнослужащими. Эти наименования являются условными, так как в различных подразделениях и частях рассматриваемые формы могут иметь другие названия и отличаться некоторыми особенностями. Однако это ни в коей мере не меняет их сущность и противоправную направленность.

проявлений неуставных отношений военнослужащих наиболее распространенными в настоящее время являются следующие[8]:

1. «*Перевод*» военнослужащих из одной категории в другую (из категории «дух» — в категорию «слон», из категории «слон» — в категорию «черпак», из категории «черпак» — в категорию «старик» и т. п.)[9]. Обычно в таком «мероприятии» участвуют все военнослужащие подразделения. Это связано с тем, что каждая категория неформальной системы имеет свои права и обязанности. При этом чем выше (старше) категория, тем прав больше, а обязанностей соответственно меньше. Получить новый (более «уважаемый») статус можно лишь пройдя процедуру «перевода». Как правило, такая «процедура» проводится в день выхода приказа об увольнении в запас (плюс одна неделя после этого) и заключается в «торжественном» оглашении (читке) этого приказа. Для читки приказа об увольнении в запас привлекается обычно самый молодой солдат, который зачитывает приказ, стоя на 1—2 тумбочках или табуретах, после чего тумбочка (табурет) выбивается из-под ног, и он падает. Каждому «переводимому» наносится определенное количество ударов поясным ремнем или металлической пряжкой ремня (как вариант: ложкой, табуретом) по ягодицам согласно сроку службы (18, 12, 6 ударов соответственно). Военнослужащим последнего периода службы удары наносятся ниткой или шнурком. Как правило, «перевод» происходит в ночное время в помещении казармы, однако при усиленном контроле со стороны офицеров место и время проведения этого «мероприятия» может быть изменено, что требует дополнительного внимания командиров к поведению подчиненных в этот период.

2. «*Физо*». Включает в себя различного рода физические упражнения, иногда до полного изнеможения (незапланированные кроссы, упражнения на турнике или брусьях, отжимания от пола, упражнения на пресс, хождение «гусиным» шагом и т. п.). Опасность таких проявлений неуставных отношений заключается в том, что они маскируются под оказание «помощи» по физподготовке молодым воинам либо объясняются инициаторами этих «мероприятий» необходимостью повышения физической подготовки всего подразделения. Варианты этой формы неуставных отношений различны: к занятиям могут привлекаться как отдельные военнослужащие, так и весь молодой призыв в целях наказания за «проступок» одного («групповая терапия»). Как правило, местом проведения таких «мероприятий» становятся спортгородки и спортивные площадки, оборудованные турниками, брусьями и т. д. Однако данная форма может находить свое проявление и в казарме, в спальных кубриках, «каптерках», «бытовках», особенно в ночное время или в зимний период.

3. *Избиения* «провинившихся» солдат — одна из наиболее распространенных форм неуставных отношений военнослужащих. Они могут быть как одиночные, так и групповые, совершаться руками или ногами, с применением подручных предметов или без таковых. Места реализации этой формы не имеют ограничений, а следовательно, ее достаточно сложно предупредить. Скорее можно говорить о пресечении таких проявлений и неотвратимом, принципиальном и достаточно жестком реагировании командира на эти антиуставные проявления в целях удержания от подобного поведения других потенциальных правонарушителей. Кроме того,

---

[9] Подробнее о неформальных категориях см. таблицу 1 «Система неформального разделения военнослужащих по срокам службы».

необходимо иметь в виду, что подобные действия виновных во всех без исключения случаях содержат состав преступления, и если другие формы неуставных отношений иногда могут вызывать определенные сложности при установлении факта и обстоятельств их совершения, то *избиения* этим процессуальным недостатком не обладают. Поэтому командиру в этих случаях необходимо со всей принципиальностью ходатайствовать перед вышестоящим командованием о возбуждении уголовного дела. Следственные и судебные перспективы такого дела будут весьма велики, а его пользу в плане предупреждения неуставных отношений в подчиненном подразделении сложно переоценить.

4. «*Футбол*». В рамках этой формы неуставных отношений «провинившихся» солдат бьют ногами по ступням, голеням, коленям. Наиболее жестоким проявлением данной формы является ситуация, когда наносится несколько ударов в одно и то же место (либо по уже имеющимся ранам), при этом (как наиболее садистский вариант) правонарушители добиваются того, чтобы при ударах молодой солдат не убирал ноги и терпел боль. Как правило, данная форма неуставных отношений применяется как наказание за опоздание в строй, недостаточно твердый строевой шаг и другие мелкие строевые нарушения либо в целях развлечения «старослужащих» и для поддержания их «авторитета» в среде угнетаемых военнослужащих. В результате таких деяний у потерпевших образуются сильные гематомы и воспаления надкостницы на нижних конечностях, которые легко диагностируются при телесном осмотре военнослужащих. Местом применения этой формы является обычно строй военнослужащих.

5. «*Забивание пуговиц*». Так называются удары кулаком в грудь по пуговицам на обмундировании. Если военнослужащие носят обмундирование старого образца (с металлическими пуговицами), выпуклая часть пуговиц деформируется (что легко может быть обнаружено), а металлическое ушко, входя в тело, причиняет очень болезненные ощущения, на груди образуются кровоподтеки. Вариантом рассматриваемой формы неуставных отношений в случае, когда военнослужащие обеспечены вещевым довольствием нового образца, является «*фанера к бою*». При подаче такого рода «команды» молодой солдат, задерживая дыхание, втягивает живот и подает вперед грудь, ожидая удара (как вариант: угнетаемым военнослужащим принимается строевая стойка). Удар наносится кулаком в грудь или в живот. Подобная форма применяется в целях развлечения «старослужащих», а также как средство «воспитания» «нерадивых» солдат. Место подобных неуставных проявлений четко не определено, главное условие — отсутствие рядом командного состава.

6. «*Сухофрукты*» («*ватрушки*»). Так называется выкручивание ушных раковин, различного рода удары по ушам, возможно протыкание ушных раковин иглой. Подобная форма применяется в целях развлечения «старослужащих», а также как средство «воспитания». Место подобных неуставных проявлений четко не определено, главное условие, как и при предыдущей форме, — отсутствие командного состава.

7. «*Поза номер раз*» (или «*поза буква зю*», «*мама моет пол*», «*першинг к бою*» и др.). Угнетаемый солдат наклоняется вперед и упирается руками в колени. Старослужащий наносит ему удар ногой (или табуретом) по ягодицам, отчего солдат падает. Данная форма применяется в целях развлечения «старослужащих» и подавления воли потенциальных «возмущенных» из числа молодых солдат.

8. «*Закаливание*». Под различными предлогами угнетаемые военнослужащие лишаются теплых предметов обмундирования (теплого нательного белья, рукавиц, перчаток, иногда шинелей и бушлатов, зимних шапок). При расположении подразделения в летнем палаточном лагере у молодых солдат в ночное время отбираются одеяла, а сами они выгоняются на улицу для «закаливания». Пребывание на улице в нижнем белье они обычно объясняют командирам необходимостью отправления естественных надобностей. Предпосылки подобной формы неуставных отношений создаются в первую очередь бездействием (попустительством) суточного наряда и сержантского состава подразделения.

9. «*Электрический стул*». Молодой солдат стоит спиной к стене на полусогнутых в коленях ногах и на вытянутых руках держит стул или табурет. Через некоторое время солдат начинает дрожать от напряжения, далее он опускает (роняет) табурет, из-за чего его избивают. Подобная форма используется в качестве развлечения «старослужащих» или для «воспитания строптивых».

10. «*Заряжание оружия*». Такое название имеет форма издевательства, при которой угнетаемому солдату прикладом автомата или карабина (снятого с предохранителя) наносится удар по спине или груди, которую последний специально подставляет по «просьбе» «старослужащего». При ударе затворная рама частично отходит назад, и происходит подобие заряжания оружия. На груди (спине) остаются синяки и гематомы. Данная форма применяется как развлечение «старослужащих» и средство «воспитания силы воли» и терпения у угнетаемых солдат. Особенностью данной формы является то, что она имеет место, как правило, в «боевых» частях, в зонах вооруженных конфликтов, в подразделениях, где личный состав имеет возможность регулярно контактировать с оружием. Место реализации данной формы — караульные помещения, оружейные комнаты, комнаты для чистки оружия и т. д.

11. «*Телевизор*». Угнетаемый солдат прижимает к своему лицу подушку, по которой «старослужащий» сильно бьет кулаком или ногой. Опасность данной формы заключается в том, что следов на лице практически не остается (что существенно затрудняет процесс установления и доказывания события преступления). Однако подобное издевательство часто приводит к серьезным травмам (сотрясение мозга и т. д.). Место реализации данной формы, как правило, кубрик казармы. Время — ночное или вечернее.

12. «*Бритье*». По причине хронической нехватки времени для удовлетворения личных нужд (так как личное время молодые солдаты вынуждены тратить на обслуживание «старослужащих», что само по себе является отдельной формой неуставных отношений), а также из-за отсутствия собственных туалетных принадлежностей (см. форму неуставных отношений «изъятие») молодые солдаты часто бывают небритыми или выбритыми недостаточно тщательно. «Старослужащие» «исправляют» этот недостаток («бреют» их) с помощью вафельного полотенца (как садистский вариант: зажигалки или спичек). В результате на лице образуются ожоговые травмы кожного покрова. Применяется данная форма для развлечения «старослужащих» и укрепления их «авторитета» (подобные действия часто мотивируются необходимостью соблюдения устава и поддержания уставного внешнего вида), а также для «воспитания» «нечистоплотных» солдат и устрашения недовольных. Места применения данной формы не ограничены. Однако при отсутствии контро-

ля со стороны должностных лиц подобные издевательства совершаются при проведении утреннего осмотра либо сразу после него.

13. «*Бочка пива*» («*кружка пива*»). Молодой солдат, стоя лицом к стене и опираясь на нее руками, получает удар (удары) по почкам. Опасность данной формы заключается в том, что следов побоев практически не остается (что значительно затрудняет процесс установления и доказывания события преступления). Однако подобное издевательство часто приводит к серьезным последствиям для здоровья (отказывают почки и т. д.). Местом реализации данной формы, как правило, является кубрик казармы. Время — ночное или вечернее. Применяется данная форма для «наказания» «провинившихся» и устрашения остальных.

14. «*Думать*». Молодой солдат принимает положение вниз лицом в упоре лежа на вытянутых (иногда полусогнутых) руках или локтях. «Старослужащий» следит за тем, чтобы молодой солдат не ложился на пол; если такое происходит, то следует удар снизу сапогом в живот или грудь или же удар по спине поясным ремнем. Применяется в качестве средства «воспитания» как отдельных военнослужащих, так и всех военнослужащих младшего призыва. Вариантом рассматриваемой формы неуставных отношений является «*сушка крокодилов*», при которой молодые солдаты упираются ногами и руками в дужки кроватей и в таком положении находятся столько времени, сколько могут выдержать. Последствия «ненадлежащего» выполнения этого «упражнения» аналогичны предыдущим.

15. «*Забодай дедушку*» («*коррида*»). При подаче данной «команды» молодой солдат прикладывает руки к голове, изображая «рога», и движется в сторону «старослужащего»». Последний уклоняется и наносит молодому солдату удар кулаком по голове. Данная форма применяется в качестве развлечения «старослужащих». Место проведения, как правило, казарма. Время — вечернее или ночное.

16. «*Велосипед*». Спящему молодому солдату между пальцами на ногах вставляют клочки бумаги (спички) и поджигают. Рефлекторные движения ногами вследствие причиненной боли от ожога напоминают движения велосипедиста. Подобная форма применяется для развлечения «старослужащих». Место — спальное помещение. Время — ночное.

17. «*Полет в космос*». Кровать со спящим молодым солдатом приподнимается на 40—50 см над полом и резко бросается. От удара кровати о пол солдат падает с нее. Используется как средство развлечения «старослужащих» в ночное время.

18. «*Промывание желудка*». Молодого солдата заставляют пить воду до рвотных позывов (в более садистской форме — вода вливается посредством шланга через прямую кишку, при этом у молодого солдата начинаются непроизвольные испражнения). Используется как средство «воспитания» «провинившихся» солдат и развлечения «старослужащих».

19. *Мужеложство* и другие формы половых извращений по отношению к молодым солдатам. Подобные преступления характерны для таких видов неформальной антиуставной системы, как «криминальный беспредел» и «землячество» (в последнем случае — значительно реже). Это одна из наиболее жестоких форм неуставных отношений, и хотя встречается она достаточно редко, по возможным последствиям (самоубийство потерпевшего, групповые «расстрелы» обидчиков и т. д.) имеет наивысшую степень общественной опасности. Применяется данная

форма в качестве «наказания» наиболее «строптивых» и для устрашения остальных военнослужащих.

20. «*Обслуживание*» «старослужащих». В рамках этой формы неуставных отношений на молодых солдат возлагаются некоторые служебные обязанности «старослужащих» (хождение в наряд и т. д.), а также выполнение «личных просьб» последних (подшивать воротнички, чистить обувь, гладить обмундирование, бегать в магазин и т. д.). Иногда на одного молодого солдата может возлагаться выполнение до 20—30 «поручений» в день.

21. *Изъятие* у молодых солдат предметов обмундирования и экипировки (с частичной их подменой на бывшие в употреблении предметы или без таковой), а также личных вещей и продуктов, присылаемых родственниками, денег из получаемого денежного довольствия, почтовых переводов родственников, продуктов питания при приеме пищи и т. д. По своей сути подобное вымогательство само по себе уже является уголовно наказуемым деянием и должно в корне пресекаться командирами. Место и время данной формы не ограничено. Следует отметить, что в настоящее время описываемая форма имеет в Вооруженных Силах Российской Федерации наибольшее распространение по сравнению с другими формами. Более того, по сути, она является собирательным понятием, так как ее содержание составляют самостоятельные и весьма опасные формы неуставных отношений. К примеру, варианты изъятия могут быть следующими:

а) «*угощение*» — молодые солдаты на сумму полученного от родственников перевода обязаны вести «старослужащих» для угощения в солдатскую чайную или регулярно покупать для них в продовольственном магазине различные продукты питания;

б) «*заем*» — деньги изымаются под видом их займа (возврат долга после такого «займа» не предусмотрен);

в) «*возмещение украденного*» — происходит в тех случаях, когда во внутреннем наряде по подразделению стоят молодые солдаты. Кто-либо из «старослужащих» заявляет о пропаже у него денег, при этом молодые солдаты в счет погашения «пропажи» вынуждены просить денег у своих родителей или занимать у офицеров;

г) «*принятие денег на хранение*» — под предлогом «чтобы не украли». Возвращение денег их прежним владельцам не предусматривается;

д) изъятие денег без всяких «уважительных» причин — просто потому, что «так положено».

Помимо прочего, в «обязанности» молодых солдат может входить «своевременное» сообщение «старослужащим» о получении денежного перевода. В случае же сокрытия данного факта может последовать наказание. Информация о получении денежных переводов и посылок поступает от нештатного почтальона подразделения. Распространены различного рода денежные поборы на закупки туалетных принадлежностей, подшивочного материала и т. д. Указанные предметы частично закупаются и выдаются молодым солдатам, однако часть денег может оставаться у сержантов или «старослужащих». Кроме того, по «просьбе» «старослужащих» молодые солдаты могут занимать деньги у офицеров и прапорщиков подразделения. Добытые таким образом деньги передаются «старослужащим», долг же офицерам или прапорщикам возвращается молодыми солдатами из своего денежного довольствия.

Способы сокрытия денежных поборов с молодых солдат весьма разнообразны и эффективны. Так, например, с разрешения «старослужащих» часть денежного довольствия молодых солдат может использоваться на приобретение некоторых предметов личной гигиены, наличие которых снимает подозрение в полном отсутствии денег у последних. Или же молодым солдатам может оставляться без права использования до половины суммы их денежного содержания для немедленного предъявления денег при проверке офицерами. Затем и эта денежная сумма изымается «старослужащими» без риска быть уличенными в денежных поборах.

22. «*Дембельский календарь*». Ведется молодыми солдатами в период «стодневки» (сто дней до приказа об увольнении в запас). Каждый прошедший день тщательно отмечается молодым солдатом в персональном календаре. На вопрос «старослужащего», сколько ему («старослужащему») еще служить, должен следовать быстрый и точный ответ. Общественная опасность подобных деяний (помимо издевательской формы) проявляется в том, что в случае ошибки хотя бы на один день молодого солдата ждет физическое наказание.

23. «*Изучение уставов*» (инструкций, наставлений, технических описаний и т. п.) молодыми солдатами во время, отведенное для сна или отдыха. Иногда подобные формы «воспитания» применяются в унизительных формах — стоя на коленях, на табурете, в туалете и т. д. Общественная опасность подобного наставничества (помимо издевательской формы) проявляется в том, что антиуставными методами, не совместимыми с нормальным порядком прохождения военной службы, «старослужащие» добиваются якобы благих целей — изучения необходимых по службе документов, чем «уничтожают» положительное отношение угнетаемого военнослужащего к изучению таких документов и в целом к военной службе.

24. «*Ночное вождение*». После отбоя молодые солдаты по командам «старослужащих» ползают под кроватями, издавая при этом звуки, имитирующие работу автомобильного (танкового) двигателя. При этом они «переключают скорости» (ползут медленнее или быстрее), «выстраиваются в колонну машин», «тормозят на светофоре» и т. п. Применяется данная форма, как правило, для развлечения «старослужащих». Особенностью является специальное предназначение подразделения, в котором она может существовать. Это в основном автомобильные и танковые подразделения. Время проведения — ночное. Как вариант рассматриваемой формы неуставных отношений в авиационных подразделениях могут быть «*полеты*». Молодые солдаты, изображая «самолет» (вытянув в стороны руки и имитируя голосом работу двигателя), производят «взлет», «посадку», «бомбометание» (с предметами обуви в вытянутых руках), «воздушный бой» и т. п.

25. «*Музыкальная зажигалка*». По желанию «старослужащего» молодой солдат должен найти в любое время суток (как правило, ночью) сигарету. Когда «старослужащий» прикуривает от спички, поданной молодым солдатом, последний должен напевать мелодию.

26. «*Дембель в опасности*». По этой команде молодые солдаты вскакивают на второй ярус кровати и поддерживают руками «обрушивающийся» потолок. Применяется для развлечения «старослужащих». Место — спальное помещение. Время — ночное.

27. «*Дембельский поезд*». Молодые солдаты имитируют для лежащих на кроватях «старослужащих» движение поезда: паровозный гудок, стук колес, движение по ходу «поезда» местных предметов (деревьев, столбов, фонарей, для чего размахивают ветками, фонариком и т. д.), раскачивание «вагона». При этом могут следовать сообщения «машиниста» о пройденных километрах пути (количество дней службы). Применяется данная форма в качестве развлечения «старослужащих». Место — спальное помещение, время — ночное.

Перечень подобных неуставных проявлений можно было бы продолжать, однако в этом нет необходимости, так как рассмотренные формы позволяют сформулировать некоторые выводы, имеющие существенное значение для организации предупреждения и пресечения подобных негативных фактов. Анализ основных (рассмотренных выше) форм неуставных взаимоотношений показывает, что абсолютное большинство из них являются результатом стремления одних военнослужащих (как правило, старшего призыва) получить привилегии за счет других, занимающих более низкое положение в неформальной воинской иерархии, или следствием хулиганских побуждений (в случае, когда неуставные деяния совершаются по мотивам развлечения «старослужащих»). Следовательно, комплекс мер по предупреждению неуставных отношений должен быть направлен в первую очередь на нейтрализацию именно такой мотивации военнослужащих.

Второй вид неуставных отношений — «землячество» — основан на неформальном разделении военнослужащих по национально-этнической (представители коренных национальностей автономных образований Российской Федерации) или региональной принадлежности (как вариант: месту призыва). Наибольшую внутреннюю сплоченность и внешнюю агрессивность имеют «земляческие» группировки, состоящие из представителей «кавказских национальностей». Затем следуют группировки из лиц, призванных из автономных образований, где большинство населения исповедует ислам (Татарстан, Башкортостан). Для представителей славянских национальностей, в свою очередь, характерны внутренняя разобщенность, наличие неустойчивых (в основном по срокам призыва) микрогрупп и равнодушие к судьбам своих земляков, подвергшихся издевательствам. Более того, в пределах своей группы славяне проявляют значительно большую жестокость, чем представители других «землячеств» по отношению друг к другу.

«Земляческие» объединения могут создаваться как в рамках отдельного подразделения или части (черта, характерная для «дедовщины»), так и в масштабе нескольких частей и даже гарнизона. Доминирующая «земляческая» группировка (в отличие от «дедовщины», где положение «лидеров» очень устойчиво) вынуждена постоянно поддерживать свой статус, вследствие чего в орбиту локальных межгрупповых конфликтов втягиваются военнослужащие других подразделений. Иногда это может приводить к тяжким последствиям (групповые драки, применение оружия). Смена доминирующей «земляческой» группы по причине изменения национального состава подразделения вследствие нового призыва происходит, как правило, очень болезненно.

В «земляческих» группировках существует своя внутренняя иерархия, основанная не только на сроках призыва, но и на национальных обычаях, традициях, общеобразовательном уровне, материальном положении, районе проживания семьи, родственных связях. Возникающие

внутригрупповые конфликты, как правило, не выносятся на уровень подразделения, а конфликтующие стороны быстро сплачиваются при появлении какой-либо внешней угрозы. В мононациональные группы допускаются и представители других национальностей, проживавшие до призыва в той же местности, знающие язык или исповедующие ту же религию. «Землячество» — крайне «живучая» форма неуставных отношений. Профилактическая работа в таких подразделениях может полностью блокироваться внутригрупповой сплоченностью, основанной на национально-психологических особенностях представителей этих групп.

Следует особо отметить тревожную тенденцию последних лет, заключающуюся в резком росте корыстной направленности неуставных взаимоотношений военнослужащих. Современные неуставные проявления все чаще совершаются не в целях «развлечения» доминирующей группы военнослужащих (как это было в советский период), а ради извлечения материальных благ. Результаты опросов военнослужащих по призыву свидетельствуют о том, что в значительной части подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации присутствуют различные проявления «казарменного рэкета». Это явление включает в себя изъятие «старослужащими» у молодых солдат денег, личных вещей, продуктов питания и предметов обмундирования. Особую тревогу вызывают случаи разукомплектования штатной техники и систем вооружения в целях продажи демонтированных агрегатов. Это одно из проявлений «казарменного рэкета». Молодые военнослужащие, не имея постоянных источников денежных поступлений и систематически подвергаясь вымогательству со стороны «старослужащих», вынуждены воровать в своей воинской части все что возможно, а затем продавать за бесценок (например, скупщикам цветных или черных металлов). Достаточно большое распространение подобных фактов в современных Вооруженных Силах Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что неуставные отношения являются не только криминальным, но и криминогенным, порождающим другие преступления явлением.

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать следующие выводы:

1. Неуставные взаимоотношения в современных Вооруженных Силах России являются основой совершения преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ, и представляют собой систему организованного физического и психического насилия, преследующего цель подчинения одних групп военнослужащих другими для обеспечения последним облегченных условий службы и быта. Внутренним источником неуставных отношений является мощная неформальная система «морального поощрения» и «штрафных санкций», позволяющая, с одной стороны, принуждать к исполнению «правил» и «традиций» неформальной воинской структуры, а с другой — поощрять их добросовестное исполнение, стимулируя тем самым поведение, необходимое для сохранения и воспроизводства неуставных отношений в воинском коллективе.

2. Особенностью неуставных взаимоотношений последних лет является трансформация абсолютного их большинства из преступлений насильственно-хулиганской направленности в посягательства, имеющие корыстно-насильственное содержание. Многочисленные факты разукомплектования военной техники с последующей продажей похищенных предметов, иных краж военного имущества, а также попрошайничества в целях удовлетворения «финансовых» требований правонарушителей в сфере уставных взаимоотношений позволяют сделать вывод о том, что

неуставные отношения являются не только криминальным, но и криминогенным явлением.

§ 2. Уголовно-правовая оценка нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности и некоторые аспекты ее криминологической обусловленности

Основой всех социальных явлений являются общественные отношения. Специальную группу в структуре этих отношений составляют воинские общественные отношения, система которых складывается из совокупности служебных и бытовых отношений военнослужащих, а также боевой деятельности армии и флота. Военная служба как разновидность государственной службы порождает определенные взаимоотношения между военнослужащими. Эти отношения, урегулированные нормами военного законодательства, приобретают форму воинских правоотношений, включающих юридически значимое поведение субъектов, их права и обязанности[10].

Обязательные правила воинских взаимоотношений перечислены в части первой (гл. 1—3) УВС ВС РФ, а общий перечень правил поведения содержится в гл. 1 ДУ ВС РФ. Эти положения воинских уставов составляют правовую основу формирования нормальных взаимоотношений в каждом воинском коллективе. Отступление от их требований является нарушением порядка воинских взаимоотношений. Наиболее опасные из этих деяний криминализированы и предусматриваются ст.ст. 332, 333, 334, 335, 336 УК РФ. Помимо составов, перечисленных в гл. 33 УК РФ, нарушение указанных отношений со стороны начальников (командиров) в условиях военной службы охватывается ст. 286 УК РФ.

Преступления против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими составляют особую группу в системе воинских преступлений. Эти правонарушения возникают на почве антиуставных отношений между различными категориями военнослужащих и, как правило, проявляются в насильственных действиях над потерпевшими. Существует несколько групп этих правонарушений.

Первую группу составляют преступные посягательства на уставной порядок взаимоотношений между подчиненными и командирами (начальниками). Виновные применяют насилие, грубо унижают достоинство командиров, препятствуя исполнению последними своих служебных обязанностей, навязывая им свою волю. В ряде случаев, основываясь на критериях неформальных воинских отношений (срок службы, национальность и др.), виновные имеют целью своих действий подмену уставных правил воинского общения «подчиненный — начальник» антиуставными. Такие деяния, как правило, содержат признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 333, 334 УК РФ, а также ч. 2 ст. 336 УК РФ

Ко второй группе преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений относятся деяния (как правило, насильственные) со стороны командиров в отношении подчиненных лиц. Они проявляются в таких действиях, как сопряженное с насилием превышение должностных полномочий (ч. 3 ст. 286 УК РФ), оскорбление подчиненного (ч. 2 ст. 336 УК РФ), сопротивление лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению

[10] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1982. С. 146.

этих обязанностей, сопряженное с насилием или угрозой его применения (ст. 333 УК РФ). Эти преступления обычно связаны с неумением либо нежеланием некоторых начальников, главным образом сержантского состава, обеспечить должный воинский порядок методами, установленными воинскими уставами.

К третьей группе следует отнести нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) и оскорбление военнослужащего (ч. 1 ст. 336 УК РФ). Данные преступления совершаются на почве неправильных, антиуставных отношений между равными по служебному положению военнослужащими, обусловленных в большинстве случаев системой неформальных (неуставных) межличностных отношений, иначе именуемых «дедовщиной». Характерной особенностью указанных преступлений являются стремление виновных подчинить сослуживцев своему влиянию, переложить на них исполнение наиболее сложных служебных обязанностей, заставить молодых воинов оказывать им личные услуги, создать себе привилегированное положение в коллективе.

В свете сложившейся в войсках криминальной ситуации, связанной с неформальной системой разделения военнослужащих по призыву, особый интерес представляет именно последняя группа нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих. Необходимо отметить, что уголовно-правовой аспект рассматриваемой проблемы достаточно подробно исследован в фундаментальных работах Х.М. Ахметшина, Ф.С. Бражника, А.А. Тер-Акопова, В.В. Лунеева и других ученых, в связи с чем в настоящей работе отражен в общих чертах. Вместе с тем для формирования у читателя более комплексного и адекватного представления о неуставных взаимоотношениях в современной армии России и их правовой оценки по действующему законодательству Российской Федерации автор считает необходимым остановиться на некоторых сущностных особенностях уголовно-правовой характеристики нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности, а также затронуть вопросы криминологической обусловленности[11] современной редакции ст. 335 УК РФ.

Преступления против уставных взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности представляют серьезную опасность для нормального функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации и других формирований, в которых предусмотрена военная служба. Посягая на установленный порядок взаимоотношений военнослужащих, эти преступления подрывают такие важные составляющие военной службы, как воинская дисциплина и внутренний порядок. Нарушения воинской дисциплины и внутреннего порядка, в свою очередь, неизбежно влекут за собой снижение боеготовности и боеспособности подразделения. Кроме того, эти деяния препятствуют надлежащему исполнению потерпевшими своих служебных обязанностей, снижают эффективность боевой учебы, а в ряде случаев могут порождать совершение потерпевшим преступлений вследствие при-

[11] О понятии криминологической обусловленности см., например: *Филимонов В.Д.* Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 4; *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 29.

мененного к нему насилия. Помимо этого, рассматриваемые преступления посягают на личность военнослужащего, причиняют ей физический, моральный или материальный вред.

Общественная опасность подобных деяний требует их соответствующей уголовно-правовой оценки. Уголовная ответственность за эти преступления предусмотрена ст. 335 УК РФ. Абсолютное большинство отношений, возникающих между военнослужащими при прохождении службы, урегулировано воинскими уставами. Основные требования к порядку таких взаимоотношений содержатся в УВС ВС РФ и ДУ ВС РФ. Однако следует отметить, что по ст. 335 УК РФ квалифицируются не все нарушения уставных взаимоотношений, а лишь те, которые связаны с унижением чести и достоинства потерпевшего или издевательством над ним, либо сопряженные с иным насилием над его личностью. По своей природе рассматриваемые преступления являются воинскими правонарушениями, так как основным объектом посягательства выступает установленный законодательством порядок прохождения военной службы. Вред личности, на который прямо указывается в диспозиции ст. 335 УК РФ, выступает лишь дополнительным объектом[12] рассматриваемых преступлений.

Попытки решить проблему разграничения воинских и общеуголовных преступлений имели место еще два тысячелетия назад. Свое правовое оформление они получили в Дигестах Юстиниана. В Титуле XVI, разд. 6, где законодателем изложены принципы разграничения ответственности военнослужащих за воинские и общеуголовные преступления, указано, что любое правонарушение — воинское, если совершено в нарушение общей дисциплины. В настоящее же время отграничение ст. 335 УК РФ от конкурирующих общеуголовных норм основывается на ряде сущностных особенностей исследуемых преступлений.

А. По ст. 335 УК РФ квалифицируются только деяния, посягающие на установленный порядок прохождения военной службы. Это происходит при наличии трех следующих условий объективного и субъективного характера:

1) если физическое или психическое насилие над потерпевшим совершено в связи с исполнением им обязанностей военной службы;

2) если преступление не связано с исполнением потерпевшим обязанностей военной службы, но в момент его совершения либо он, либо виновный находились при исполнении этих обязанностей;

3) если преступление совершено не в связи и не при исполнении обязанностей военной службы, но было сопряжено с проявлением явного неуважения к воинскому коллективу.

Несмотря на то, что рассматриваемые деяния могут совершаться при различных обстоятельствах, в разное время и по различным мотивам, при наличии любого из вышеуказанных условий они должны квалифицироваться по ст. 335 УК РФ[13], так как нарушают установленный порядок прохождения военной службы.

Б. Преступления рассматриваемой категории, причиняя вред личности военнослужащего, препятствуют исполнению им своих служебных

[12] О дифференциации объектов преступлений на основные и дополнительные см., например: Учебник уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1996. С. 87.

[13] Подробнее об этом см.: Преступления против военной службы (военно-уголовное законодательство России). С. 90—91.

обязанностей. Не вызывает сомнения тот факт, что человек, подвергающийся систематическому или даже единичному физическому или психическому насилию, не может надлежащим образом исполнять обязанности, предусмотренные военным законодательством. Он становится неэффективной боевой единицей, отрицательно влияющей на боевое слаживание подразделения в частности и создающей тем самым угрозу боеготовности и боеспособности войск в целом. Боевая готовность войск, в свою очередь, выступает в качестве главного фактора военной безопасности государства. Последнее обстоятельство послужило основанием для признания рядом ученых, в частности Х.М. Ахметшиным и А.А. Тер-Акоповым, родовым объектом преступлений против военной службы военной безопасности государства, трактуемой ими как состояние защищенности страны от вооруженной агрессии[14]. А как справедливо отмечает О.К. Зателепин: «...военная безопасность представляет собой именно ту ценность, причинение вреда которой составляет суть общественной опасности преступлений против военной службы»[15]. Крайне отрицательное влияние неуставных отношений на боевую готовность подразделения очевидно. Эта особенность неуставных взаимоотношений периодически отмечалась и в руководящих документах военного законодательства[16]. Следовательно, рассматриваемые преступления, помимо личности потерпевшего, посягают на защищаемый уголовным законом порядок прохождения военной службы, обусловленный предназначением Вооруженных Сил Российской Федерации.

В. Учитывая многообъектный характер преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, следует отметить, что квалификация преступлений против военной службы по объекту посягательства при конкуренции общей и специальной норм должна осуществляться только по специальной норме[17]. В то же время при конкуренции части и целого квалификация рассматриваемых преступлений по объекту посягательства должна осуществляться только по той норме, которая охватывает совершенное деяние в целом. В целях полной оценки повышенной общественной опасности неуставных отношений, связанных с применением насилия, в ряде случаев необходима квалификация по совокупности с соответствующими общеуголовными нормами. Это связано с тем, что объект преступления в ст. 335 УК РФ шире, чем объект преступления, предусмотренного ст. 111 или ст. 112 УК РФ. Если причинение вреда здоровью посягает только на здоровье человека, то при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими посягательство направлено на установленный порядок прохождения военной службы (порядок взаимоотношений, установленный воинскими уставами) посредством причинения потерпевшему вреда здоровью различной степени тяжести. Поэтому при конкуренции указанных норм должна применяться ст. 335 УК РФ как наиболее полно охватывающая все фактические признаки совершенного деяния.

---

[14] См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник. М., 1998. С. 433.

[15] *Зателепин О.К.* Объект преступления против военной службы: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 44.

[16] См., например, приказ министра обороны СССР от 16 августа 1987 г. № 0160.

[17] Подробнее об этом см., например: *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 243—244.

Однако следует отметить, что несогласованность действующего законодательства в части санкций конкурирующих составов преступлений не позволяет во всех случаях пользоваться указанным правилом о конкуренции части и целого. В частности, не поддается разумному объяснению размер санкции по ч. 3 ст. 335 УК РФ. Рассматриваемая санкция предусматривает лишение свободы на срок до десяти лет, что является более строгим наказанием лишь по сравнению с санкцией ч. 1 ст. 111 УК РФ. Однако в чч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ наказания за квалифицированные составы причинения тяжкого вреда здоровью существенно превышают санкции ч. 3 ст. 335 УК РФ, что свидетельствует о недостаточно адекватной оценке повышенной общественной опасности рассматриваемых преступлений с учетом их многообъектности. Подобная несогласованность санкций вызывает затруднения при квалификации рассматриваемых преступлений. В подобной ситуации содеянное можно квалифицировать либо по совокупности преступлений против личности и против военной службы, либо только как преступление против военной службы. Квалификация по совокупности определяется необходимостью более полной правовой оценки совершенного преступления. В свою очередь, квалификация только по ст. 335 УК РФ объясняется специальным характером воинских правовых норм.

С учетом размера санкций в конкурирующих нормах правильным представляется именно первый вариант квалификации, т. е. по совокупности с чч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ (при наличии соответствующих квалифицирующих признаков). Этой точки зрения придерживается большинство представителей военно-юридической науки и практики. В тех же случаях, когда в действиях виновного отсутствуют квалифицирующие признаки ст. 111 УК РФ, деяние должно полностью охватываться ч. 3 ст. 335 УК РФ. Следует, однако, отметить, что подобный вариант квалификации (по совокупности) является вынужденной мерой в условиях несовершенства законодательства. Для того чтобы наиболее опасные формы неуставных отношений военнослужащих получали необходимую правовую оценку, законодателю необходимо устранить вышеуказанную несогласованность в санкциях рассмотренных норм.

Таким образом, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, является установленный порядок прохождения военной службы, а непосредственным объектом этого преступления — закрепленный в воинских уставах порядок взаимоотношений военнослужащих, не состоящих в отношениях подчиненности. Здоровье, честь и личное достоинство военнослужащих в рассматриваемом преступлении выступают в качестве обязательного дополнительного объекта, поскольку при совершении этих преступлений всегда причиняется непосредственный вред (физический, моральный или материальный) личности потерпевшего, являющегося военнослужащим. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех ученых, которые утверждают, что личность потерпевшего в рассматриваемых преступлениях является составным элементом порядка несения воинской службы и не может выступать дополнительным объектом преступления[18]. Также следует отметить, что в случаях применения одним военнослужащим к другому насилия, обусловленного сугубо личными взаимоотношениями и не связанного с отно-

[18] См.: *Смердов А.А.* Борьба с преступлениями против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 35.

шениями по военной службе, содеянное не может квалифицироваться по ст. 335 УК РФ. Данная ситуация находится вне сферы военно-служебных отношений, а лицо, виновное в таком деянии, подлежит уголовной ответственности по статьям Особенной части УК РФ за преступления против личности[19]. Следовательно, именно непосредственный объект рассматриваемого преступления лежит в основе разграничения воинского преступления и преступления против личности.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется многообразием действий, составляющих ее содержание. Законодатель не перечисляет всех действий, выполнение которых образует объективную сторону этих преступлений, а ограничивается лишь указанием на то, что эти действия нарушают уставные правила взаимоотношений военнослужащих и должны быть связаны с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряжены с насилием.

Трудности определения диспозиции, с которыми, вероятно, столкнулся законодатель, вполне очевидны. Они связаны с тем, что неуставные отношения военнослужащих имеют множество видов и форм[20] своего проявления. Многообразие действий, которые могли бы квалифицироваться по рассматриваемой статье, создает ситуацию, при которой фактически невозможно перечислить в рамках одной диспозиции их все или хотя бы большинство. Однако существующая конструкция диспозиции ст. 335 УК РФ все же представляется не вполне корректной по следующим соображениям:

1. По существу, диспозиция ст. 335 УК РФ объединяет несколько составов преступлений против личности, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Первым в ст. 335 УК РФ указано такое нарушение правил взаимоотношений, которое связано с унижением чести и достоинства потерпевшего. Деяние, унижающее честь и достоинство личности, в свою очередь, предусмотрено ст. 130 УК РФ и именуется оскорблением. В то же время оскорбление военнослужащего криминализировано ст. 336 УК РФ. Пленум Верховного Суда определил оскорбление как выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство[21]. Следовательно, логично было бы предположить, что ст. 336 УК РФ дифференцирует ответственность за преступление, предусмотренное ст. 130 УК РФ, с учетом непосредственного объекта посягательства — закрепленного в уставах порядка соблюдения воинской чести и уважения личного достоинства военнослужащих. Помимо объекта посягательства, состав преступления, предусмотренного ст. 336 УК РФ, отличается от состава ст. 130 УК РФ наличием обязательных призна-

---

[19] См.: Определение Военной коллегии Верховного Суда по делу Мавропоро // Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР и Управления военных трибуналов. М., 1987. С. 24.

[20] Об этом подробно говорилось в § 1 гл. 1 разд. I.

[21] См.: О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 1979 г. № 4 в редакции постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 11 и 25 октября 1996 г. № 10 // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Сост. С.В. Бородин, А.И. Трусова; под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2001. С. 595.

ков объективной стороны — совершение оскорбления во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы. Эти признаки предполагаются (хотя и не закреплены) и в диспозиции ст. 335 УК РФ, что позволяет сделать вывод о некоторой тождественности действий, связанных с унижением чести и достоинства при нарушении правил уставных взаимоотношений и оскорблением военнослужащего. Однако ст. 335 УК РФ применяется при наличии еще одной группы ситуаций, не предусмотренной ст. 336: когда действие, связанное с унижением чести и достоинства военнослужащего, совершено не в связи и не при исполнении обязанностей военной службы, но сопровождалось проявлением явного неуважения к воинскому коллективу. Кроме того, ст. 335 УК РФ предусматривает действия, связанные с унижением чести и достоинства, не указывая, что они должны выражаться в неприличной форме, как это указано в диспозиции ст. 130 УК РФ. Правоприменителю фактически приходится пользоваться аналогией права (!), распространяя на ст. 335 и ст. 336 УК РФ понятие оскорбления, указанного в ст. 130 УК РФ.

Вызывает затруднения правоприменителя и «оценочный» характер степени унижения чести и достоинства потерпевшего при квалификации преступления по ст. 335 УК РФ. В связи с тем, что объем (степень) унижения чести и достоинства потерпевшего законодательно не закреплен, вопрос квалификации по этому признаку ст. 335 УК РФ решается по аналогии (!) со ст. 130 УК РФ, что приводит к неточной правовой оценке содеянного (по причине различия в объектах посягательства) и в конечном итоге ведет к искусственной латентизации этих преступлений. Грамматическое, сравнительное и логическое толкования ст. 335 УК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель при конструировании этого состава либо не учел признак «неприличной формы», либо имел в виду иное содержание «унижения чести и достоинства», отличное от толкования, данного в ст. 336 УК РФ (что маловероятно), либо предусмотрел ответственность за унижение чести и достоинства личности военнослужащего только в случае, когда это деяние сопровождалось проявлением явного неуважения к воинскому коллективу (так как признаки «в связи» и «при исполнении» отражены в ст. 336 УК РФ), либо подразумевал иные признаки, отсутствующие в ст. 336 (однако в этом случае данные признаки подлежат обязательному включению в диспозицию ст. 335 УК РФ).

По поводу разграничения ст. 335 УК РФ и ст. 336 УК РФ представляется правильной позиция Х.М. Ахметшина, считающего, что «оскорбление, предусмотренное ст. 336, выражается в отрицательном отношении виновного к личности потерпевшего, унижении его чести и человеческого достоинства, но не связано с предъявлением к нему тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы, стремлением виновного добиться для себя привилегированного положения в воинском коллективе»[22]. При наличии у виновного указанных целей его действия должны квалифицироваться по ст. 335 УК РФ. Упомянутое основание разграничения должно найти свое правовое выражение в диспозиции ст. 335 УК РФ, чего в настоящее время не сделано. Эта законодательная недоработка порождает ошибки квалифика-

[22] Преступления против военной службы (военно-уголовное законодательство России). С. 97.

ции и вносит дезорганизацию в понимание сущности рассматриваемой нормы.

2. Вторым альтернативным признаком объективной стороны в ст. 335 УК РФ указано нарушение правил взаимоотношений, связанное с издевательством над потерпевшим. Понятие «издевательство» не является юридическим и законодательно не определено. Однако оно встречается в ст.ст. 63, 107, 111, 112, 302, 335 УК РФ и связано (кроме ст. 335 УК РФ) с обстоятельствами, отягчающими наказание виновного, либо является квалифицирующим признаком некоторых преступлений. При этом правоприменителю фактически приходится пользоваться общелексическим значением этого понятия.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова издевательство определяется как «злая насмешка, оскорбление, а также оскорбительный поступок, поведение по отношению к кому-либо»[23]. В юридической литературе встречаются несколько определений этого понятия[24], принципиально не отличающихся друг от друга. Суть их заключается в понимании издевательства как физического или психического насилия, носящего циничный характер либо совершенного в течение более или менее продолжительного времени. При этом издевательство практически всегда представляет собой злую насмешку, глумление над потерпевшим. В отличие от оскорбления, которое всегда выражается в неприличной форме, издевательство может проявляться и в пристойном виде, хотя по своему содержанию столь же цинично, оскорбительно и глубоко ранит психику человека. Эта особенность является сущностным признаком издевательства.

Однако при анализе данного признака диспозиции ст. 335 УК РФ не вполне понятно, какой объем (степень) издевательства необходим для квалификации по этой норме и каковы правовые критерии разграничения издевательства и оскорбления в рассматриваемой статье. Практическим работникам приходится снова обращаться к аналогии (!) общеуголовных преступлений без учета особенностей воинских межличностных отношений.

Проблема правовой оценки содеянного существует и в ситуации, при которой один военнослужащий добивается от другого выполнения услуги личного характера (постирать обмундирование, произвести за него уборку помещения и т. п.), непосредственно не применяя при этом какого-либо насилия, а используя исключительно «традиции»[25] армейского коллектива. В подобном случае действия виновного фактически нарушают уставные правила взаимоотношений военнослужащих (подобные «просьбы» не только унизительны, но и могут носить характер завуалированного издевательства), однако правовые основания для его привлечения к уголовной ответственности по ст. 335 УК РФ отсутствуют. Следовательно, действующая редакция рассматриваемой статьи не в

---

[23] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1981. С. 215.

[24] См.: Вольшой юридический словарь. М., 2001. С. 218; *Аношкин Г.* Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Советская юстиция. 1980. № 16. С. 23.

[25] В ситуации подобного рода угнетаемый военнослужащий выполняет предъявляемые требования отнюдь не добровольно, а в результате сложившейся в подразделении неформальной системы воинских взаимоотношений — «дедовщины», при этом им движет страх перед наказанием за неуважение «воинских традиций», в соответствии с которыми молодой воин обязан выполнять все указания «старослужащих».

полной мере учитывает особенности межличностных отношений в воинском коллективе, сложившиеся на сегодняшний день.

3. Последним альтернативным признаком в диспозиции ст. 335 УК РФ указано насилие. Данный признак охватывает любые формы насилия, дифференцируя уголовную ответственность в соответствии со степенью тяжести вреда здоровью потерпевшего (ч. 2 и ч. 3 ст. 335 УК РФ). Само по себе уголовно-правовое понятие насилия в достаточной степени разработано в юридической литературе[26] и, как правило, не вызывает затруднений при квалификации.

Вместе с тем не вполне понятна логика законодателя, не включившего в признаки диспозиции ст. 335 УК РФ угрозу насилием. В то же время ст. 333 УК РФ, которая в части принуждения к выполнению требований виновного во многом сходна со ст. 335, предусматривает угрозу насилием в качестве альтернативного признака. Такая логическая несогласованность объясняется, вероятно, тем, что законодатель в ст. 335 УК РФ под насилием понимает обе его формы — физическую и психическую (т. е. угрозу применения физического насилия). Кроме того, в научной литературе применительно к ст. 335 УК РФ указывается, что понятием насилия охватывается также угроза применения различных видов физического насилия[27]. И хотя эта ситуация не порождает, как правило, ошибок при квалификации, законодателю следует устранить указанную рассогласованность норм, предусматривающих ответственность за преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений.

Признак насилия в ст. 335 УК РФ охватывает нанесение побоев, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, другие насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли либо ограничением свободы потерпевшего. Научное и судебное толкования этих видов насильственных действий позволяют не ошибаться при квалификации рассматриваемой категории преступлений. Однако не получила необходимую разработанность степень (объем) насилия, необходимая для признания совершенного деяния достаточно общественно опасным для наступления уголовной ответственности. Конструкция ст. 335 УК РФ вынуждает правоприменителя апеллировать к общему признаку преступления — его общественной опасности. Вместе с тем общественная опасность рассматриваемого преступления состоит не столько в применении насилия, сколько в нарушении законодательно установленных правил взаимоотношений военнослужащих. Следовательно, применение насилия в любом его проявлении, обусловленное стремлением виновного нарушить закрепленный порядок воинских взаимоотношений, следует признать деянием, представляющим достаточно высокую степень общественной опасности, и квалифицировать по ст. 335 УК РФ как посягающее на охраняемые уголовным законом интересы военной службы.

Данный вывод не вытекает со всей очевидностью из анализа диспозиции ст. 335 УК РФ, что создает ситуацию, при которой правоприменитель формально вправе не учитывать специальную общественно-опасную направленность совершаемых виновным действий, что в ряде слу-

[26] По этому вопросу см., например: *Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969; *Шарапов Р.Д.* Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.

[27] См.: Преступления против военной службы (военно-уголовное законодательство России). С. 90.

чаев позволяет практическим работникам признавать такие деяния не представляющими общественной опасности «в силу малозначительности».

Примером последствий указанной «законодательной ловушки» может служить определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 мая 1988 г. по делу рядового С.[28] По приговору военного трибунала Воронежского гарнизона от 4 ноября 1987 г. рядовой С. осужден на основании п. «б» ст. 244 УК РСФСР (аналогичного п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ). Преступление выразилось в том, что рядовой С. в различные временные промежутки применял насилие в отношении четырех военнослужащих. Так, 5 августа в комнате для курения С. дважды толкнул в грудь Н., 16 августа в караульном помещении толкнул кулаком в грудь Д., а на следующий день в спальном помещении роты толкнул П., 24 августа в медпункте части он вновь толкнул кулаком в грудь Н., а 25 августа в бытовой комнате дважды толкнул Ф.

Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР принес протест, в котором был поставлен вопрос об отмене судебных решений в отношении С. и прекращении дела за отсутствием состава преступления. Рассмотрев материалы дела, Военная коллегия Верховного Суда СССР нашла протест подлежащим удовлетворению, указав при этом на то, что действия С. в определенной степени были обусловлены ненадлежащим выполнением потерпевшими своих служебных обязанностей (?)[29], не преследовали цели унизить их честь и достоинство (?)[30] и не были специально направлены (?) против установленного порядка несения воинской службы. Таким образом, Военная коллегия Верховного Суда СССР признала совершенные С. деяния не представляющими общественной опасности в силу малозначительности без учета их общественно-опасной направленности.

Субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, как и рассмотренную выше объективную сторону, вряд ли можно признать достаточно разработанной проблемой уголовного права. Несмотря на явно умышленную природу этого преступления, открытым остается вопрос о том, охватываются ли признаками ст. 335 УК РФ или требуют дополнительной квалификации умышленные действия, причинившие неосторожные тяжкие последствия. Эта проблема возникла из-за нечеткости содержащихся в ч. 2 ст. 24 и ст. 27 УК РФ определений, допускающих их двоякое толкование, и не имеет единообразной оценки в научной литературе[31]. Представляется, что подобные случаи следует квалифицировать только по ст. 335 УК РФ как полностью охватываю-

---

[28] См.: Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 мая 1988 г. № 5н-021188 // Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР и Управления военных трибуналов. 1988. № 3 (132). С. 50—51.

[29] Из материалов дела следует, что С. «толкнул» Д. кулаком в грудь за медлительность при совместной уборке помещения, а Н. и Ф. «толкнул», чтобы они потуже затянули поясные ремни.

[30] Возникает вопрос: а на что же были направлены действия виновного? Если причиной преступления были неправильно понятые интересы службы, то подобная мотивация допускается субъективной стороной преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ. К тому же само по себе получение подобных «толчков», а точнее ударов в грудь, унизительно и оскорбительно для личности в целом и личности военнослужащего в частности.

[31] См., например: *Бекеев И.* Актуальные проблемы учения о субъективной стороне преступления // Уголовное право. 2002. № 3. С. 9.

щей содеянное, а аргументы дополнительной квалификации необходимо устранить путем более детального указания в УК РФ признаков двойной формы вины.

К иным особенностям субъективной стороны анализируемых преступлений относятся:

а) наличие в большинстве случаев у виновного специальной цели — подчинение себе другого военнослужащего, создание (поддержание) в подразделении неформальной системы воинских взаимоотношений — «дедовщины», при которой одни военнослужащие находятся у других в подчинении и обязаны оказывать им личные услуги, создавать облегченные условия службы;

б) наличие различных мотивов преступления (месть, желание подчеркнуть свое превосходство, корыстные или хулиганские побуждения, иные низменные побуждения), являющихся факультативными признаками субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ, и влияющих на квалификацию только в случае дополнительной квалификации по общеуголовным нормам. Правильно установив мотив преступления, практически всегда можно четко определить направленность деяния на нарушение именно воинских отношений[32]. К тому же на базе именно мотива и цели, в тесной связи с ними, в генезисе преступного поведения проявляются отдельные признаки объекта и объективной стороны преступления[33]. Следовательно, значение мотива и цели содеянного для квалификации рассматриваемого деяния трудно переоценить, а утверждения о том, что мотив на квалификацию по ст. 335 УК РФ не влияет, являются ошибочными.

Очевидной проблемой субъективной стороны рассматриваемого преступления представляется устоявшееся в юридической науке и следственно-судебной практике мнение, что посягательство на основной объект — порядок воинских взаимоотношений всегда совершается с прямым умыслом, а наличие косвенного умысла допускается только в отношении дополнительного объекта — личности военнослужащего. Данная точка зрения вряд ли соответствует современной реальности. Представляется, что интеллектуальная и волевая составляющие умысла виновного непосредственно направлены на личность потерпевшего, а нарушение воинских отношений возможно и с косвенным умыслом. Этот вывод, к сожалению, не вытекает из анализа диспозиции ст. 335 УК РФ, однако с учетом реальной направленности волевого момента умысла виновного именно таким образом следует рассматривать субъективную сторону анализируемого преступления. В противном случае происходит искусственное «притягивание» совершенного преступления к признакам ст. 335 УК РФ, либо содеянному вообще дается ошибочная правовая оценка. Примером такой ошибочной оценки судом субъективной стороны рассматриваемых преступлений является уголовное дело в отношении рядового Андреева[34].

---

[32] Более подробно о вопросах взаимосвязи объекта и субъективной стороны преступления против военной службы см.: *Толкаченко А.А.* Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

[33] Об этом см.: *Кудрявцев В.Н.* Взаимосвязь элементов преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 54—66.

[34] Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. С. 13.

Органами предварительного следствия рядовой Андреев обвинялся в том, что бросил плоскогубцы в голову рядового Денежкина, в результате чего последнему был причинен тяжкий вред здоровью. Эти действия Андреева были квалифицированы по ч. 3 ст. 335 УК РФ. В судебном заседании Белогорским гарнизонным военным судом было установлено, что плоскогубцы Андреев бросил в сторону прибывших в часть молодых военнослужащих, желая привлечь их внимание. При этом цели нарушить уставной порядок взаимоотношений между военнослужащими и причинить кому-либо, в частности потерпевшему Денежкину, телесные повреждения он не имел и возможности наступления указанных последствий не предвидел. При таких обстоятельствах суд гарнизона квалифицировал содеянное Андреевым по ч. 1 ст. 118 УК РФ, что представляется не вполне правильным по следующим соображениям:

1. Бросок плоскогубцами в группу военнослужащих свидетельствует о наличии хулиганского оттенка мотивации содеянного (подобный поступок, безусловно, выражает явное неуважение к воинскому коллективу), а следовательно, уже может быть квалифицирован по ст. 335 УК РФ.

2. Вывод суда об отсутствии у виновного цели нарушить уставной порядок взаимоотношений как одно из оснований избранной квалификации вытекает из обязательного для квалификации по ст. 335 УК РФ наличия прямого умысла на нарушение именно правил взаимоотношений. Однако, как было нами указано выше, наличие косвенного умысла в этих случаях также нельзя исключать. В разбираемом примере достаточно четко видно, что виновный, кидая плоскогубцы, не мог не понимать, что его действия нарушают установленный воинскими уставами порядок взаимоотношений между военнослужащими.

3. Неосторожная форма вины по отношению к наступившим тяжким последствиям допускается ч. 3 ст. 335 УК РФ. Следовательно, вывод суда о том, что Андреев не предвидел возможности наступления тяжких последствий, не может служить основанием для избранной квалификации содеянного.

Субъект рассматриваемого преступления — специальный. Уголовную ответственность по ст. 335 УК РФ могут нести военнослужащие Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Российской Федерации, проходящие военную службу как по призыву, так и по контракту. Субъектами данного преступления также являются граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, и военные строители военно-строительных отрядов (частей). Следует также отметить, что субъектами анализируемого преступления являются лишь военнослужащие, не состоящие с потерпевшим в отношениях подчиненности. Они могут быть равными с потерпевшим по служебному положению и воинскому званию, старшими или младшими по воинскому званию, но равными по служебному положению. В целом характеристика признаков субъекта рассматриваемого преступления достаточно подробно разработана в теории уголовного законодательства и не вызывает особенных затруднений у практических работников. Проблемы квалификации обычно возникают на уровне общего понятия субъекта воинских преступлений. Однако данный вопрос напрямую не связан с уголовно-правовой характеристикой нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих и здесь нами не рассматривается.

Все вышеизложенное позволяет автору утверждать, что действующая редакция ст. 335 УК РФ не в полной мере отвечает требованиям

криминологической обусловленности и недостаточно точно отражает реальную направленность анализируемых посягательств. Кроме того, конструкция диспозиции этой нормы является не вполне удачной, так как некоторые ее объективные признаки являются взаимоисключающими либо дублирующими друг друга, а признак «издевательство» вообще не имеет правовой регламентации. Указанные недостатки свидетельствуют о некотором несоответствии рассматриваемой нормы содержанию уголовно-правового и криминологического направлений современной уголовной политики нашего государства[35].

Подводя итоги в контексте изложенного, автор считает необходимым сформулировать ряд следующих выводов:

1. Для устранения предпосылок ошибочной квалификации необходимо исключить рассогласованность действующего уголовного законодательства в части санкций конкурирующих ст. 335 и ст. 111 УК РФ. Исходя из повышенной общественной опасности деяния, подпадающего под признаки ч. 3 ст. 335 УК РФ, автор считает необходимым усилить уголовную ответственность за совершение этого преступления и установить верхний предел санкции рассматриваемой нормы в 15 лет лишения свободы.

2. Для установления единообразного понимания сущности рассматриваемых преступлений среди ученых и практических работников, а также для приведения части действующего уголовного законодательства в соответствие с его реальной криминологической обусловленностью:

а) диспозицию ч. 1 ст. 335 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с глумлением или издевательством, а равно сопряженное с насилием или угрозой его применения». Предполагается, что по этой статье должны квалифицироваться деяния, изложенные в ее диспозиции, совершенные из хулиганских и иных сходных с ними побуждений, а также деяния, обусловленные личными взаимоотношениями виновного и потерпевшего, но совершенные при исполнении хотя бы одним из них обязанностей военной службы, в связи с исполнением этих обязанностей либо в присутствии других военнослужащих, если деяние выражает явное неуважение к воинскому коллективу;

б) ввести в УК РФ ст. 335-1 и изложить ее в следующей редакции: «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с глумлением или издевательством, а равно сопряженное с насилием или угрозой его применения, обусловленное целью создания личного привилегированного положения в воинском коллективе». По этой статье должны квалифицироваться деяния, обусловленные неформальной системой воинских отношений типа «дедовщины». Учитывая особую общественную опасность этих неформальных систем в армейских коллективах, автор считает необходимым предусмотреть в предлагаемой норме увеличение верхнего предела санкций по сравнению со ст. 335 УК РФ минимум на один год лишения свободы.

3. Для совершенствования правоприменительной практики и установления четких правовых рамок рассматриваемого преступления необходи-

---

[35] См.: *Тер-Акопов А.А.* Уголовная политика Российской Федерации: Учебное пособие. М., 1999. С. 16—21.

мо осуществить официальное или судебное толкование понятия «издевательство» в рамках ст. 335 УК РФ.

4. Не ставя своей задачей углубленный анализ уголовно-правовых признаков ст. 335 УК РФ, а стремясь исследовать криминологическую обусловленность указанной нормы и на этой основе оценить степень эффективности уголовно-правовых средств борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, не состоящими в отношениях подчиненности, автор полагает, что на сегодняшний день нет достаточных правовых и теоретических оснований считать меры уголовно-правового воздействия на неуставные отношения в армейских коллективах в необходимой степени криминологически обусловленными и юридически обоснованными.

§ 3. Криминологическая характеристика неуставных взаимоотношений военнослужащих

Для того чтобы понять глубину криминальной сущности, основной вектор развития и качественное своеобразие различных видов и форм неуставных взаимоотношений военнослужащих, необходимо подвергнуть анализу не только качественные характеристики этого явления (они были подробно рассмотрены в § 1 гл. 1 разд. I), но и количественные, аккумулированные в *криминологической характеристике* анализируемого военно-криминального феномена. Для проведения такого анализа необходимо раскрыть количественные показатели рассматриваемой преступности, к которым относятся состояние (уровень) и динамика данных преступлений и их качественные показатели, к которым традиционно относятся структура и характер этих преступлений.

Состояние (уровень) противоправных деяний, предусмотренных ст. 335 УК РФ, характеризуется следующими показателями: в 1999 г. было совершено чуть менее 2 000 таких преступлений, в которых участвовало 2 443 военнослужащих; в 2000 г. было зарегистрировано более 2 500 рассматриваемых преступлений, в которых принимало участие 2 393 правонарушителя; в 2001 г. — более 3 000 преступлений, в которых участвовало 2 634 военнослужащих, а в 2002 г. было совершено более 2 500 рассматриваемых преступлений, в которых принимало участие 2 620 военнослужащих. В 2003 и в 2004 гг. уровень рассматриваемых преступлений резко вырос и составил к 2005 г. более 4 000 преступлений в год.

Всего же за период с 1994 по 2004 гг. включительно было совершено более 26 500 преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР).

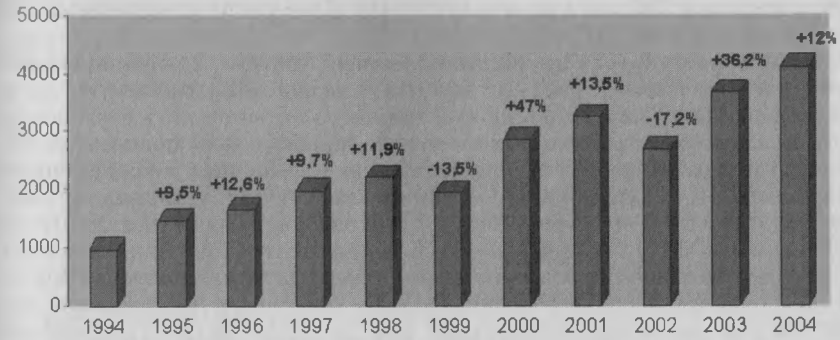

Диаграмма 1

Вместе с тем для более точного представления масштабов и тенденций развития рассматриваемых преступлений, официально зарегистрированных правоохранительными органами, целесообразно рассмотреть уровень этих преступлений, проведя расчет коэффициента преступности. Исходя из численности всех военнослужащих в 1996 г. 1 900 000 человек, на 100 000 военнослужащих в этом году приходилось 87 рассматриваемых преступлений. В свою очередь, в 2000 г. при численности всех военнослужащих 1 700 000 человек коэффициент преступности данного вида составлял уже 168, а в следующем, 2001 г., при численности военнослужащих 1 600 000 человек коэффициент преступности превысил показатель в 203 рассматриваемых преступления на 100 000 военнослужащих.

На первый взгляд, приведенные показатели преступности рассматриваемой категории невелики, особенно по сравнению с общим коэффициентом преступности военнослужащих, который в 1996 г. составлял 907 преступлений на 100 000 военнослужащих, в 2000 г. — 1 357, а в 2001 г. — 1 457 преступлений соответственно. Однако следует учесть то обстоятельство, что рассматриваемые преступления предусмотрены всего лишь одной статьей — ст. 335 УК РФ, а приведенные выше общие коэффициенты преступности военнослужащих рассчитаны исходя из совершения ими не только всех видов преступлений против военной службы, но и всех общеуголовных преступлений. И все же, несмотря на указанные особенности, коэффициент преступности военнослужащих рассматриваемой категории (ст. 335 УК РФ) занимает в общем аналогичном показателе всей преступности военнослужащих (и воинской, и общеуголовной) достаточно значительное место (в 2001 г. — 14 %).

Кроме того, при анализе нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности следует учитывать и тот факт, что абсолютное большинство этих преступлений совершаются военнослужащими, проходящими военную службу на рядовых и сержантских должностях. Это позволяет более точно определить степень криминальной пораженности войск недугом неуставных отношений. Исходя из того, что на декабрь 2002 г. численность военнослужащих, проходящих службу на рядовых и сержантских должностях, составляла 591 000 человек, из которых 130 000 проходили службу по контракту (22 % от рассматриваемой категории военнослужащих), коэффициент исследуемого вида преступности у рассматриваемой категории военнослужащих *в 2002 г. составляет 455 пре-*

ступлений на 100 000 военнослужащих. Данный показатель позволяет с уверенностью утверждать, что даже без учета латентности рассматриваемая преступность имеет очень высокий уровень, крайне неблагоприятные тенденции к росту и занимает весьма значительное место в структуре преступности военнослужащих.

Динамика рассматриваемых преступлений при волнообразном характере своего развития имеет тенденцию к росту. За последнее десятилетие наибольшие криминальные «пики» нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих были зарегистрированы в 2001 г., в 2003 г. и в 2004 г. (см. диаграмму 1). Наименьшее количество исследуемых преступлений в указанный период было зарегистрировано в 1994 г. В свою очередь, «всплески» криминальной активности рассматриваемой категории были зарегистрированы в 1996 г. (+ 12,6 % преступлений по сравнению с предыдущим годом), в 1998 г. (+ 11,9 % преступлений по сравнению с предыдущим годом), в 2000 г. (+ 47 % по сравнению с предыдущим годом) и в 2001 г. (+ 13,5 % по сравнению с предыдущим годом). Отрицательная динамика рассматриваемых преступлений регистрировалась в 1999 г. (– 13,5 % по сравнению с предыдущим годом) и в 2002 г. (– 17,2 % по сравнению с предыдущим годом).

Таким образом, за исключением 1999 и 2002 гг. динамика преступности военнослужащих рассматриваемого вида на протяжении последнего десятилетия характеризуется непрерывным ростом и вполне коррелирует с динамикой коэффициента рассматриваемого вида преступности.

В соответствии с общепринятыми в военной криминологии правилами структура преступности военнослужащих включает в себя две большие группы: общеуголовные преступления военнослужащих, составившие за последнее десятилетие примерно 41 % от всей преступности военнослужащих, и преступления против военной службы (воинские преступления), составившие за последние десять лет около 58 % всех преступлений, совершенных военнослужащими. Поэтому прежде чем рассматривать структуру нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности, необходимо отметить тот факт, что исследуемая категория преступлений занимала в общей структуре преступности военнослужащих за период с 1994 по 2002 г. около 7,58 %, а в структуре преступлений против военной службы за тот же период времени около 12,9 % (см. таблицу 2).

Таблица 2

Сводные данные о преступлениях, совершенных военнослужащими за период с 1994 по 2002 гг.

Преступления военнослужащих		Удельный вес (%)	
		В структуре всей преступности военнослужащих	В структуре преступлений против военной службы
Всего зарегистрировано преступлений	263 285	100 %	–
Преступления против военной службы	154 974	–	58,8 %
Преступления против порядка подчиненности (ст. ст. 333, 334 УК РФ)	3 339	1,26 %	2,15 %
Нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих (ст. 335 УК РФ)	19 964	7,58 %	12,9 %
Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)	7 383	2,8 %	4,76 %

Структуру преступности в сфере уставного порядка взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности представляется целесообразным отразить в виде удельного веса (долей) отраженных в преступлениях квалифицирующих признаков ст. 335 УК РФ в общей массе совершенных преступлений рассматриваемой категории. Одной из важнейших характеристик структуры преступности является доля групповых преступлений (п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ). Из совершенных в 2000 г. преступлений рассматриваемой категории 20,8 % были совершены в группе. В 2001 г. групповые преступления составили 20,3 % от общей массы. В свою очередь, в 2002 г. в группе было совершено 19,1 % преступлений рассматриваемой категории. Таким образом, удельный вес групповых преступлений в структуре рассматриваемой преступности составляет весомый и стабильный показатель — около 20 %. За период с 1994 по 2002 гг. из всех совершенных преступлений. предусмотренных ст. 335 УК РФ, групповой характер носили 24,8 %, причем динамика групповых преступлений за анализируемый период отличается устойчивостью и стабильностью. По данным же судебной практики, около половины всех осужденных за групповые преступления рассматриваемой категории действовали в составе групп, организовавшихся по национальному признаку[36].

Следующей важной характеристикой структуры рассматриваемой преступности является удельный вес преступлений, совершенных с применением оружия (п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ). Из всех совершенных в 2000 г. преступлений рассматриваемой категории с применением оружия было совершено 19, что составило 0,6 % от общей массы, в 2001 г. удельный вес таких преступлений составил 0,8 %, а в 2002 г.— 1,2 % от всех преступлений этой категории. В целом за период с 1994 по 2002 гг. из всех зарегистрированных по признакам ст. 335 УК РФ преступлений с применением оружия было совершено 136, что составляет 0,7 %. Несмотря на достаточно низкий удельный вес вооруженных посягательств в структуре анализируемой преступности, следует особо указать на их повышенную общественную опасность и крайне неблагоприятную динамику, характеризующуюся в последние годы устойчивым ростом (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

[36] См.: *Хомяков А.И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных отношений: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 60.

В свою очередь, соотношение применения холодного и огнестрельного оружия при совершении рассматриваемых преступлений за период с 1994 по 2002 гг. характеризуется следующими показателями: холодное оружие применялось в 63,2 %, а огнестрельное — в 36,7 % случаев (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Еще одной важной характеристикой структуры преступности военнослужащих в сфере уставных правил взаимоотношений, частично находящей свое отражение в квалифицированных составах ст. 335 УК РФ, является соотношение удельного веса преступлений, повлекших различные по тяжести последствия. В 2000 г. это соотношение выглядело следующим образом: причинение морального вреда и нанесение побоев — 64,3 % (1711 случаев); причинение легкого вреда здоровью — 16,4 % (437 случаев); причинение вреда здоровью средней тяжести — 11,1 % (296 случаев); причинение тяжкого вреда здоровью — 6,7 % (180 случаев); гибель потерпевших — 1,3 % (35 случаев). В 2001 г.: причинение морального вреда и нанесение побоев составило 70,2 % (2 264 случаев); причинение легкого вреда здоровью — 12,7 % (412 случаев); причинение вреда здоровью средней тяжести — 8,9 % (289 случаев); причинение тяжкого вреда здоровью — 6,7 % (217 случаев); гибель потерпевших — 1,3 % (43 случая). В 2002 г.: причинение морального вреда и нанесение побоев составило 66,8 % (1 816 случаев); причинение легкого вреда здоровью — 16,6 % (451 случай); причинение вреда здоровью средней тяжести — 9,6 % (262 случая); причинение тяжкого вреда здоровью — 6,2 % (170 случаев); гибель потерпевших — 0,58 % (16 случаев). Всего же за период с 1994 по 2002 гг. структура причиненных рассматриваемыми преступлениями последствий имеет следующий вид: причинение морального вреда и нанесение побоев — 42,9 %; причинение легкого вреда здоровью — 36,4 %; причинение вреда здоровью средней тяжести — 11,7 %; причинение тяжкого вреда здоровью — 7,1 %; смерть потерпевших — 1,6 % (см. диаграмму 4).

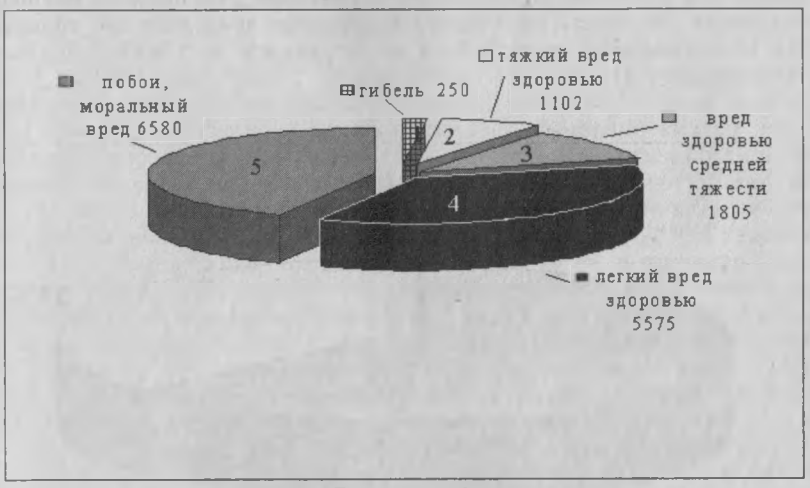

Диаграмма 4

Помимо рассмотренных выше основных показателей, характеристику структуры исследуемой преступности можно дополнить анализом таких факультативных признаков, как время и место совершения преступлений. Как свидетельствуют статистические данные, в период с 1994 по 2002 гг. наиболее часто рассматриваемые преступления совершались в ночное время: с 22.00 до 6.00 — 4 254 преступления, что составляет около 37 % всех рассматриваемых преступных посягательств, совершенных за этот период. Несколько меньше исследуемые преступления совершались в дневное время: с 9.00 до 18.00 — 3 505, что составляет около 30 % от общей массы. В свою очередь, в вечернее время (с 18.00 до 22.0) было совершено 2 977 (около 25 %) преступлений, а в утренние часы (с 6.00 до 9.00) — 987 (около 8 %) преступлений (см. диаграмму 5).

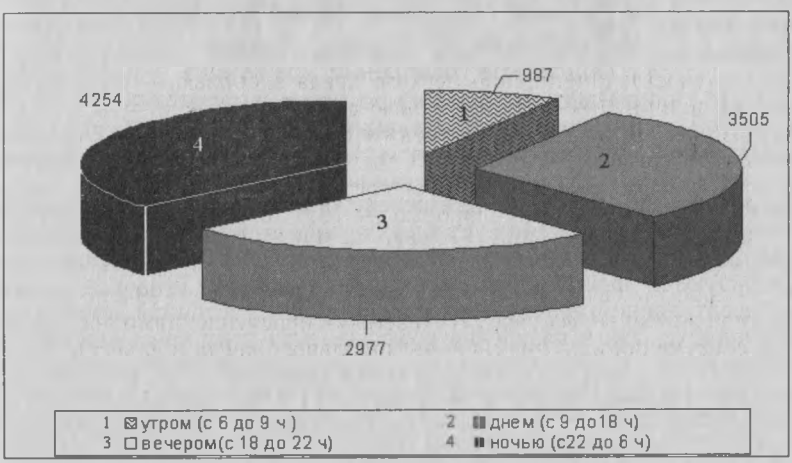

Диаграмма 5

Структура рассматриваемой преступности в зависимости от места совершения преступления за анализируемый период времени выглядит следующим образом. Наибольшее количество преступлений совершалось в казарменных помещениях — 8 135, что составляет 57 % от совершенных в этот период преступлений. Значительно меньше, чем в казарме, но в то же время намного больше, чем в других помещениях части, рассматриваемые преступления совершались на рабочем (служебном) объекте — 1 284, что составляет 9 % от рассматриваемого массива. Почти так же часто рассматриваемые преступления совершались в различных помещениях бытового назначения — 1 269, что составляет 8,8 %. Наименьшее количество зарегистрированных преступлений приходится на учебные помещения воинских частей — 113, что составляет 0,7 % рассматриваемых преступлений. Остальные преступления в зависимости от места совершения распределились следующим образом: подсобное помещение или хранилище в воинской части — 420 (2,9 %); иные помещения на территории воинской части — 1 769 (12,2 %); вне помещения, но на территории воинской части — 1 101 (7,6 %). Остальные преступления были совершены на рабочих объектах вне воинской части — 199 (1,3 %) (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, было бы справедливым утверждать, что нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности характеризуются крайне неблагоприятной динамикой. Тенденция к росту этих преступлений проявляется как на уровне состояния данного вида преступности, так и на уровне коэффициента этих преступлений, что представляется крайне тревожным фактом на фоне общего сокращения Вооруженных Сил Российской Федерации. Кроме того, к неблагоприятным тенденциям следует отнести увеличение на протяжении последних лет количества анализируемых преступлений, совершенных с применением оружия, а также увеличение удельного веса тяжких последствий, наступивших в результате совершения рассматриваемых преступлений.

§ 4. Латентность неуставных взаимоотношений военнослужащих и меры по ее минимизации

Наши представления о преступности как массовом социально-правовом явлении были бы неполными, если учитывать только официальную статистику, охватывающую состояние, структуру и динамику преступности. Для того чтобы приблизиться к пониманию истинных масштабов этого сложного явления, необходимо учитывать еще один показатель — латентность преступности, под которой в криминологии понимается та часть преступности, которая по тем или иным причинам не получает отражения в уголовно-правовой статистике и не становится предметом уголовного судопроизводства[37].

В настоящее время у практических работников и ученых не вызывает сомнения тот факт, что количество фактически совершенных преступлений больше, чем число зарегистрированных уголовно-противоправных деяний[38]. Эта разница составляет массив латентной преступности, характерной и для преступных деяний, совершаемых в Вооруженных Силах России.

В юридической литературе можно встретить различные классификации латентной преступности[39]. Применительно к нарушению правил уставных взаимоотношений между военнослужащими данный феномен проявляет себя как в общих, так и в специфических чертах, каждая из которых имеет специфические причины, а следовательно, применяются и специальные меры по ее нейтрализации.

Одной из общих черт латентной преступности неуставных отношений является ее ступенчатая структура. Фактическая преступность превышает преступность, о которой осведомлены правоохранительные органы, а регистрируемая ими часть преступлений меньше той, которая им известна. Учтенная же правоохранительными органами часть преступлений многократно больше, чем количество вынесенных судами по этим делам обвинительных приговоров. В юридической литературе данный феномен получил название «эффект воронки», и его существование в современном правоприменении бесспорно. Однако указанные факты являются всего лишь верхушкой айсберга, своеобразной иллюстрацией разбираемой проблемы. Истинная сущность латентности преступности кроется в фактах, имеющих место значительно ранее момента придания виновного суду.

Если основываться на данных официальной статистики, то вероятность стать жертвой преступления в Вооруженных Силах Российской Федерации ниже, чем «на гражданке» примерно в 5—10 раз. Однако опросы бывших военнослужащих, проходящих службу по призыву, в абсолютном большинстве случаев свидетельствуют о наличии в их подразделениях неформальной армейской системы — «дедовщины». Причем согласно этим же опросам «дедовщина» выражалась не в форме

---

[37] См.: Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 607.

[38] См.: *Скуратов Ю.* Прокуратура защищает права и свободы граждан // Российская газета. 1997. 18 февраля.

[39] К примеру, В.В. Лунеев структурирует латентную преступность по механизму ее образования на: незаявленную, неучтенную и не установленную (Преступность XX века. М., 1997. С. 132), а И.М. Мацкевич выделяет естественную, искусственную и пограничную латентность (Материалы научно-практической конференции Военного университета. М., 1997. С. 53).

«безобидных» услуг «старослужащим», а в серьезных, уголовно наказуемых посягательствах на личность и права потерпевших. По данным С.М. Иншакова, «лишь 25 % опрошенных военнослужащих срочной службы ответили, что в их воинской части над новобранцами не издеваются. По данным опроса офицеров ротного звена, эта цифра гораздо ниже — лишь 2 % из них отметили, что их воинская часть свободна от неуставщины»[40]. По нашим же данным, эти показатели еще ниже. Практически ни один (!) из опрошенных нами офицеров, имеющих или имевших ранее в своем подчинении личный состав, и ни один из опрошенных «вчерашних» военнослужащих по призыву не ответили, что им не известны факты неуставных отношений в их или соседних с ними подразделениях, имевших место в период их военной службы. Эта информация подтверждается исследованиями других криминологов, пришедших к выводу, что латентность неуставных отношений в нашей армии составляет 1 : 300 (на одно зарегистрированное преступление приходится 300 незарегистрированных)[41].

Рассматривая данное негативное явление, следует отметить, что нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, как правило, регистрируется лишь тогда, когда органы военного командования (командиры взводов, рот, батальонов и частей) не имеют возможности их скрыть в связи с последствиями этих деяний. Указанное обстоятельство имеет место в следующих ситуациях:

1) в случаях причинения вреда здоровью потерпевшего, который затруднительно выдать за бытовые или производственные травмы. К примеру, обширный кровоподтек под глазом вряд ли можно объяснить тем, что солдат споткнулся и ударился о дужку своей кровати (хотя нередко такие объяснения «принимаются» командирами как правдивые);

2) когда самовольно оставивший часть военнослужащий в ходе следствия по уголовному делу, возбужденному в его отношении, дает показания, в которых заявляет о неуставных отношениях как основной причине своего бегства из части. Должностные лица военной прокуратуры проверяют эти показания, командование части при этом вынуждено сотрудничать с правоохранительными органами и (в случае подтверждения показаний) признать факт неуставных отношений хотя бы в отношении конкретного лица;

3) когда в результате неуставных отношений потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью (требующий стационарного лечения, влекущего за собой факт сообщения об этом со стороны медицинских учреждений в правоохранительные органы) или наступает смерть потерпевшего;

4) в случаях наступления событий, воспринимаемых военным командованием как чрезвычайное происшествие. К примеру, когда доведенный до отчаяния в результате неуставных отношений военнослужащий пытается покончить жизнь самоубийством или расстреливает своих обидчиков, находясь в карауле;

5) в случаях, когда факты неуставных отношений становятся известны широкой общественности, правозащитным организациям или СМИ;

6) когда потерпевший, его семья, другие родственники или знакомые напрямую обращаются с жалобами в органы военной юстиции.

---

[40] *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997.

[41] *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих. М., 1999. С. 84.

При отсутствии вышеперечисленных обстоятельств военное командование по различным причинам (о которых будет сказано отдельно) достаточно неохотно возбуждает уголовные дела или сообщает о признаках преступления органам военной прокуратуры.

Данный тезис подтверждается тем обстоятельством, что количество зарегистрированных в официальной статистике преступлений, квалифицируемых по ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений... при отсутствии отягчающих признаков, связанных, как правило, с вредом здоровью потерпевшего) значительно меньше тех же деяний, имеющих серьезные последствия (ч. 2 и ч. 3 ст. 335 УК РФ). К примеру, в 1998 г. военными судами по ч. 1 ст. 335 УК РФ был осужден 321 военнослужащий, а по ч. 2 и ч. 3 ст. 335 — 1 220 военнослужащих. В 1997 г. — по ч. 1 ст. 335 УК РФ осуждено 228, а по ч. 2 и ч. 3 — 995 соответственно[42]. Стихийно не может существовать такого положения, чтобы опасные преступления совершались в 3—4 раза чаще, чем менее опасные той же категории. Этот статистический казус противоречит закономерностям распределения преступности.

Раскрывая сущность рассматриваемого явления, нельзя не отметить определенный феномен, связанный с латентностью преступности в войсках. Он состоит в том, что «успешный» процесс сокрытия преступлений не может носить долговременный характер. На уровне больших единиц наблюдения должны существовать определенный предел накопления латентности, своеобразная «критическая масса», которая либо по истечении определенного времени, либо при наличии определенных условий неизбежно «взорвется», образуя скачок зарегистрированной преступности. Причем эти всплески преступности происходят с регулярной периодичностью. Факты последних таких «взрывов» в Вооруженных Силах Российской Федерации можно констатировать в 1992, 1995, 2000 и 2003 гг.[43] Именно в эти годы отработанный механизм сокрытия воинских преступлений (и в первую очередь на почве неуставных отношений) дал сбой.

Одна из причин этого «события» заключается в следующем. Так называемое бумажное сокращение учтенной преступности (один из способов латентизации, выражающийся в манипулировании статистическими показателями и создании «благоприятной» картины преступности и раскрываемости преступлений) не может быть надежным и длительным. Для этого пришлось бы ежемесячно и ежегодно увеличивать долю сокрытия в условиях объективно растущей преступности, что практически невозможно. Однако во временных промежутках между нарушением «критической массы» латентности большинству органов военного командования и правоохранительным органам это успешно удается. Прямое подтверждение тому — слова В. Ерина в бытность его министром внутренних дел: «Я, конечно, знаю, как манипулировать статистикой... как сделать так, что преступность начнет "падать" у нас в государстве, правда, только на бумаге»[44].

---

[42] См.: *Ищенко А.В.* Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. Приложение № 5.

[43] См. об этом: *Лунеев В.В.* Указ. соч.; *Иншаков С.М.* Указ. соч.

[44] *Ерин В.* Не только детектив... // Аргументы и факты. 1994. №

Также необходимо отметить, что в сокрытии преступлений, посягающих на установленный порядок взаимоотношений между военнослужащим, могут принимать участие не только органы военного командования и правоохранительные органы. Не следует забывать и о существенной доле латентности неуставных отношений, существующей по причине того, что потерпевшие и их сослуживцы (потенциальные потерпевшие) сами не обращаются к командованию или органам военной юстиции за помощью. Не последнюю роль здесь играют психологические особенности молодых воинов. У большинства из них еще «на гражданке» формируется, а в армейской среде закрепляется отрицательное отношение к клейму «стукача». К тому же мощнейшим мотивом такого поведения потерпевшего является страх перед возможной расправой, последующей со стороны «старослужащих», и социальным бойкотом со стороны военнослужащих одного с ним призыва. По выборочным данным, подобная мотивация присутствует примерно у 87 % пострадавших от неуставных отношений и не доложивших об этом командованию.

Указанные выше мотивы часто выступают причиной парадоксальной ситуации, ставшей, к сожалению, частым явлением в правоприменительной практике органов военной юстиции. Речь идет об отсутствии у потерпевшего заинтересованности в том, чтобы виновные были наказаны. При этом он пользуется всеми доступными ему способами, чтобы освободить своего обидчика от уголовной ответственности. Следователю приходится в этом случае буквально «тянуть» из потерпевшего информацию. Очевидно, что если в такой ситуации будет иметь место «круговая порука» сослуживцев потерпевшего и дистанцирование командования от расследования, необходимые доказательства по уголовному делу скорее всего собраны не будут, что повлечет его прекращение, а следовательно, увеличение латентности рассматриваемой категории преступлений еще на одну единицу.

С учетом вышеизложенного латентность нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, а также причины и обусловленные этими причинами меры по нейтрализации латентности рассматриваемых преступлений могут быть структурированы следующим образом.

1. Преступления, известные только лицам, их совершившим. Этот вид латентности применительно к неуставным отношениям встречается крайне редко. Он имеет место в том случае, когда при отсутствии свидетелей неуставные посягательства перерастают в убийство потерпевшего с последующим сокрытием трупа и устранением других следов преступления. В этой ситуации, как правило, потерпевший будет объявлен самовольно оставившим часть, и к его поиску будут предприняты определенные меры, которые результата не дадут, так как искать будут живого человека. Таким образом, в официальном порядке будет зарегистрировано преступление, которое на самом деле не совершалось (самовольное оставление части или места службы), а реально совершенные (нарушение уставных правил взаимоотношений и убийство) не получат необходимой регистрации.

Причинами такой латентизации являются, прежде всего, факторы, связанные с недостаточной подготовленностью (кадровой, материально-технической, профессиональной и организационной) должностных лиц военной прокуратуры к расследованию «запутанных» преступлений, а также с возрастающим уровнем профессионализма и организованности преступников, продумывающих преступление до мельчайших подробно-

стей. Среди мер, направленных на нейтрализацию указанных факторов, можно перечислить следующие:

а) достижение оптимальной нагрузки на должностных лиц военной прокуратуры, при которой они могли бы качественно и всесторонне расследовать уголовные дела различной степени сложности;

б) введение в действие института военной полиции, одной из функций которой было бы проведение оперативно-розыскных мероприятий;

в) повышение профессиональной подготовки прокурорских работников, улучшение организационно-технических условий деятельности военной прокуратуры и органов дознания;

г) ликвидация процесса оттока из органов военной юстиции квалифицированных кадров за счет повышения уровня стимулирования их профессиональной деятельности;

д) повышение уровня правового воспитания в войсках.

Вопрос всестороннего повышения качества работы правоохранительных органов достаточно банален и злободневен. Пожалуй, в истории не было такого периода, когда бы от правоохранительных органов не требовали бы повысить, углубить, усилить и т. д. что-либо в своей деятельности. Однако без осознания необходимости реализации вышеуказанных мер невозможно не только снизить уровень латентизации, но и эффективно бороться с преступностью в Вооруженных Силах России.

2. Вторым элементом структуры латентности неуставных отношений являются преступления, известные преступникам и потерпевшим. Эта категория — одна из наиболее распространенных в структуре латентных преступлений, связанных с неуставными взаимоотношениями. Она имеет место в том случае, когда информация о совершенном преступлении не выходит за рамки условного круга: преступник — потерпевший.

Детерминировать такую ситуацию могут различные причины. В первую очередь это неправильная оценка потерпевшим события преступления. Проявляется это в том, что потерпевший может не предполагать, что его права нарушены (иногда воины с низким уровнем правового воспитания считают, что различные «мягкие» проявления «дедовщины» всего лишь армейская традиция и ничего преступного в себе не содержат), или потерпевший лишь частично осознает, что его права нарушены, но ведет себя пассивно из-за нежелания «связываться» с малоприятной процедурой сообщения о факте правонарушения. Специалисты оценивают уровень «не заявления» потерпевших о фактах неуставных отношений в 15 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Однако эта цифра вызывает сомнение при детальном анализе проблемы виктимизации военнослужащих по призыву и мотивационной сферы потерпевших.

Основными мотивами такого поведения потерпевших являются следующие: неверие в способность правоохранительных органов защитить их от преследования виновных, наличие возможности защитить свои интересы в альтернативных военно-уголовному правосудию формах, оценка события как незначительного, различные мотивы личностно-ситуативного характера (опасение мести преступников, недовольства командования, нежелание огласки события), боязнь клейма «стукача» и социального бойкота со стороны сослуживцев.

Мерами по нейтрализации источников латентности рассматриваемого вида являются:

а) повышение уровня правового воспитания военнослужащих по призыву, ликвидация ситуации, при которой военнослужащий не может отличить проступок от преступления;

б) формирование у воинов активной жизненной позиции противодействия преступным проявлениям в воинском коллективе;

в) «развенчание» ореола «правильности» неформальных армейских традиций, привитие военнослужащим навыков уставных форм решения своих проблем;

г) улучшение качества работы командиров и воспитателей воинских подразделений с подчиненными, исключение ситуаций, при которых солдат (матрос) остался бы без помощи офицеров, один на один со своей проблемой;

д) создание и обеспечение действия «телефонов доверия», по которым каждый из потерпевших мог бы сообщить о факте правонарушения, минуя формальные воинские инстанции;

ж) всемерное совершенствование программ защиты свидетелей и потерпевших от постпреступного воздействия со стороны виновных и их товарищей;

з) проведение в частях административных расследований по всем фактам травматизма;

и) ежедневное проведение в подразделениях медицинских (телесных) осмотров военнослужащих по призыву, с обязательной отметкой о результатах осмотра в установленных документах;

к) обеспечение конфиденциальности лицу, сообщившему о преступлении.

3. Следующим элементом рассматриваемой системы являются преступления, известные потерпевшим, преступникам и их сослуживцам. Это — наиболее распространенная категория латентных неуставных отношений. В значительной степени этот вид латентности обусловлен распространенностью в войсках посткриминального воздействия, т. е. воздействия преступников на военнослужащих, намеревающихся сообщить о преступлении командованию или в военную прокуратуру. Принадлежность военнослужащих, совершивших преступление, их жертв и очевидцев преступлений к одному воинскому подразделению значительно облегчает применение самых разнообразных форм воздействия на потерпевших и свидетелей.

Основные причины такой латентизации совпадают с причинами предыдущего вида. Добавляются лишь некоторые особенности, к которым можно отнести: бездействие лиц сержантского и рядового состава, входящих в суточный наряд части (при их попустительстве совершаются многие преступления, связанные с насильственными действиями), пассивность сослуживцев, полагающих, что если не вмешиваться, то подобные ситуации обойдут их стороной, поведение свидетелей, связанное с ложным пониманием армейской дружбы. Анализ поведения лиц, наблюдавших событие преступления либо знавших о нем, проведенный по результатам анкетирования более 1 000 военнослужащих, свидетельствует о том, что подавляющее большинство свидетелей (78 %) пассивно относятся к событию преступления. Военнослужащие, которые принимали участие в пресечении преступления либо пытались его предотвратить, составляют примерно 2 %, а военнослужащие, советовавшие потерпевшему сообщить в правоохранительные органы или командованию, — 12 % соответственно.

Меры по нейтрализации причин, порождающих латентность данного вида, сходны с предыдущими, с учетом указанных особенностей.

4. Еще одним элементом рассматриваемой структуры являются преступления, известные военному командованию, но скрытые от учета. Эти преступления можно, в свою очередь, разделить следующим образом:

а) преступления, не зарегистрированные нигде;

в) преступления, частичная информация о которых зарегистрирована в служебных карточках, записках об аресте, книгах регистрации поступивших на гауптвахту военнослужащих, материалах служебных расследований, регистрационных журналах медицинских учреждений.

Как правило, мотивом таких действий является стремление командира путем «лакировки» положения дел создать видимость благополучия и высокого уровня воинской дисциплины во вверенных ему части или подразделении.

Данная категория латентности порождается причинами совсем другого характера, чем рассмотренные выше виды латентности. В первую очередь это исторические и идеологические причины, связанные с традиционным приспосабливанием уровня регистрируемых преступлений к ложно понятым интересам военной службы. Существовавшая до последнего времени порочная практика отождествления фактов преступлений с низким уровнем воинской дисциплины в подразделении, наложения взысканий на командиров, «допустивших» преступления, оценки деятельности командиров не по их реальной работе, а по количеству правонарушений и т. д. привели к ситуации, когда командиру сообщать о преступлении в прокуратуру крайне не выгодно, и как следствие этого к массовому сокрытию командным звеном фактов преступлений[45]. Причем в первую очередь по вполне понятным причинам скрываются именно неуставные отношения. К примеру, в ходе прокурорской проверки Таманской дивизии (одного из самых элитных подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации с традиционно высокой воинской дисциплиной!) в сентябре 1997 г., помимо других форм прокурорского реагирования, было возбуждено 18 уголовных дел, 9 из которых — о неуставных отношениях. При комплексной проверке в ноябре 1997 г. двух кораблей Северного флота («Адмирал Кузнецов» и «Петр Великий») было выявлено 20 скрытых преступлений на почве неуставных отношений[46]. В целом же в 1998 г. общеизвестным в СМИ методом «прокурорских десантов», заключающимся во внезапном направлении в неблагополучные части группы прокурорских работников, проведены 22 проверки, в ходе которых выявлено и поставлено на учет 283 скрытых преступления, а также возбуждено 396 уголовных дел, в том числе 211 — о неуставных взаимоотношениях.

Помимо историко-идеологических причин, следует отметить организационные и правовые причины. Первые связаны с недостатками системы управления, контроля и оценки деятельности командира, с отсутствием эффективного механизма стимулирования его работы по предупреждению, выявлению и пресечению неуставных отношений в подразделении. Несмотря на содержащийся в воинских правовых документах последних лет прямой запрет оценивать профессиональную деятельность

[45] Об этом см., например: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 388 и далее.

[46] См.: *Орешников В.Й.* Борьба с нарушениями правил взаимоотношений между военнослужащими в войсках Российской Федерации и меры по дальнейшему сокращению этого вида преступлений // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: Материалы научно-практической конференции 21 октября 1998 г. М., 1999. С. 20—21.

командира только по наличию в его подразделении правонарушений (независимо от степени «вины» этого командира), к настоящему времени продолжает существовать парадоксальная ситуация: чем больше командир выявит и зарегистрирует преступлений в подчиненном подразделении, тем хуже будет оценена его деятельность в целом.

Причины же правового характера имеют в своей основе недостатки правовой регламентации надлежащей или, наоборот, ненадлежащей деятельности командира в области выявления и пресечения преступлений. Действующее военное и уголовное законодательство оставляет такую деятельность практически без внимания, а если и регламентирует ее, то имеет общий характер, не позволяющий решить проблему сокрытия преступлений воинскими командирами и начальниками правовыми средствами.

На основании вышеизложенного среди мер по нейтрализации латентности данного вида необходимо выделить следующие:

а) систематическое проведение проверок исполнения требований УПК РФ (в части возбуждения уголовных дел) командирами воинских частей в целях выявления скрытых от учета преступлений;

б) создание в войсках и эффективное обеспечение системы надлежащего учета обращений (сообщений) военнослужащих о фактах преступлений, которая позволит отслеживать уровень латентности преступности;

в) система оценки состояния правопорядка в воинских частях должна быть пересмотрена таким образом, чтобы она не могла провоцировать командиров к сокрытию правонарушений. Необходимо разработать единую систему объективной оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка в войсках, поощряющую активную борьбу командования с преступлениями подчиненных, исключающую порочную практику привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности за преступления подчиненных по формальным основаниям;

г) разработка и внедрение в войска системы всемерного поощрения командиров, активно выявляющих преступления и способствующих их раскрытию;

д) ужесточение дисциплинарной и уголовной ответственности должностных лиц, участвующих в сокрытии преступлений или не принимающих необходимых мер пресечения неуставных отношений, в тех случаях, когда они осведомлены о таких фактах. Совершенствование правовых основ в борьбе с латентной преступностью в войсках. Для этого необходимо поставить и рассмотреть вопрос о целесообразности введения в УК РФ специальной нормы об уголовной ответственности воинских должностных лиц за сокрытие преступлений.

5. Последним элементом структуры латентности неуставных взаимоотношений являются преступления, известные правоохранительным органам (должностным лицам военной прокуратуры), но в установленном порядке не получившие регистрации:

а) не зарегистрированные в процессуальных документах (информация о них не была зарегистрирована ни в какой форме). Подобная ситуация может возникнуть при условии наличия в производстве военной прокуратуры слишком большого количества уголовных дел, требующих проведения неотложных следственных действий, а скрываемое преступление не имеет тяжких последствий (к примеру, не причинен тяжкий вред здоровью, который достаточно сложно скрыть от регистрации);

б) скрытые в форме необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела;

в) скрытые в форме необоснованного прекращения уголовного дела за отсутствием состава или события преступления, либо по иным основаниям.

Последние две ситуации могут иметь место либо в случае совершения должностного преступления (к примеру, прекращение или отказ в возбуждении уголовного дела за взятку), либо в ситуации, когда должностные лица военной прокуратуры в силу нежелания работать, слабой профессиональной подготовки или ошибочной уголовно-правовой квалификации не установили в содеянном события или состава преступления, что привело к «дерегистрации» преступления.

Справедливости ради следует отметить, что латентность данной категории имеет минимальный процент в общей структуре латентности неуставных взаимоотношений. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что военная прокуратура является, пожалуй, единственным органом, заинтересованным в регистрации и раскрытии преступлений военнослужащих. К этому выводу можно прийти, анализируя приведенные выше факты. О мерах по устранению (блокированию) причин такой латентизации говорилось выше.

Изложенное позволяет утверждать, что латентность нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих имеет специфические особенности (о латентных преступлениях в войсках известно большому количеству лиц, в значительной мере она находит отражение в служебных документах и т. д.) и причины, обусловленные ее структурой. Опасность латентной преступности в армейских условиях крайне высока, так как при явно неполных исходных данных и дефиците объективных показателей борьба с преступностью в Вооруженных Силах Российской Федерации малоэффективна. Рассматриваемая проблема обострена также тем обстоятельством, что в настоящее время не имеется четкого представления об уровне латентности преступности военнослужащих того или иного вида. Все имеющиеся оценки этого явления носят приблизительный характер.

Однако, даже несмотря на эту «приблизительность», уровень латентной преступности на почве неуставных отношений угрожающе высок. К примеру, только в ходе проведения Главной военной прокуратурой в течение 1998—1999 гг. операций «явка с повинной» и «беглец» в правоохранительные органы явились с повинной в совершении уклонений от военной службы 13 128 лиц, из которых 6 695 военнослужащих (50,2 %) вынуждены были оставить место службы в результате антиуставных проявлений в подразделениях. Наряду с этим приходится констатировать неблагоприятные тенденции в динамике латентности неуставных отношений. По данным И.М. Мацкевича, латентная преступность военнослужащих не только не сокращается (это утверждают 55 % опрошенных представителей Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации и 54 % представителей Главной военной прокуратуры), но и возрастает (18 % и 38 % соответственно)[47].

Все вышеизложенное не внушает оптимизма, однако при правильном построении и реализации системного разрушающего воздействия на неуставные взаимоотношения в армейской среде можно достичь определенных успехов. К этому необходимо всемерно стремиться. И начинать разрушающее воздействие на преступность военнослужащих (по указанным выше причинам) следует, прежде всего, с нейтрализации негативных явлений, детерминирующих латентность данных преступных деяний.

---

[47] См.: *Мацкевич И.М.* Критерии объективности при изучении латентности неуставных взаимоотношений // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. С. 75.

Глава 2. Причины нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими

§ 1. Причины неуставных взаимоотношений военнослужащих, в основе которых лежат общесоциальные процессы и явления

Причины и условия преступности, ее детерминированность — глобальная проблема криминологии. Истоки причин рассматриваемых преступлений следует искать в процессе функционирования общественных механизмов. При этом следует учитывать тот факт, что вооруженные силы — это «специфическая часть общества, со своими социально-экономическими, демографическими, организационно-управленческими и правовыми особенностями, которые положительно или отрицательно отражаются на преступности военнослужащих»[48]. Именно поэтому нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, помимо общих причин, детерминированы и специфическими, вытекающими из особенностей военной службы факторами.

В криминологии всю совокупность факторов, детерминирующих преступность в Вооруженных Силах Российской Федерации, принято делить на три основные группы:

1) общие детерминанты преступности, реализуемые через условия жизни, воспитания, учебы и работы правонарушителей до призыва на военную службу;

2) общие детерминанты преступности, специфично преломляющиеся через армейские условия жизни и быта;

3) сугубо воинские детерминанты преступлений военнослужащих[49].

Применительно к анализу причин исследуемых преступлений некоторые авторы расширяют указанную классификацию отдельными частными предложениями. Так, К.Д. Нечевин считает необходимым дополнить первую группу факторов особенностями личности, врожденными и приобретенными ею до призыва на военную службу[50]. Соглашаясь в целом с указанной классификацией и с уточнениями, предложенными К.Д. Нечевиным, мы, со своей стороны, полагаем необходимым дополнить вторую группу факторов особенностями личности правонарушителя, приобретенными им до призыва на военную службу, но проявившимися в результате влияния специфических условий военной службы и армейского быта. Кроме того, в третью группу факторов рассматриваемой классификации мы предлагаем включить особенности личности, приобретенные ею во время своей службы и исключительно в связи с ней.

С учетом вышеизложенного для комплексного анализа причин неуставных взаимоотношений военнослужащих необходимо рассмотреть общие причины, в основе которых лежат общесоциальные явления и процессы, общесоциальные факторы, специфически преломляющиеся через условия военной службы, и сугубо воинские детерминанты рассматриваемой преступности, а также мотивацию преступного поведения военно-

---

[48] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 382.

[49] Криминология: Учебник / Под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. М., 1992. С. 266.

[50] См.: *Нечевин К.Д.* Преступления против воинских уставных взаимоотношений: причины и предупреждение: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 41.

служащего, совершающего преступление на почве неуставных взаимоотношений, и некоторые криминогенные составляющие его личности.

Рассматривая причины исследуемых преступлений, лежащие вне сферы воинских отношений и вытекающие из глобальных социальных процессов и явлений нашего общества, следует отметить, что к этой группе детерминантов традиционно относят социально-экономическую обстановку в обществе, нравственно неблагополучную атмосферу в семьях, недостатки и ошибки в учебно-воспитательной работе дошкольных учреждений и школы, разрыв между уровнем образования и уровнем воспитания, алкоголизм и наркоманию среди отдельной части молодежи, влияние отрицательных группировок подростков в микросреде двора и улицы, правовой нигилизм, рост правовой незащищенности и невоспитанности молодежи, социальную напряженность и др.[51]

Соглашаясь в целом с указанным перечнем общесоциальных причин нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и принимая во внимание их иные причины, поддающиеся выявлению, мы предлагаем сосредоточить основное внимание на факторах, имеющих наибольшую детерминационную силу, отсутствие или нейтрализация которых привели бы к искоренению или минимизации неуставных отношений военнослужащих.

Причины, вытекающие из недостатков и противоречий социально-экономической сферы жизни нашего общества, играют особую роль в детерминации преступности как в самом обществе, так и в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Происходящие в нашем обществе последние 17 лет процессы формирования свободного рынка и новых экономических отношений, экономической экспансии и консолидации в руках узких слоев населения основной части экономических ресурсов объективно привели к экономическому и как следствие социальному расслоению нашего общества. Образовался огромный разрыв в доходах самых бедных и самых богатых граждан, а динамика роста этой социальной пропасти угрожающе неблагоприятна: в 1991 г. этот разрыв составлял 1 : 4,5, в 1992 г. — 1 : 8, в 1993 г. — 1 : 10, в 1994 г. — 1 : 15 [52], а по данным правительственной программы социальных реформ на 1996—2000 гг., рассматриваемый показатель в 1995 г. составил 1 : 24[53].

Указанные процессы не могли не отразиться и на среде призывников, разделив их на две группы. Первая — социально защищенные и экономически обеспеченные, вторая — ее противоположность. Представители первой группы могут позволить себе как легитимные способы уклонения от военной службы (например, поступление в вузы, имеющие военные кафедры), так и прямо незаконные (подкуп должностных лиц военкоматов). Представители же второй, малообеспеченной, группы «вынуждены» идти в армию, так как, с одной стороны, у них нет другой альтернативы, а с другой стороны, для некоторых молодых людей призыв — это едва ли не единственная возможность хотя бы временно «устроить» свою жизнь. Такое положение дел привело к ряду негативных последствий:

---

[51] См., например: *Хомяков А.И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных отношений: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 148.

[52] См.: *Макаревич Л.* Российские деловые круги разочарованы посланием президента // Финансовые известия. 1995. 21 февраля.

[53] См.: Российская газета. 1995. 12 марта.

1. Вооруженные Силы Российской Федерации, по меткому выражению И.М. Мацкевича, «постепенно превратились в "армию рабочих и крестьян" (примерно 80 % военнослужащих по призыву — выходцы из беднейших слоев общества)»[54]. В результате — падение интеллектуального потенциала армии, аккумулирование в ее рядах малограмотных, социально не защищенных молодых людей без перспективы «светлого будущего», накладывающее негативный отпечаток как на отношение военнослужащих к выполнению своих функциональных обязанностей, так и на характер взаимоотношений с сослуживцами.

2. На военной службе все чаще оказываются не вполне здоровые (как в физическом, так и в психическом отношении), маловоспитанные, духовно ущербные люди. Своеобразной характеристикой призывников конца 90-х гг. XX в. может послужить следующий пример. В апреле 1998 г. военной прокуратурой Московского военного округа было организовано переосвидетельствование призванных на военную службу солдат. Повторную медицинскую проверку прошли свыше 12 500 военнослужащих, из которых 14 человек признаны не годными к военной службе, у 76 здоровье не отвечало требованиям, предъявляемым к их воинским специальностям, 822 были госпитализированы, у 636 обнаружен дефицит массы тела, в 209 случаях поставлен диагноз «дистония».

В 1999—2002 гг. при призыве на военную службу отмечен существенный рост социально-значимых заболеваний. Из каждой 1 000 освидетельствованных 68 человек освобождались от призыва в связи с диагностированием у них психических расстройств, а 9 — из-за алкоголизма или наркомании (для сравнения, в 1998 г. таких выявлялось только шесть на тысячу). Среди призванных на военную службу в 1999—2002 гг. граждане, имевшие приводы в милицию за совершение антиобщественных поступков, составили 8 %, злоупотреблявшие спиртными напитками — 15 %, наркоманы и токсикоманы — 9 %.

С приведенными данными коррелируют официальные показатели, характеризующие рассматриваемые нами преступления. В период с 1994 по 2002 гг. следственными органами было зарегистрировано 3 145 (16,5 % всех зарегистрированных за этот период) преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР), совершенных в состоянии алкогольного опьянения, и 108 — в состоянии наркотического.

Таким образом, следует признать, что в настоящее время на военной службе достаточно часто оказываются малоподготовленные, физически и морально ущербные молодые люди. В результате образуются два взаимообусловленных полюса неуставных отношений — криминогенный и виктимогенный. С одной стороны, духовная и нравственная патология таких военнослужащих позволяет им, не испытывая угрызений совести, издеваться над своими сослуживцами и избивать их, а с другой стороны, физическая и духовная немощь потенциальных жертв является чуть ли не главным фактором их виктимизации.

Следующей группой общесоциальных детерминант неуставных взаимоотношений являются *причины, вытекающие из низкой эффективности позитивного идеологического и информационного обеспечения жизни нашего общества*. Идеологическая неопределенность, отсутствие четко выраженных духовных ценностей, идейных ориентиров, политическое безразличие и социальная близорукость — достаточно частые

[54] *Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 151.

спутники современной молодежи. Одной из главных причин формирования подобных качеств у призывников является низкая эффективность (а иногда и полное отсутствие) позитивного влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения об армии и условиях военной службы. Нередко позитивные идеологические и информационные составляющие подготовки молодых людей к службе в армии не просто равны нулю, а имеют откровенно отрицательную направленность. Центральные газеты печатают передовицы с деморализующими сознание будущих солдат броскими заголовками («Минобороны охраняют уголовники», «Игра в кости. Человеческие») и не менее адекватным содержанием.

Мощнейшая сила государственной идеологии не используется по причине отсутствия четкой и ясной идеологической концепции. Причем такое положение дел длится уже более десяти лет. До сего дня так и не сформирован четкий идеологический стержень, определяющий идейные ценности членов нашего общества и формирующий социальные устремления нашей молодежи. Психология потребительского образа жизни, навязанная нам идеологической машиной развитых зарубежных государств, привела к распространению и укреплению в широких слоях населения худших принципов индивидуализма и макиавеллизма («каждый сам за себя», «победителей не судят», «прав тот, кто сильнее», «цель оправдывает средства» и т. п.). В итоге призывная молодежь в силу возрастного максимализма без оглядки руководствуется подобными принципами в повседневной жизни, что нередко приводит к противоправному поведению. Трудно не согласиться с мнением Р.Г. Яновского, утверждающего, что в нашем обществе «...нет целостной государственной идеологии и социальной психологии как выразителей гражданского поведения личности, роста общественного самосознания, правовой и духовно-нравственной культуры, чувства патриотизма, гордости за свою страну»[55].

На общем фоне идеологической неопределенности освещение проблемы неуставных отношений в армейской среде средствами массовой информации приобретает особо негативную окраску. Проведенным в 1997 г. Центром оперативно-пограничных исследований ФПС России контент-анализом 345 номеров центральных газет общим тиражом 5 765 тыс. установлено, что на их страницах было опубликовано 82 материала по исследуемой тематике. Анализ этих материалов позволил сделать следующие выводы: 1) коренные проблемы армии должного места в анализируемых публикациях не занимают; 2) информация, содержащаяся в них, носит спонтанный и дозированный характер; 3) реальные и обоснованные предложения по предупреждению преступлений, в том числе на почве неуставных отношений, отсутствуют; 4) доминирующее место в таких материалах занимают негативные факты и явления, которые к тому же в угоду сенсационности иногда «подгоняются» под нужный шаблон; 5) многие материалы носят конъюнктурный характер и страдают серьезными издержками в плане объективности[56].

---

[55] *Яновский Р.Г.* Духовно-нравственная безопасность России // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 44.

[56] См.: *Гущин В.З.* Комплексный подход к проблеме борьбы с неуставными отношениями между военнослужащими // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 28.

Аналогичный результат показал анализ публикаций о Вооруженных Силах Российской Федерации в общероссийских газетах за период с 1 января по ноябрь 1998 г., проведенный сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка совместно с представителями Главной военной прокуратуры. Опубликованные материалы на армейские темы не затрагивают проблем реформирования армии (за исключением «Красной звезды»), а в основном сообщают негативные факты из жизни армии и флота[57].

Совокупность изложенных фактов активно «питает почву» неуставных взаимоотношений. С одной стороны, господствующая в нашем обществе идеология индивидуалиста-потребителя формирует молодых людей черствыми, корыстными, эгоистичными, равнодушными к проблемам других людей, а иногда — откровенно жестокими, способными опуститься до подлости в угоду удовлетворению личных потребностей, тем самым создавая предпосылки преступного насилия как способа обеспечения личного привилегированного положения в армейской микросреде. С другой стороны, один из главных идеологических инструментов — средства массовой информации, нагнетая обстановку паники и беззащитности призывников и их родителей перед неуставными отношениями, предопределяют их пассивность и конформизм по отношению к основанной на насилии неформальной системе межличностных отношений военнослужащих («дедовщине», «годковщине», «землячеству» и др.), формируют у молодых людей психологическую и интеллектуальную готовность становиться жертвами неуставных отношений, с тем чтобы впоследствии, превратившись из угнетенных в угнетателей, оставшуюся часть службы провести в праздности за счет пришедших им на смену новых угнетенных.

Прямым следствием социально-экономического расслоения общества, идеологической неопределенности и низкой позитивности информационного воздействия выступают *причины нарушений уставных правил взаимоотношений, вытекающие из пороков системы воспитания призывников*. Фактором, негативно деформирующим социально-психологические установки военнослужащих, является практически полное забвение традиционных, апробированных многолетней практикой советской эпохи средств и методов воспитательного характера. К сожалению, следует признать, что в современном обществе практически не работает ни одна из традиционных систем воспитания[58]. В семье родители подчас не имеют возможности заниматься воспитанием ребенка из-за нехватки времени, которое они вынуждены посвящать решению материальных проблем своих семей, в подавляющей массе поставленных на грань физического выживания. По официальным данным Министерства экономики, среднегодовые доходы 45,1 млн наших граждан (около трети всего населения России. — *Е.М.*) ниже прожиточного минимума. Подобная ситуация приводит к ущербности системы семейного воспитания будущих призывников, так как в первую очередь на военной службе по призыву оказываются именно представители малоимущих слоев населения. Их родители не имеют физической возможности обеспечить

---

[57] *Гущин В.З.* Указ. соч. С. 29.

[58] Здесь и далее имеются в виду системы общественного, школьного, семейного и религиозного воспитания. Подробнее об этих системах и проблемах их функционирования см.: *Иншаков С.М.* Военная криминология: Учебник: В 2 ч. / Под общ. ред. В.В. Лунеева. М., 2001. Ч. 1. С. 122.

необходимую степень воспитания и привить будущим воинам достаточный уровень культуры межличностного общения, что приводит к отсутствию у призывников психологической готовности к преодолению трудностей воинской службы и отсутствию устойчивых стереотипов правомерного поведения при решении конфликтных ситуаций, достаточно часто возникающих в армейском быту. В свою очередь, отсутствие у молодых воинов вследствие дефектов воспитания элементарных навыков самообслуживания (пришить пуговицу, заштопать обмундирование и др.) является мощнейшим фактором их виктимизации, так как именно подобная категория новобранцев в первую очередь становится объектом неуставных отношений.

К аналогичным последствиям приводит и проблема неустойчивости современных российских семей, в основе которой в первую очередь лежит социальное и экономическое неблагополучие. Прямым следствием того, что в подавляющем большинстве неполных семей функции родителя исполняет «мать-одиночка», является наличие у некоторых призывников негативных качеств, вызванных дефицитом мужского воспитательного воздействия и авторитета отца при формировании личности подростка. В результате новобранцы из неполных семей, как правило, не умеют строить «мужские отношения», отстаивать свои права, проявлять справедливость, великодушие, твердость, настойчивость и конструктивность в отношениях с сослуживцами. Это подтверждается тем фактом, что доля военнослужащих, воспитывавшихся в неполных семьях, в структуре лиц, совершивших рассматриваемые преступления, довольно высока. Из числа военнослужащих, совершивших преступления, предусмотренные ст. 335 УК РФ, воспитывались в неполных семьях: в 1999 г. — 12,1 %; в 2000 г. — 8,3 %; в 2001 г. — 9 %; в 2002 г. — 10 %. Всего же за период с 1994 по 2002 гг. 2 392 военнослужащих, совершивших рассматриваемые преступления (ст. 244 УК РСФСР; ст. 335 УК РФ), воспитывались в неполных семьях, что составляет 12 % от общего числа преступников этой категории за указанный период.

Не менее мощным фактором, детерминирующим рассматриваемые преступления, являются *пороки культурной сферы жизни нашего общества*. С учетом того обстоятельства, что именно культура формирует у граждан социальную иерархию потребностей и определяет способы их удовлетворения[59], становится понятно, откуда у молодых людей, вчерашних детей, возникают устойчивый стереотип противоправного, в том числе насильственного, поведения и готовность, особо не задумываясь, применить насилие для удовлетворения личных потребностей. Подобные стереотипы поведения усваиваются призывниками благодаря влиянию негативных аспектов массовой культуры.

Анализируя состояние культурной сферы общественной жизни, следует признать, что в современном российском обществе практически отсутствует единая культурно-нравственная политика. Более того, современная массовая культура, средства массовой информации и кинематограф в абсолютном большинстве случаев не только не способствуют формированию социально-психологических качеств достойного гражданина, но и, наоборот, насаждают идеалы, абсолютно не совместимые со статусом правопослушного гражданина, а иногда даже и просто порядочного человека. Например, культ силы, пропагандируемый современ-

[59] См.: *Иншаков С.М.* Культура и воздействие на преступность // Преступность и культура / Под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 8.

ной отечественной и зарубежной «поп-культурой», приводит к отражению в психике молодых людей некоего возвышенного, приключенческого образа «крутого парня», а насилие в большинстве случаев воспринимается как наиболее простой, эффективный и «уважаемый» способ решения личных проблем. Результатом воздействия такой массовой «антикультуры» на призывную молодежь является формирование у ее представителей устойчивых криминогенных качеств. К ним можно отнести такие убеждения, как: все относительно (нет разницы между добром и злом, истиной и ложью); все имеет цену (покупается и продается); любой не без греха (каждый человек — потенциальный преступник); если нельзя, но очень хочется, то можно, только осторожно (легкое отношение к закону); свобода — все, традиции — ничто (ведет к гипертрофированному эгоизму) и др.[60] Неудивительно, что, попадая в ситуацию межличностного конфликта и не имея навыков его разрешения законным путем, военнослужащие выбирают противоправное насильственное поведение, выходя из этой ситуации способом, увиденным ими ранее на экране телевизора.

Криминологическими исследованиями установлено, что насильственное поведение в большей степени свойственно лицам с низкой культурой. Военнослужащие по призыву в абсолютном своем большинстве не читают ни книг, ни газет, не интересуются культурой и искусством. 27 % военнослужащих по призыву имеют среднее образование, 40 % — неполное профессиональное, 11 % — начальное или неполное среднее. Кроме того, 50 % из них употребляли до призыва спиртное, 8 % — наркотики. Если перед призывом в армию 10 % считали службу своим патриотическим долгом, то при увольнении так считает не более 5 %[61]. Безусловно, общий уровень культуры военнослужащих, определяя их мировоззрение, круг интересов, социальных установок, взглядов, убеждений (в том числе криминогенных или антикриминогенных), существенно отражается на характере взаимоотношений между ними.

Не менее важной группой общих детерминант нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими является *совокупность недостатков правового регулирования жизни нашего общества*. По нашему мнению, любые причины противоправного поведения людей так или иначе связаны с недостатками правового регулирования. Это объясняется, прежде всего, тем, что данные причины возникают, приобретают устойчивость и реализуются в правонарушении именно вследствие отсутствия или неэффективности правового механизма удовлетворения тех или иных потребностей человека. При наличии эффективной правовой базы, реально охватывающей все сферы жизнедеятельности человека, социальные причины правонарушений либо не возникают, либо нейтрализуются правовым полем. «Справедливость законов» (в современном понимании — эффективность, полнота и неотвратимость) с древних времен была отнесена к мощнейшим антикриминогенным факторам. Даже биологические факторы преступного поведения которые, на первый взгляд, менее всего связаны с недостатками правовых установлений, могут быть, по меньшей мере, своевременно выявлены и бло-

[60] См.: *Войцехович В.Э.* О некоторых причинах пропаганды средствами массовой информации воровской культуры // Преступность и культура. С. 107.

[61] *Певень Л.В.* Готовность к военной службе: проблемы формирования оборонного сознания российской молодежи // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 22.

кированы при условии наличия и надлежащей реализации необходимых для этого правовых норм.

Следовательно, логично было бы утверждать, что все социальные и социально-психологические детерминанты нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих (экономические, идеологические, информационные, воспитательные, культурные и др.) обусловлены наличием дефектов правового регулирования некоторых сфер жизни нашего общества.

В немалой степени детерминирует неуставные отношения и *социальная напряженность*. Являясь относительно самостоятельным феноменом общественной жизни, социальная напряженность существенно влияет на поведение людей как в гражданском обществе, так и в вооруженных силах. Для социальной напряженности характерно тесное переплетение глобальных и личных проблем. Персонифицированное восприятие факторов внешней среды приводит к тому, что любые изменения в масштабах общества, региона немедленно рассматриваются через призму личных интересов людей. Преобладание негативных оценок в конечном итоге формирует негативный психологический фон: массовую настороженность, недоверчивость, озлобленность, раздраженность. Трудно не согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева, полагающего, что «капитализация страны означает замену прежних отношений коллективизма и взаимопомощи (пусть во многом декларированных) откровенным эгоизмом, индивидуализмом, "войной всех против всех"»[62]. Еще в 1993 г. 24,6 % опрошенных граждан дали крайне отрицательную оценку существующим отношениям между людьми (против 13,7 % в 1983 г.), назвав их волчьими, хамскими, отвратительными[63]. По экспертным оценкам, эти цифры впоследствии только возросли.

К моменту призыва молодой человек достаточно четко осознает свою социальную невостребованность и незащищенность. На этом фоне формируются или приобретают устойчивость такие качества, как эгоцентризм, равнодушие к проблемам других людей, социальная пассивность. Кроме того, социальная напряженность формирует крайне негативное эмоциональное состояние у призывников, проявляющееся в постоянном немотивированном страхе, тревожности, раздражительности, озлобленности, и даже агрессивности. Не случайно многие отечественные и зарубежные криминологи, анализируя агрессивное поведение, связывают его с состоянием аномии, отчужденности, страха за собственное существование. «Мы полагаем, — пишут эти исследователи, — что убийцы и другие насильственные преступники — это лица с повышенной тревожностью, если понимать тревожность как ощущение угрозы своему бытию и постоянную готовность оборонять его...»[64].

Несомненно, что призванный на военную службу молодой человек с подобными личностными характеристиками привносит в воинский коллектив отрицательные психологические установки, негативно влияющие на формирование морально-психологического микроклимата всего коллектива.

---

[62] *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учебное пособие. М., 1998. С. 53.

[63] См.: Актуальные проблемы девиантного поведения: Ежегодник. М., 1995. С. 137.

[64] *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 126. См. также: *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1980. С. 243.

Анализ общесоциальных факторов рассматриваемой категории преступлений и особенностей их детерминации позволяет прийти к выводу, что основные общесоциальные причины рассматриваемых преступлений, проистекая из общего характера современных общественных отношений, формируют общую криминальную направленность личности одних военнослужащих, блокируют антикриминальную направленность личности других военнослужащих, чем порождают их аморальное, безнравственное и противоправное поведение, проявляющееся в том числе и в совершении ими преступлений антиуставной направленности.

«Неуставные отношения» как неформальная система доминантных отношений не являются порождением исключительно воинской среды. Общесоциальные причины данных криминальных проявлений создают условия возникновения таких отношений и в гражданском обществе. Более того, факты существования «неуставных отношений» первичны именно для гражданского общества и присутствуют в детских домах, профтехучилищах, и даже микросреде студентов высших учебных заведений. Большая часть криминогенных качеств и навыков военнослужащих — нарушителей уставных правил взаимоотношений, являющихся первопричиной их противоправных деяний, закладывается, формируется и приобретает устойчивость еще до призыва на военную службу. Это свидетельствует о настоятельной необходимости организации предупредительных и профилактических мероприятий в целях минимизации рассматриваемых преступлений в первую очередь в среде допризывной молодежи, что позволит в конечном итоге более адресно и избирательно бороться с этим явлением в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации.

§ 2. Общесоциальные причины неуставных взаимоотношений, специфически преломляющиеся через условия военной службы

Вооруженные силы являются неотъемлемой частью общества, его естественным продолжением, своеобразным «слепком», отражающим достижения и болезни всего общества. Однако вооруженные силы все же являются достаточно самостоятельным и специфическим организмом. Эти бесспорные факты позволяют выделить вторую группу факторов преступности рассматриваемого вида, являющихся отражением общесоциальных детерминант нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, спроецированных на Вооруженные Силы Российской Федерации. К этой группе следует отнести общие детерминанты преступности, специфично преломляющиеся через своеобразные условия жизни, быта, досуга и иной деятельности военнослужащих.

Общесоциальные экономические причины преступности не только формируют негативное правосознание у призывников, являются предпосылками пороков их воспитания, влекут ухудшение иных социально-демографических и социально-психологических характеристик призывного контингента, но и находят свое отражение в служебно-бытовых сферах жизнедеятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом экономические противоречия детерминируют насилие в среде военнослужащих скорее опосредованно, чем непосредственно.

Основной экономический фактор современной преступности — падение уровня производства, породившее длительный экономический кризис в нашей стране, отразился на Вооруженных Силах Российской Федерации в виде сокращения расходных статей бюджета на их содержание.

Этот фактор по сей день детерминирует преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений следующим образом:

1. Недостаточное финансирование боевой подготовки подразделений и частей практически автоматически влечет срыв выполнения распорядка дня, значительная часть которого предназначена для выполнения задач боевой подготовки. В результате основная часть военнослужащих по призыву оказывается не занятой (либо занятой не тем, что предполагают цели военной службы) в течение достаточно большого промежутка времени. Праздность, наличие «лишнего времени» крайне отрицательно сказываются на прохождении военной службы конкретным военнослужащим, на процессе его интеграции в воинский коллектив и характере межличностных отношений между членами этого коллектива. Исторический опыт свидетельствует, что армия, которая не воюет (в нашем случае — не занимается боевой подготовкой в необходимом объеме), рано или поздно начинает разлагаться как морально, так и идеологически. Более того, в условиях слабого контроля за личным составом со стороны командиров военнослужащие, имеющие «излишек» свободного времени, в подавляющем большинстве случаев самостоятельно начинают искать себе применение и в процессе этих поисков нередко совершают правонарушение.

Данный вывод находит свое подтверждение в статистических обзорах. Парадоксально, но количество преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ, совершаемых в течение промежутка времени с 9.00 до 18.00 (именно в это время распорядком дня предусмотрено абсолютное большинство мероприятий по боевой подготовке), значительно превышает количество преступлений этой категории, совершаемых с 18.00 до 22.00 (во время, большая часть которого является «личным временем» военнослужащих и, следовательно, имеет наивысший криминогенный потенциал)[65].

Другой очевидной проблемой недостаточного финансирования боевой подготовки являются не всегда удачные попытки командиров «компенсировать» высвободившееся время привлечением военнослужащих к хозяйственным работам. Цели командиров при этом вполне понятны и оправданны — не допустить праздности, безделья своих подчиненных, улучшить материальную базу подразделения. Однако подобная практика нередко приводит к обострению межличностных противоречий в среде военнослужащих, участвующих в таких работах. Вызвано это прежде всего тем, что, распределяя хозяйственные работы, многие командиры не заботятся о том, кто эти работы будет реально выполнять, интересуясь лишь достижением цели проводимых работ (качественно покрашенный забор, выкопанный котлован, уборка помещений и т. д.). В результате обезличенность и деперсонализация выполнения хозяйственных работ, проводимых вместо боевой подготовки, приводит к тому, что реально данные работы выполняются военнослужащими младших призывов, в то время как воины старших призывов фактически предоставлены сами себе, что нередко является мощным источником криминальных инициатив. Более того, при проявлении несогласия с подобной системой распределения работ со стороны представителя младшего призыва его в большинстве случаев ожидает физическое «наказание» со стороны «старослужащих».

---

[65] Об этом подробнее см. § 3 гл. 1 разд. I.

Согласно проведенному нами в период с 1997 по 2003 гг. опросу 300 офицеров различных родов войск 78 % опрошенных полагали, что полномасштабное проведение всех мероприятий, предусмотренных боевой подготовкой, позволяет свести к минимуму неуставные отношения военнослужащих, а 11 % опрошенных считали, что проведение боевой подготовки на подобном уровне вовсе исключает возможность неуставных отношений в подразделении.

2. Следствием недофинансирования сферы продовольственного обеспечения является возникновение конфликтов между военнослужащими, поводом для которых служат продукты питания. Их недостаток довольно часто приводит к тому, что «старослужащие» отбирают у остальных военнослужащих продуктовые посылки от родных, принуждают военнослужащих младших призывов к воровству и попрошайничеству. Существует даже специальная форма неуставных отношений, называющаяся «изъятие» или «обделение»[66], предусматривающая подобное поведение «старослужащих».

Кроме того, по данным некоторых исследований, уровень питания военнослужащих и уровень их агрессивности находятся в достаточно высокой корреляционной связи. Например, установлено, что военнослужащие, которым в 1997 г. изначально в меню закладывалось недоведение по энергосодержанию продуктов на 8—14 % меньше нормы (фактический недостаток в рационе колебался в пределах 23—57 %), потенциально агрессивны[67].

3. К аналогичным последствиям (драки, вымогательство, принуждение к воровству и попрошайничеству) приводит недофинансирование сферы вещевого, банно-прачечного и других видов обеспечения военнослужащих.

4. Недостаточно высокая финансовая оценка ратного труда, и в первую очередь труда офицеров, приводит к оттоку из Вооруженных Сил значительной части грамотных, квалифицированных и не равнодушных к проблемам воинского коллектива специалистов. Проведенный Главным управлением воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации в начале 2003 г. опрос офицеров и прапорщиков показал, что 80 % опрошенных недовольны социальной политикой государства в отношении военнослужащих, а 48 % опрошенных высказали намерение продолжить службу только при благоприятных социально-экономических изменениях. Причем среди младших офицеров таковых оказалось 45 %, а среди старших офицеров — 59 % опрошенных. Только 21 % кадровых военных заявили, что в той или иной степени удовлетворены условиями службы[68].

Подобная психологическая установка кадровых военнослужащих нередко формирует у конкретного командира поверхностное, иногда даже безответственное отношение к службе (по принципу: «как нам платят, так мы и служим»), которое самым отрицательным образом сказывается на воинской дисциплине в подчиненном этому офицеру подразделении и на взаимоотношениях между военнослужащими. Офицеры, продолжающие служить, несмотря на трудности, вынуждены бороться за нормальное существование своей семьи, тратить большую часть своих сил и времени (в том числе за счет военной службы) на решение матери-

[66] Об этом подробнее см. § 1 гл. 1 разд. I.
[67] См.: *Мацкевич И.М.* Указ. соч. С. 158.
[68] См.: Независимое военное обозрение. 2003. № 12. С. 3.

альных проблем. По заявлению заместителя председателя Комитета Государственной Думы по обороне генерал-полковника Ю. Родионова, по состоянию на 2003 г. 46 % семей военнослужащих живут ниже черты бедности. Коренного улучшения материального положения офицерских семей после осуществления ряда запланированных Правительством Российской Федерации повышений денежного содержания не произошло, социальная ситуация в войсках остается сложной. Увеличение окладов по воинским званиям и надбавок за квалификационный разряд федеральных государственных служащих с 1 января 2002 г. позволило только компенсировать потери денежного дохода военнослужащих от роста инфляции в 2002 г. Среднедушевой доход офицерских семей на 24 марта 2003 г. составил чуть более 1 700 рублей. Причем прожиточный минимум в среднем по России на этот период составлял 2 065 рублей на человека[69].

Организационно-правовые причины неуставных взаимоотношений, также как и указанные выше причины, имеют общесоциальную природу. Однако, специфически преломляясь через условия жизнедеятельности армии и флота, они приобретают дополнительную дестабилизирующую силу. Существенное негативное влияние на взаимоотношения военнослужащих оказывают отсутствие необходимых законов или слабое использование действующих (не всегда совершенных), неэффективность взаимодействия органов военного управления и военной юстиции, несоответствие правовой базы разрушающего воздействия на неуставные взаимоотношения (в первую очередь общевоинских уставов) реальному положению дел в Вооруженных Силах Российской Федерации, отсутствие специальных военных органов, выполняющих оперативно-розыскные функции, низкая эффективность деятельности военного командования как органа дознания, отсутствие четкого механизма гражданского контроля, а также не вполне удовлетворительная работа органов военной юстиции.

С учетом того, что важнейшие аспекты административного, финансового, материально-технического, научного, информационного, кадрового и других видов обеспечения борьбы с неуставными отношениями во многом определяются правовой базой, следует признать, что имеющиеся недостатки правового регулирования вышеназванных аспектов занимают одно из центральных мест в причинном комплексе неуставных отношений. Рассматриваемые причины многоаспектны и достаточно многочисленны. Поэтому мы предлагаем сосредоточить внимание на основных проблемах, связанных с недостатками уголовно-правового и военно-административного регулирования рассматриваемой сферы как имеющих наибольшую детерминирующую силу.

Несмотря на то обстоятельство, что уголовно-правовые меры воздействия на рассматриваемые преступления остаются на сегодняшний день одними из самых эффективных и действенных, недостатки уголовно-правового регулирования борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений оказывают существенное влияние на их детерминацию и самодетерминацию. Эти недостатки достаточно подробно анализировались нами в § 2 гл. 1 разд. I.

В свою очередь, недостатки правового обеспечения военно-административной сферы организации борьбы с нарушениями уставных правил взаи-

[69] См.: За чертой бедности // Независимое военное обозрение. 2003. № 11. С. 3.

моотношений между военнослужащими проявляются в следующих моментах:

1. Действующая система комплектования войск рядовым и сержантским составом не учитывает научных основ формирования трудового (воинского) коллектива. Для воинского коллектива наибольшее значение имеет однородность возраста и срока нахождения на военной службе его членов. Современная система комплектования армии и флота на основе двухразового ежегодного призыва, введенная в 50-х гг. XX в. в целях обеспечения высокой обороноспособности нашей страны на случай внезапной войны, морально и политически устарела. Эта система, по справедливому утверждению Ф.С. Бражника, создала объективную основу для неформального объединения военнослужащих по продолжительности пребывания на военной службе, что послужило основанием к установлению в воинских подразделениях неформального порядка, противоречащего требованием воинских уставов и базирующегося на насилии и издевательствах группы военнослужащих старшего призыва над группой молодых воинов[70]. Кроме того, требования воинских уставов, направленные на формирование и поддержание авторитета сержантов и старшин младших призывов, оказываются блокированными неформальными отношениями, порожденными неправильной системой комплектования войск.

Еще одним недостатком действующей системы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, крайне отрицательно влияющим на процесс формирования позитивных межличностных отношений между военнослужащими, на наш взгляд, является призывной возраст. Как известно, на сегодняшний день призыв на военную службу осуществляется с 18 лет. Психологи утверждают, что человек как личность формируется к 21 году, а период основной социализации заканчивается к 26 годам. «Содержание... психики не наследуется, а формируется на протяжении всего постнатального периода, и особенно в первый, наиболее бурный период (до 21—22 лет)»[71]. Отсутствие жизненного опыта, не сложившаяся психика, аморфность и неустойчивость системы личностных ценностей и принципов, неумение прогнозировать последствия своего поведения — вот далеко не полный перечень негативных следствий раннепризывного возраста, нередко являющихся детерминантами преступного поведения военнослужащих.

2. Основные нормативные документы, регулирующие большую часть воинских отношений — общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации, устарели не только морально, но и организационно. Не подвергая анализу весь спектр недостатков действующих уставов, основную проблему применительно к рассматриваемой сфере мы видим в заложенных в ДУ ВС РФ противоречиях между объемом обязанностей командира по поддержанию воинской дисциплины, его реальными возможностями (правами) по выполнению этих обязанностей и ответственностью за ненадлежащее их выполнение.

---

[70] См.: *Бражник Ф.С.* Пути предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в Вооруженных Силах Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.М. Корнеев. М., 1997. С. 23.

[71] *Ласкина Н.Д., Ушаков Г.К.* Медицинская психология. М., 1984. С. 38.

Рассматриваемая проблема заключается даже не в объеме обязанностей командира (хотя ст. 6 ДУ ВС РФ устанавливает 19 обязанностей командира по поддержанию высокой воинской дисциплины, что уже само по себе вызывает сомнение в эффективном одновременном их исполнении), а в недостаточной конкретизации, размытости этих обязанностей. С учетом положений ч. 2 ст. 8 ДУ ВС РФ об ответственности командира за необеспечение необходимых условий для соблюдения воинской дисциплины данная правовая аморфность позволяет обвинить командира в невыполнении своих обязанностей в случае практически любого правонарушения его подчиненных. Тем самым, по нашему мнению, нарушается основополагающий правовой принцип — вина командира в проступке подчиненного должна быть доказана, а не презюмирована, как это позволяет делать сейчас ДУ ВС РФ.

Данный тезис подтверждается дисциплинарной практикой современных Вооруженных Сил Российской Федерации. Несмотря на требование ч. 3 ст. 8 ДУ ВС РФ о недопустимости ответственности командира за преступления, происшествия и проступки подчиненных, не являющиеся прямым следствием деятельности командира или непринятия им мер по их предупреждению, порочная практика дисциплинарной ответственности командира за нарушения подчиненных до сих пор полностью не изжита. Причины этого вполне очевидны — практически любое происшествие или проступок подчиненного в сфере воинской дисциплины можно увязать с невыполнением командиром требований вышеуказанной ст. 6 ДУ ВС РФ вследствие крайне обобщенного характера этой нормы.

Складывается парадоксальная ситуация, когда командир в любом случае несет ответственность за проступок подчиненного: либо он не знал о склонности того к совершению преступления (а он обязан изучать личные качества подчиненных — ч. 1 ст. 6 ДУ ВС РФ), либо, если знал, — не воспитывал его должным образом и не принимал мер к предотвращению преступления (чч. 3 и 4 ст. 6 ДУ ВС РФ), так как преступление все же было совершено. Подобная «универсальность» правовых норм на практике приводит к сокрытию командирами имеющегося негатива, попустительству правонарушителям, скептическому отношению к своим должностным обязанностям и службе в целом.

Особой критики заслуживают и противоречия между объемом обязанностей командира и объемом его дисциплинарных полномочий (поощрения и взыскания, которые он может применять к подчиненным). Возникают большие сомнения в возможности эффективного воспитания и управления личным составом при реальном отсутствии у командира мер реагирования на поведение подчиненных. Большинство мер поощрения, которые может применять командир (награждение грамотами, личной фотографией военнослужащего, объявление благодарности и др.), отчасти потеряли свою мотивирующую силу вследствие изменения общественно-экономических отношений нашего общества, а полномочия командира по применению дисциплинарных взысканий к правонарушителям вообще не выдерживают никакой критики.

В настоящее время предусмотренные ДУ ВС РФ меры взыскания, применяемые к военнослужащим по призыву, практически не способны повлиять на поведение правонарушителя. Например, выговор и строгий выговор никоим образом не изменяют порядка прохождения правонарушителем военной службы, не порождают каких-либо ограничений по службе и не влекут даже моральных последствий для нарушителя дисциплины.

Лишение очередного увольнения также достаточно неэффективная мера по причине того, что военнослужащие по призыву (за исключением курсантов первых и вторых курсов военно-учебных заведений) и так пользуются этим правом достаточно редко, особенно первые полгода службы. Назначение вне очереди в наряд на работу также неэффективно, поскольку, как правило, военнослужащие и так большую часть своего времени тратят на паркохозяйственные работы независимо от того, наложено на них взыскание или нет.

Единственная реалистичная мера дисциплинарного принуждения — дисциплинарный арест, перестала существовать с 1 июля 2002 г. Начиная именно с этой даты в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О внесении изменений в общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации» от 30 июня 2002 г. и во исполнение ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации военнослужащий может быть арестован в дисциплинарном порядке только по судебному решению. Основания и порядок такого ареста должны быть определены федеральным законом. В связи с этим п. 3 вышеназванного Указа Правительству Российской Федерации поручено представить Президенту Российской Федерации проекты законодательных и иных нормативных правовых актов, определяющих применение к военнослужащим меры дисциплинарного взыскания в виде ареста с содержанием на гауптвахте. До вступления в силу этих актов военнослужащие не могут быть арестованы в дисциплинарном порядке и помещены для отбывания дисциплинарного ареста на гауптвахту.

Не оспаривая целесообразность принятого Президентом Российской Федерации решения (оно продиктовано необходимостью приведения нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации), мы считаем неприемлемым лишать командира этой единственно действенной меры воздействия на нарушителей воинской дисциплины. В связи с этим мы полагаем необходимым в срочном порядке принять нормативные правовые акты, определяющие применение к военнослужащим дисциплинарного ареста, и всемерно способствовать их скорейшему вступлению в законную силу, поскольку в современных условиях командир практически лишен возможности эффективно воздействовать на злостных нарушителей воинской дисциплины, в том числе на военнослужащих, допускающих нарушения уставных правил взаимоотношений при отсутствии признаков преступления.

В условиях отсутствия действенного механизма реализации своей дисциплинарной власти, по утверждению А. Лебедя, сломать челюсть «старослужащему», застигнутому в момент издевательства над сослуживцем, представляется некоторым командирам единственно возможным способом борьбы с неуставными отношениями[72]. По данным опросов офицеров ротного звена, 65 % командиров используют насилие как метод управления подчиненными. Эта цифра соответствует результатам опроса солдат: 14,2 % из них заявили, что командиры часто применяют рукоприкладство, 53,2 % ответили, что рукоприкладство по отношению к солдатам применяется, но редко[73].

Деятельность командира по борьбе с неуставными отношениями, справедливо воспринимаясь как его должностная обязанность, практически

---

[72] См.: *Лебедь А.* За державу обидно. М., 1995.

[73] См.: *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 74.

не поощряется ни обществом, ни государством в лице вышестоящих начальников. Более того, для офицера, реально занимающегося борьбой с этим социальным злом, инициирующего возбуждение уголовных дел по фактам издевательств и глумлений, сделать более-менее успешную военную карьеру весьма проблематично. Это объясняется не только препятствиями со стороны «недовольного» командования и порочной системой оценки служебной деятельности командира по количеству зарегистрированных правонарушений, но и тем, что в результате привлечения конкретного военнослужащего к уголовной ответственности с последующим его осуждением (как правило, к наказанию, связанному с изоляцией от общества), подразделение теряет единицу штатного боевого расписания. В результате может сложиться ситуация, при которой подразделение оказывается небоеспособным (корабль не может выйти в море для выполнения боевой задачи из-за нехватки специалистов; танк, лишенный механика-водителя или наводчика-оператора, теряет до 90 % своей «живучести»). Этот тезис подтверждает и тот факт, что половина уголовных дел о преступлениях антиуставной направленности возбуждается не сразу после их выявления, а спустя длительное время. Значительная часть этих преступлений ежегодно скрывается. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению укрытых от учета преступлений в ПурВО, ДВО, СКВО и РВСН[74].

3. Наряду с вышеуказанными проблемами, неполнотой правовой базы обусловлено также отсутствие специальных военных органов, выполняющих оперативно-розыскные функции. Для повышения раскрываемости преступлений и превентивного выявления готовящихся общественно опасных деяний в мировой практике борьбы с преступностью существует система соответствующих полицейских структур: служба криминальной разведки, структуры наружного и электронного слежения, подразделения захвата и т. д. Практически все армии мира располагают структурами, имеющими подобные функции. В России же на сегодняшний день единственным органом, профессионально занимающимся выявлением криминала в Вооруженных Силах, является военная прокуратура. Однако ее деятельность в этом направлении не всегда достаточно эффективна, и многие преступления остаются невыявленными.

Очевидно, что для повышения эффективности деятельности военной прокуратуры в рассматриваемом направлении необходимы дополнительные возможности получения информации (в том числе агентурной). Но это уже сфера оперативных служб, не входящих в систему прокуратуры. В соответствии с действующим законодательством прокуратура может осуществлять лишь координацию розыска и надзор за этой деятельностью. Проблема в том, что военной прокуратуре в рассматриваемом вопросе практически не за кем надзирать и некого координировать, так как в Вооруженных Силах Российской Федерации отсутствует аналог «гражданского» уголовного розыска. Розыскные функции выполняют либо органы контрразведки, либо войсковые офицеры (дознаватели). Причем следует отметить, что в настоящее время в наших Вооруженных Силах практически отсутствует четко налаженная оперативная работа военной контрразведки по выявлению фактов неуставных взаимоотношений. Военные контрразведчики объясняют свое бездействие в этом направлении тем, что они призваны выполнять иные задачи

[74] *Савенков А.Н.* Конституционная законность и военная безопасность России. М., 2002. С. 265.

(борьба с терроризмом, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств и психотропных веществ и др.). Хотя еще в 1999 г. главный военный прокурор и директор ФСБ России издали совместный приказ «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления взаимодействия органов военной прокуратуры и органов безопасности в войсках в борьбе с преступностью и укреплении законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах» от 6 октября 1999 г. № 233/522/ДСП, устанавливающий порядок взаимодействия военной контрразведки и военной прокуратуры по выявлению и пресечению неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Однако, несмотря на принятые меры, результативность взаимодействия ФСБ России и военной прокуратуры оставляет желать лучшего.

Что же касается дознавателей, то, как правило, вся их профессиональная подготовка состоит из полученных в военной прокуратуре инструкций и указаний. О «слабости» военного командования как органа дознания и причинах его крайне неэффективной работы в научной литературе было сказано достаточно много. Не повторяя высказанных упреков по поводу выполнения командирами воинских частей своих функций как органа дознания, хотелось бы проиллюстрировать эту их деятельность в области рассматриваемой категории преступлений, опираясь на статистические показатели. В 1999 г. по признакам преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ, органами дознания (военным командованием) возбуждалось лишь 46 % уголовных дел, в то время как органами военной прокуратуры — 54 %; в 2000 г. органами дознания возбуждалось 44 % уголовных дел рассматриваемой категории, военной прокуратурой — 56 %; в 2001 г. органами дознания — 37 %, военной прокуратурой — 63 %; в 2002 г. органами дознания возбуждались уголовные дела в 25 % случаях, органами военной прокуратуры — в 75 %. Таким образом, военное командование, которому лучше кого бы то ни было должно быть известно о совершенных преступлениях в подчиненных частях и которое призвано выполнять функции органа дознания, стабильно возбуждает менее половины уголовных дел рассматриваемой категории.

Вышеизложенное позволяет с уверенностью утверждать, что для проведения оперативно-розыскной деятельности в войсках необходим специальный орган, главной целью которого стало бы выявление и пресечение правонарушений военнослужащих (в том числе неуставных взаимоотношений), — военная полиция. Следует при этом отметить, что проект федерального закона «О военной полиции» был разработан Комитетом Государственной Думы по обороне еще в 1997 г. Однако неоднократные попытки принять указанный закон не увенчались успехом по причинам, лежащим за пределами нашего исследования. Настоятельная же необходимость скорейшего принятия такого закона очевидна и бесспорна.

4. Низкая эффективность работы военной прокуратуры по предупреждению рассматриваемых преступлений и оказанию превентивного воздействия на существование неуставных отношений путем эффективной следственной практики, безусловно, является значительным фактором устойчивости рассматриваемого военно-криминального феномена. Проявляются недостатки данной деятельности военной прокуратуры в нескольких аспектах.

Во-первых, практика свидетельствует о том, что при тесном взаимодействии органов военной прокуратуры и командования поднадзорных воинских частей можно выявлять на порядок больше преступлений рассматриваемой категории, чем выявляется в настоящее время. Однако большое количество выявленных преступлений не выгодно не только командирам воинских частей (так как портит показатели воинской дисциплины), но и военным прокурорам. Причем объяснение этому парадоксу достаточно прозаическое: увеличение показателей результативности следственной деятельности (количество оконченных уголовных дел) за предыдущий отчетный период вынуждает работников военной прокуратуры сохранять или увеличивать эти показатели в новом отчетном периоде. В противном случае (если показатели падают) их профессиональная деятельность оценивается вышестоящими инстанциями как недостаточно результативная. Очевидно, что в подобных условиях оценки работы военных следователей и прокуроров им необходимо постоянно повышать рассматриваемый показатель, что невозможно по определению (рано или поздно эти показатели все равно будут снижаться). Следовательно, из такой ситуации единственно возможный выход — это занижение исходных показателей, «сдерживание» количества уголовных дел на определенном уровне, т. е. способствование их латентизации путем регистрации и расследования только очевидных преступлений (заявленных командованием воинских частей, повлекших тяжкие последствия, получивших широкую общественную огласку и др.). Это, в свою очередь, порождает безнаказанность преступников и укрепление в воинской среде стереотипа о беспрекословном подчинении «старослужащим», так как даже военная прокуратура бессильна навести порядок.

Во-вторых, оставляет желать лучшего методика расследования преступлений, совершенных на почве неуставных отношений. В частности, отсутствие реальной и действенной системы защиты свидетелей и потерпевших приводит к нежеланию военнослужащих по призыву давать показания, изобличающие их сослуживцев. Доходит до парадоксов, когда в одной части, а иногда и в одной роте, служат и обвиняемый, и потерпевший со свидетелями. Причиной является то обстоятельство, что основной мерой пресечения, используемой следователями военной прокуратуры по рассматриваемой категории дел, является надзор командования. Попытка некоторых следователей защитить потерпевших от посткриминального воздействия в большинстве случаев обречена на провал из-за отсутствия правового механизма решения данной проблемы. Более того, данную задачу должен решать не следователь, а специальный орган, которого в настоящее время не существует. В результате получить необходимую доказательственную базу по делам, связанным с неуставными проявлениями, бывает крайне затруднительно, что приводит к их искусственной латентизации путем прекращения уголовных дел как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям.

В-третьих, на продуктивность работы военной прокуратуры по возбуждению и расследованию уголовных дел рассматриваемой категории крайне пагубно влияет сложившаяся практика негативной оценки следственной работы в случае прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора. Иными словами, военные прокуроры стараются возбуждать уголовные дела в основном в случаях, когда у этих дел имеется судебная перспектива. Если же заранее очевидны проблемы

получения доказательственной базы (преступление произошло давно, и его материальных следов не сохранилось, отсутствуют свидетели, готовые давать изобличающие виновного показания, потерпевший не склонен к сотрудничеству с правоохранительными органами и др.), уголовные дела, как правило, не возбуждаются, так как в случае прекращения уголовного дела вследствие отсутствия необходимых доказательств (за отсутствием состава или события преступления) деятельность работников военной прокуратуры оценивается негативно. Подобная практика никоим образом не способствует эффективности борьбы с неуставными отношениями и реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление.

В-четвертых, в ряде случаев некоторые недостатки в деятельности военных прокуратур связаны с проблемами организации прокурорско-следственной деятельности. В первую очередь это постоянная нехватка времени у следователей для качественного расследования уголовных дел (например, из-за длительного проведения различных экспертиз, что приводит к постоянному затягиванию сроков предварительного следствия или дознания). В результате увеличения сроков расследования падают показатели оперативности работы военной прокуратуры, что опять же влечет общую негативную оценку деятельности военной прокуратуры со стороны вышестоящих инстанций.

Кроме того, отдельной проблемой, негативно отражающейся на эффективном использовании военными следователями и прокурорами своего рабочего времени, а в итоге на общем качестве работы, является практика выполнения контрольных заданий, приходящих из вышестоящих органов военной прокуратуры. Не оспаривая необходимость данного вида организации деятельности органов военной юстиции, мы все же считаем практику излишне большого количества таких заданий в деятельности конкретной военной прокуратуры гарнизонного звена порочной и неэффективной. Дело в том, что большое количество контрольных заданий (содержащих, как правило, указание проверить определенную воинскую часть по указанным в задании основаниям) вынуждает военных прокуроров отрывать своих подчиненных от своей непосредственной работы, так как выполнение подобных проверок заранее не планируется и идет вразрез с общим планом проверок конкретной прокуратуры. В результате проведенных нами опросов работников военной юстиции было установлено, что в некоторых военных прокуратурах количество таких контрольных заданий доходит до 50—70 в месяц, что вследствие больших временных затрат на их выполнение, по нашему мнению, не может не повлиять на эффективность плановой деятельности.

5. Несовершенство правовой базы, обеспечивающей надлежащую жизнедеятельность Вооруженных Сил Российской Федерации, помимо прочего, ярко проявляется в отсутствии четкого механизма гражданского контроля за деятельностью Вооруженных Сил Российской Федерации. До сих пор в нашей стране не существует закона о гражданском контроле за жизнедеятельностью сил армии и флота, который в принципе разработан Комитетом по обороне Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, но существует пока только в виде проекта. Представляется, что суть указанного контроля должна заключаться в том, чтобы сделать сферу военных отношений «прозрачной» насколько это возможно, не ставя под угрозу обороноспособность и боеготовность армии и флота, сохранность государственной и военной

тайны. В настоящее время организациями, которые работают в данном направлении, являются различные комитеты солдатских матерей, движения за права военнослужащих, в поддержку армии, организации патриотического толка. Следует сказать, что, несмотря на ряд существенных нареканий со стороны государственных структур, деятельность этих организаций достаточно эффективна, так как действуют они открыто, с привлечением прессы, освещающей их деятельность. Естественно, материалы, публикуемые в СМИ о неуставных отношениях, имеют широкий общественный резонанс и вызывают адекватную реакцию со стороны руководства военного ведомства и Главной военной прокуратуры, выражающуюся в привлечении виновных к дисциплинарной, гражданско-правовой, уголовной и другим видам ответственности. Однако для повышения эффективности деятельности этих общественных организаций до качественно нового уровня необходимо наличие ее правовых основ и четкая правовая регламентация механизма их использования.

6. Помимо прямых негативных результатов «регулирования» сферы борьбы с неуставными отношениями военнослужащих, частично указанных нами выше, противоречивость, декларативность, не подкрепленная жизненными реалиями, а также изменчивость законодательства влекут массовую правовую безграмотность военнослужащих как по призыву, так и по контракту, включая офицеров. Так, по некоторым данным проведенных криминологических исследований[75], среди опрошенных офицеров 14 % не знают, что командир части является органом дознания, а 16 % затруднились ответить на этот вопрос, 4 % не знают, что командир части обладает правом возбуждать уголовные дела, 8 % затруднились ответить на этот вопрос. На вопрос о том, знают ли они воинские уставы, ответили: «отлично знаю» — 6 % офицеров, «знаю хорошо» — 82 %, «знаю плохо» — 12 %. На вопрос о том, знают ли они права военнослужащих, закрепленные в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», утвердительно ответили 60 %, отрицательно — 14 % и затруднились с ответом 26 %. В то же время на вопрос о том, соблюдают ли они требования уставов, 78 % опрошенных офицеров ответили, что соблюдают, 10 % — что не соблюдают, 12 % затруднились с ответом. В свою очередь, на вопрос о том, соблюдаются ли требования уставов со стороны командования по отношению к ним, 36 % ответили утвердительно и 64 % — отрицательно. Военнослужащие по призыву, как показывают проведенные опросы, еще в меньшей степени отличаются наличием правовых знаний. Например, на вопрос о том, знают ли они требования воинских уставов, 8 % ответили, что отлично знают, 30 % — что знают хорошо, и 62 % признались, что знают плохо. Еще более удручающие результаты были получены при ответе на вопрос, знают ли они права военнослужащих, закрепленные в Федеральном законе «О статусе военнослужащего»: никто не ответил, что знает свои права отлично, 16 % ответили, что знают их хорошо, и 84 % признались, что знают их плохо[76].

Приведенные результаты опросов позволяют констатировать вопиющую правовую безграмотность и как следствие неспособность военнослужащих по призыву защитить себя от неуставных проявлений правовыми средствами, а также неспособность военнослужащих по контрак-

[75] См.: *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999. С. 102.

[76] См. там же. С. 150.

ту (в первую очередь офицеров) строить свою повседневную деятельность (в том числе и деятельность по предупреждению и профилактике неуставных отношений) в правовом поле, определенном нормативными правовыми актами и актами органов военного управления. Данный вывод подтверждается и статистическими сведениями, характеризующими устойчивую связь между нарушениями военного законодательства, допускаемыми командирами, и противоправными деяниями в сфере межличностных отношений, совершаемыми их подчиненными. Так, за период с 1994 по 2002 гг. органами военной прокуратуры были выявлены следующие нарушения военного законодательства, способствовавшие совершению преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР): нарушение требований УВС ВС РФ и Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части материально-бытового обеспечения — 101; нарушение требований УВС ВС РФ и Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части размещения военнослужащих — 44; нарушение требований УВС ВС РФ и Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части выполнения распорядка дня и права военнослужащих на отдых — 391; нарушение требований общевоинских уставов в части организации контроля за личным составом — 4 667; нарушение требований УВС ВС РФ и Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части организации и несения внутренней службы — 1 827; нарушение требований УГ и КС ВС РФ в части подбора караула и организации несения службы — 127; другие нарушения норм военного законодательства, способствовавшие совершению исследуемых преступлений, — 687.

Межнациональные и межрелигиозные противоречия нашего общества, специфически преломляясь через условия военной службы, находят свое отражение в негативном влиянии на формирование межличностных и межгрупповых отношений военнослужащих по призыву. Не вдаваясь подробно в генезис и сущность указанных противоречий в силу их общеизвестности, хотелось бы отметить, что межнациональные, межэтнические, межрасовые и межрелигиозные противоречия однозначно признаются мировым и отечественным научно-криминологическим сообществом мощнейшими общесоциальными факторами преступности во всем мире. В России же современные тенденции к обострению национальных противоречий имеют крайне неблагоприятный характер. Так, согласно проведенному в июне 1999 г. Фондом «Общественное мнение» опросу, 37 % россиян придерживаются националистических взглядов. Из них 19 % открыто поддерживают националистические идеологемы и 18 % являются скрытыми националистами, не решающимися публично утверждать превосходство своей нации над другими[77].

Межнациональные и межрелигиозные противоречия нашего общества находят свое отражение и в воинской среде, являясь весомыми детерминантами воинской преступности в целом и преступлений в сфере межличностных отношений военнослужащих в частности. По данным К.Д. Нечевина, в 85 % случаев правонарушений, связанных с неуставными отношениями, национальности виновного и жертвы не совпадают[78]. По данным другого исследования, относящегося к началу 90-х гг.

---

[77] См.: *Даниани Л.Я.* Фашизм в России: мифы и реалии // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 109.

[78] См.: *Нечевин К.Д.* Указ. соч. С. 109.

XX в.[79], в ходе которого было опрошено 2 000 военнослужащих Северного и Балтийского флотов, 21,3 % респондентов полагали, что наибольшие предпосылки для межличностных конфликтов в воинских коллективах создают напряженные отношения между воинами разных национальностей. В числе славян такого мнения придерживаются 20,8 % опрошенных; из лиц «кавказских национальностей» — 39,8 %. При этом и те, и другие указывают на допущенную к ним социальную несправедливость на межнациональной почве со стороны «старослужащих» (66,1 и 51,6 % соответственно).

Межнациональные и межрелигиозные противоречия в воинском коллективе создают предпосылки существования особой неформальной системы воинских отношений с признаками криминальной субкультуры, получившей в обыденной жизни название «землячество» или «групповщина», которая является наиболее «живучим» видом неуставных отношений[80]. Профилактическая работа командиров и воспитателей часто полностью нивелируется внутригрупповой сплоченностью, основанной на национально-психологических особенностях представителей «земляческих групп», национальных и региональных традициях. «Никакой сержант, не говоря уж о "дедах", не может послать представителя преобладающей национальности на грязную работу»[81].

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

1. Недостатки правового регулирования административного, финансового, материально-технического, научного, информационного, кадрового и других видов обеспечения борьбы с неуставными взаимоотношениями военнослужащих занимают одно из центральных мест в причинном комплексе этих преступлений.

2. Имеющиеся противоречия уголовного, уголовно-процессуального, военно-административного законодательства, отсутствие правовых основ эффективной дисциплинарной власти командира являются мощнейшими факторами нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Чтобы изменить существующую ситуацию необходимо привести законы в соответствие друг другу и потребностям времени, учитывая все явные и скрытые линии криминальной ситуации.

3. Межнациональные и межрелигиозные противоречия нашего общества, находя свое отражение в воинской среде, обладают повышенной детерминационной силой и высокой общественной опасностью, что свидетельствует о настоятельной необходимости блокирования или хотя бы минимизации данных противоречий в воинских коллективах в целях предупреждения преступлений в сфере взаимоотношений военнослужащих.

§ 3. Причины неуставных взаимоотношений, обусловленные особенностями военной службы

Наряду с общесоциальными причинами, находящими свое отражение в формировании и укреплении негативных личностных качеств призывников, а также общесоциальными причинами, специфически преломляющимися через условия военной службы, нарушения уставных правил

[79] См.: *Забрянский Г.Н.* Предупреждение правонарушений военнослужащих на современном этапе военного строительства. М., 1992.

[80] Об этом подробнее см. § 1 гл. 1 разд. I.

[81] *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 29.

взаимоотношений между военнослужащими в немалой степени детерминированы присутствием в генезисе рассматриваемых преступлений группы причин, имеющих в своей основе воинское происхождение. В самом общем виде эту группу можно определить как совокупность недостатков и пороков организации службы и быта военнослужащих, существенно влияющих на продолжение процесса формирования негативных качеств личности молодых воинов и закрепление криминальной ориентации у некоторых военнослужащих.

Наиболее значимыми для возникновения неуставных отношений, их развития и приобретения устойчивости в воинском коллективе, по нашему мнению, являются *организационно-управленческие причины*. Проведенное нами исследование причинного комплекса неуставных взаимоотношений подтвердило имеющуюся в военно-криминологической теории и практике точку зрения, согласно которой различного рода недостатки и упущения органов военного управления неизбежно порождают совершение военнослужащими правонарушений. Рассматриваемые преступления в сфере взаимоотношений военнослужащих не являются в этом смысле исключением.

Весь комплекс организационно-управленческих причин исследуемых преступлений в зависимости от природы их происхождения можно условно разделить на кадровые, процессуальные и специфические.

В современных условиях недофинансирования нужд армии и связанного с этим падения престижа военной службы особую остроту приобрела *проблема кадрового обеспечения* Вооруженных Сил Российской Федерации офицерским составом, причем наибольшие трудности возникли в сфере комплектования командного звена взвод — рота. Болезненный процесс сокращения Вооруженных Сил, происходящий в последние годы, привел к снижению компетентности офицерского состава, часть которого не уверена в своем «военном» будущем и соответственно не заинтересована в повышении своего профессионального мастерства. Заметно упало качество подготовки выпускников военно-учебных учреждений. Негативной тенденцией в области комплектования Вооруженных Сил офицерским составом является и то, что на такую ключевую должность, как командир роты, из-за дефицита офицеров нижнего звена все чаще назначаются молодые лейтенанты, едва успевшие покомандовать взводом[82]. Очевидно, что эти молодые офицеры в большинстве случаев не имеют ни должных навыков управления личным составом, ни твердого авторитета у своих подчиненных.

Отдельной проблемой в рассматриваемом контексте является отсутствие у многих офицеров знаний и навыков по предупреждению правонарушений в подчиненных подразделениях. По результатам опросов офицеров 49 % из них уверены, что в военном училище их недостаточно подготовили к предупреждению преступлений, а 18,4 % заявили, что вообще не были подготовлены к этой работе[83]. О слабой подготовке офицеров к борьбе с неуставными проявлениями свидетельствуют и другие результаты опросов: 35 % офицеров испытывают трудности при работе с лидерами «неформальных» молодежных группировок; 65 % —

[82] См.: Все начинается в роте // Красная звезда. 2003. 31 мая.

[83] См.: *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России. С. 72.

испытывают трудности при работе с военнослужащими разных национальностей; 20 % — не видят возможности искоренить «неуставщину»[84].

Не в меньшей степени рассматриваемые правонарушения детерминируются слабостью института младших командиров. Основная проблема — отсутствие у большей части сержантского состава необходимого авторитета и неспособность реально влиять на положение дел внутри воинского коллектива. Эти недостатки являются следствием ошибок в комплектовании воинских подразделений младшими командирами, связанных с подбором, обучением и расстановкой сержантского состава. Действующая система комплектования почти не учитывает возрастных, профессиональных, интеллектуальных, психологических и нравственных требований, предъявляемых к личности младшего командира, что влечет за собой следующие негативные последствия:

1. В учебную часть, готовящую младших командиров, будущий сержант попадает, как правило, с призывного пункта, не проходя серьезного профессионального отбора. В результате на должностях младших командиров нередко оказываются люди, профессионально для этого не пригодные, не умеющие завоевать авторитет подчиненных, не способные строить конструктивные отношения с сослуживцами и руководить ими. Вот с какими характеристиками иной раз оказываются молодые люди в учебных частях, готовящих сержантов: «Имел приводы в милицию за хулиганство, образование — 4 класса, замечен в гомосексуальных наклонностях, психически нестабилен»[85]. А ведь сержант, имеющий формальный статус командира, но реально им не обладающий, вынужден самоустраняться от формирования в подразделении системы взаимоотношений, а в ряде случаев сам становится объектом преступных посягательств.

2. Прошедший обучение в учебной части молодой сержант по своему возрасту зачастую оказывается моложе своих подчиненных более раннего срока призыва, что, с учетом психологических особенностей военнослужащих по призыву, отрицательно влияет на его личный статус в коллективе. Такой командир не всегда способен управлять своими сослуживцами, эффективно использовать властные полномочия. К тому же, с «бытовой» точки зрения подчиненных, такой сержант имеет крайне мало оснований командовать ими, так как он не обладает ни жизненным опытом, ни личными заслугами. Более того, в соответствии с неформальной структурой воинских отношений молодой сержант (прослуживший полгода) по своему неформальному статусу значительно ниже военнослужащих, прослуживших год и более, и «должен» им подчиняться. Такой сержант порой не только не способен навести твердый порядок среди подчиненных, пресечь правонарушения, но и сам нередко оказывается потерпевшим по уголовным делам, связанным с нарушением уставных правил взаимоотношений военнослужащих.

3. Пытаясь преодолеть указанные выше последствия неправильной системы комплектования подразделений младшими командирами, некоторые офицеры назначают на сержантские должности неформальных лидеров, пользующихся в подразделении авторитетом. Однако, преследуя цель повышения «управляемости» подразделения и установления высокого уровня воинской дисциплины, эти командиры либо не учитывают то, что неформальный авторитет таких «лидеров», как правило, ос-

[84] См.: *Уколов А.Т.* Приговор «дедовщине» // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 18. С. 66.

[85] См.: *Резник Б.* Умер солдат голодной смертью // Известия. 1996. 9 апреля.

нован на неформальной же системе воинских отношений (нередко имеющей насильственную основу), либо просто закрывают на это глаза. Подобная практика приводит к тому, что за внешним фасадом «высокой» воинской дисциплины и боевой выучки подразделения скрываются наиболее опасные проявления неуставных отношений, носящие систематический характер и нередко влекущие тяжкие последствия.

4. Правовой статус современных сержантов как совокупность их прав, обязанностей и ответственности в силу низкой эффективности норм воинских уставов, его закрепляющих, не позволяет в должной мере осуществлять предусмотренные теми же уставами командные функции. Приходится констатировать, что слабость института младших командиров обусловлена не только причинами неправильного комплектования командных должностей или негативными социально-психологическими характеристиками самих сержантов, но и в немалой степени отсутствием у сержантов необходимых полномочий и эффективного механизма их ответственности. Реально присутствуют лишь обязанности, которые в своем большинстве выполняются сержантами, проходящими службу по призыву, крайне посредственно.

К *процессуальной группе* организационно-управленческих причин неуставных отношений в воинском подразделении относятся недостатки служебной деятельности офицеров и сержантов (командиров и начальников), связанные с организацией и осуществлением контроля за подчиненным личным составом, материально-бытовым обеспечением подчиненных, их обучением воинскому делу и поддержанием в воинском коллективе здоровой морально-психологической атмосферы.

Роль бесконтрольности личного состава со стороны офицеров в генезисе рассматриваемых правонарушений весьма значима и давно установлена. Особенно велико криминогенное значение отсутствия офицерского контроля в вечернее и ночное время. Согласно статистическим данным, за период с 1994 по 2000 гг. в вечернее (с 18.00 до 22.00) и ночное (с 22.00 до 6.00) время было совершено 7 230 преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР), а в утреннее (с 6.00 до 9.00) и дневное (с 9.00 до 18.00) время за тот же период было зарегистрировано 4 492 рассматриваемого преступления, что ниже более чем в полтора раза.

Безусловно, некорректно упрекать офицеров в том, что они не контролируют своих подчиненных в ночное время, так как существует регламент служебного времени, согласно которому офицер не всегда обязан присутствовать ночью в казарменном помещении. Тем не менее следует учитывать, что, во-первых, подавляющее большинство неуставных проявлений совершается в ночное время в период 00.00 — 1.00, что явно не требует присутствия офицера в казарме в течение всей ночи, во-вторых, ночные правонарушения обычно совершаются при бездействии и попустительстве внутреннего наряда, который подбирается и инструктируется офицером, и, в-третьих, условия для ночных правонарушений создаются днем, при попустительстве опять же офицера[86].

[86] Здесь имеется в виду: «обособления» некоторых военнослужащих в «каптерках» или «бытовках», где довольно часто происходят избиения молодых воинов, применяются иные формы неуставных отношений; наличие в подразделении неформальной структуры воинских отношений, о которой офицер не может не знать, так как она достаточно легко диагностируется по внешним признакам (форме одежды, манере поведения военнослужащих); возникновение конфликтных ситуаций между военнослужащими.

Кроме того, некоторые офицеры, прикрываясь необходимостью передачи воинского опыта молодым воинам, «разгружают» себя, делегируя часть своих полномочий (обычно — контрольно-надзорные функции) некоторым «старослужащим» (так называемое шефство опытных военнослужащих над молодыми и неопытными). В результате у последних в ряде случаев создается искаженное представление о своей роли в воинском коллективе, напрямую ведущее к установлению в подразделении неуставных отношений.

Немалую роль в генезисе рассматриваемых преступлений играет личный пример офицеров, степень соответствия их поведения требованиям воинских уставов. В подразделении, где офицер демонстрирует некорректность во взаимоотношениях с подчиненными, допускает со своей стороны унизительное обращение с ними, а в ряде случаев и насилие как способ управления, ждать нормального уровня межличностных отношений военнослужащих по призыву не приходится. Согласно данным опросов офицеров, около 45 % командиров используют насилие как метод управления подчиненными (применяют рукоприкладство). Этот показатель косвенно подтверждается данными уголовной статистики — военной прокуратурой в среднем ежегодно регистрируется более 2 000 преступлений, квалифицированных по ст. 286 УК РФ (на бытовом уровне — рукоприкладство начальников в отношении подчиненных), значительная часть которых приходится на «долю» офицеров.

Специфические организационно-управленческие причины неуставных отношений связаны с рядом особенностей прохождения военной службы (закрытость для гражданского общества некоторой информации о жизни воинского подразделения), спецификой воинского коллектива (замкнутая группа молодых мужчин с особой групповой психологией), корпоративностью и нежеланием «выносить сор из избы», порочной практикой оценки деятельности командира по количеству совершенных в его подразделении нарушений воинской дисциплины и другими специфическими обстоятельствами. Среди этих обстоятельств наиболее криминогенно значимым, по нашему мнению, является «круговая порука». Данное явление, свойственное не только армейскому, но и большинству иных замкнутых мужских коллективов, способно свести на нет практически любые усилия военного командования или органов военной юстиции по установлению правонарушителей. Природа «круговой поруки» на сегодняшний день до конца не изучена ввиду многоаспектности ее проявления и широкого диапазона детерминирующих ее факторов. Однако представляется очевидным, что корни этого явления лежат в системе общественного воспитания, когда с ранних лет ребенку внушается, что ябедничать нехорошо. Впоследствии выработанные психологические стереотипы находят очень питательную почву в замкнутой среде армейского коллектива. Возникающее противоречие между одним из основных принципов построения воинского коллектива — его сплоченностью и требованием воинских уставов докладывать командиру обо всех происшествиях (включая неуставные отношения) военнослужащие, в силу недостаточного жизненного опыта, ложного понимания войскового товарищества и специфики воинских взаимоотношений, своеобразно решают в пользу «сплоченности коллектива». Складывается парадоксальная ситуация: в разоблачении преступника не заинтересован никто: ни сам преступник (что вполне естественно), ни потерпевший (так как опасается бойкота со стороны сослуживцев), ни

офицер (так как может понести дисциплинарное наказание), ни воинский коллектив (так как может приобрести статус «отстающего» подразделения).

Не менее специфичным условием «живучести» рассматриваемых правонарушений является существование во многих воинских подразделениях неформальной системы воинских взаимоотношений, в основе которой лежат абсолютно естественные для любого общества доминантные отношения.

Свойство любой социальной структуры создавать определенную иерархию своих единиц, выделяя в своей массе многочленную систему «лидер — масса — парии», изучалось криминологией, социальной психологией и социальной антропологией. Так, П.А. Сорокин установил, что в любой социальной макросистеме (страна, регион) и микросистеме (отдельные группы граждан) всегда образуется иерархия. Она может основываться как на позитивных характеристиках людей (заслуги, способности, качества), так и на негативных (коварство, угодничество, агрессивность, жестокость)[87]. В свою очередь, В. Шаламов в книге «Очерки преступного мира» приводит такое наблюдение: когда в целях пресечения издевательств всех унижаемых заключенных изолировали, в их среде установились порядки, практически полностью повторившие среду, от которой их изолировали (выделились свои «паханы» и «опущенные»). Эта особенность замкнутой социальной системы подтверждается Л.С. Клейном, наблюдавшим, как однородная масса заключенных, изолированных в целях пресечения доминантных отношений, воспроизводит трехчленную конфигурацию «парии — масса — элита»[88]. Примерно на те же особенности замкнутой социальной системы указывает К.Л. Банников[89].

Естественные доминантные отношения «старший — младший» в определенных условиях переходят в неестественные. Основные условия такого «перехода» — отсутствие у личности возможности выбирать среду своего обитания и необходимость строить межличностные отношения при невозможности от них уклониться. Достаточно мощным ограничителем неестественных доминантных отношений является четкий правовой механизм регулирования человеческих взаимоотношений, устанавливающий статусы индивидов, соответствующие объективно-субъективным потребностям коллектива и эффективно регламентирующий совокупность прав и обязанностей его членов. Однако основные правовые акты, регулирующие жизнедеятельность военнослужащих — воинские уставы, далеки от совершенства, морально устарели и не учитывают произошедших в нашем обществе существенных изменений. Причем основными причинами неэффективного регулирования воинскими уставами взаимоотношений военнослужащих, по нашему мнению, являются отсутствие реальных стимулов для добросовестной службы (отвечающих современной иерархии потребностей наших граждан), отсутствие эффективных механизмов принуждения, а также отсутствие механизма управляемого изменения социального статуса или социальной роли военнослужащего в процессе его службы.

---

[87] См.: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация, Общество. М., 1992.

[88] См.: *Клейн Л.С.* (Лев Самойлов). Этнография лагеря // Этнографическое обозрение. 1990. № 1.

[89] *Банников К.Л.* Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002. С. 31.

Существующая в воинском подразделении неформальная система взаимоотношений, являясь прямой причиной рассматриваемых преступлений, порождает и ряд их косвенных детерминант. Дело в том, что если бы система неуставных отношений являлась бы только системой издевательства и унижения «старослужащими» молодых солдат (насилие ради насилия), то это явление носило бы эпизодический, случайный характер и достаточно легко поддавалось бы искоренению. Поэтому было бы логичным сделать вывод, что существующая в Вооруженных Силах Российской Федерации система неформальных взаимоотношений отвечает потребностям не только «старослужащих», но и некоторой части командного состава. Это подтверждается тем, что в самой воинской среде, среди лиц, уволенных в запас, а также в средствах массовой информации иногда встречаются утверждения о полезности «дедовщины»[90].

Данное мнение отражает еще одну грань общественной опасности воинских неуставных взаимоотношений, проявляющуюся в их использовании некоторыми офицерами для увеличения результативности и скорости исполнения отдаваемых приказаний. Схема этого процесса достаточно проста. Офицер дает своим подчиненным задание, например, убрать территорию. Молодые солдаты делают это неохотно, с низким качеством, так как стимулов для добросовестной работы у них нет. Поэтому офицеру придется все время «стоять над солдатами», контролируя их работу. Если же офицер, опираясь на неформальную систему воинских отношений, дает то же самое задание «старослужащему», оно обязательно будет выполнено, причем быстро и качественно. Объясняется этот «феномен» тем, что в случае невыполнения «поручения» офицера «старослужащий» не пойдет в увольнение или лишится еще каких-нибудь скудных армейских благ. Поэтому он заставляет молодого солдата трудиться вместо себя под угрозой насилия. В результате — задание выполнено с должным прилежанием.

Таким образом, неформальная система воинских отношений выгодна не только солдатам, так как позволяет им вторую половину армейской службы работать значительно меньше, но, что более существенно, она выгодна некоторым офицерам, так как обеспечивает эффективное выполнение поставленной задачи и возможность спросить за его невыполнение со «старослужащего», используя значимые для него стимулы. Именно поэтому некоторыми офицерами и поддерживается данная система, что подтверждается рядом исследований в этой области. Так, в результате проведенного в феврале 1998 г. опроса были получены следующие данные: 41 % опрошенных офицеров считали, что неуставные отношения играют положительную роль; 35 % опрошенных полагали, что неуставные отношения являются гораздо меньшим злом, чем их представляют; 36 % утверждали, что бороться с неуставными отношениями бесполезно; 44 % офицеров были уверены, что уровень боеспособности и боевой готовности подразделения не зависит от неуставных отношений[91].

Приведенным выше данным соответствуют результаты проведенного нами опроса 200 офицеров взводного и ротного звена. Так, 32 % опро-

---

[90] См., например: *Радов М.* Полезная дедовщина // Слово. 1999. 26 ноября.

[91] См.: *Быковский В.И.* Воспитательная работа как основа деятельности по формированию уставных правил взаимоотношений между военнослужащими внутренних войск МВД России // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 14.

шенных полагали, что неуставные отношения полезны для армии; 44 % посчитали неуставные отношения вынужденным злом, необходимым для управления воинским коллективом в условиях несовершенства уставов; 52 % не видели возможности устранения неуставных отношений из воинского коллектива без ущерба для управляемости подразделения; 24 % офицеров посчитали борьбу с неуставными отношениями бесполезным и неблагодарным занятием. Примечательно, что с изменением должностного статуса отношение офицеров к рассматриваемым вопросам радикально меняется. Так, из опрошенных нами 50 офицеров батальонного и полкового звена заявили о пользе неуставных отношений всего 3 % опрошенных; о том, что неуставные отношения являются вынужденным злом — 8 %; о невозможности устранения неуставных отношений без ущерба для управляемости подразделения — 6 %, а о бесполезности борьбы с неуставными отношениями — 2 % опрошенных. По-видимому, нахождение на должностях, не связанных с непосредственным руководством личным составом, существенно влияет на оценку положения дел в сфере воинских взаимоотношений.

Таким образом, следует признать, что существование в воинском подразделении неформальной системы взаимоотношений военнослужащих, являющейся порождением организационно-управленческих недостатков, а также использование этой системы некоторыми офицерами для повышения эффективности исполнения поставленных задач являются едва ли не основными причинами нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и детерминируют их тем сильнее, чем глубже и устойчивей эта система и чем больше терпимости проявляет к ней офицерский корпус.

Причинный комплекс нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности включает в себя не только факторы, вытекающие из объективных условий окружающей действительности, но и причины, имеющие в своей основе специфические характеристики личности военнослужащих и некоторые особенности прохождения военной службы. К этому комплексу следует отнести *причины социально-демографичвского и социально-психологического характера*.

В военной криминологии традиционно выделяются следующие криминогенные социально-демографические качества военнослужащих: абсолютно доминирующий в армейской среде мужской пол; молодежный возраст военнослужащих по призыву; относительно низкий уровень их образования; отсутствие собственной семьи у абсолютного большинства военнослужащих по призыву; их социальная мобильность. Не в меньшей степени на насильственное поведение военнослужащих, по нашему мнению, влияют такие специфические особенности социально-демографического характера, как замкнутость воинского коллектива, его однополость, деиндивидуализация и деперсонализация личности в процессе превращения ее в боевую единицу, «самообеспечение» воинского подразделения, нередко ведущее к иррациональному труду военнослужащих, а также особая (казарменная) эстетика воинского быта.

Гомогенность однополой социальной группы нередко выступает катализатором агрессивного поведения. Постоянное вынужденное общение с одними и теми же людьми, с которыми индивид работает, отдыхает и спит, является одним из факторов актуализации естественной агрессивности человека до криминального уровня. Как справедливо отмечает

И.В. Крупнов: «В условиях воинского коллектива длительное совместное проживание в замкнутом пространстве (что само по себе является фрустрирующим фактором) большого количества молодых людей, имеющих в силу возрастных психофизиологических особенностей повышенный уровень тестерона в крови, повышенную возбудимость с преобладанием последней над стадией торможения нервного процесса человеческой деятельности, проявления агрессивности носят высокий вероятностный характер»[92].

Вполне очевидно, что людям с повышенным уровнем агрессивности, постоянно имеющим дело с ее культивированием (в силу предназначения Вооруженных Сил Российской Федерации), но не имеющим объективной возможности дать ей легитимный выход (отсутствие реальной боевой обстановки), значительно проще, чем другим, направить ее в деструктивное (криминальное) русло. По данным исследований, проведенных Лабораторией исследований социально-психологических проблем внутренних войск МВД России, 86 % опрошенных военнослужащих, допустивших нарушение уставных правил взаимоотношений, назвали основной причиной своего противоправного поступка состояние внутренней агрессии, желание выплеснуть накопившееся внутреннее напряжение[93].

Объективная необходимость в кратчайшие сроки превратить вчерашнего подростка в эффективную часть боевого организма диктует особые условия этого процесса. Ряд из них связан с деиндивидуализацией и деперсонализацией личности в условиях воинских службы и быта. Это проявляется в утрате личностью прежней идентификации (переодевание в военную форму, обязательная стрижка, замена привычной обстановки на новую, обезличенную, полное единообразие в поведении и внешности) и в сведении к минимуму личных прав (жесткое подчинение распорядку дня, минимум личных вещей). Этот процесс вполне оправдан для достижения указанной выше цели, однако он напрямую ведет к десоциализации индивидуума, что, в свою очередь, является основой формирования неестественных доминантных отношений в замкнутом коллективе и ведет к возникновению особой культуры межличностных отношений, нередко имеющей признаки криминальной субкультуры.

Негативное влияние процесса деперсонализации военнослужащих по призыву на их морально-психологическое состояние усугубляется наличием в военной среде особой «казарменной» эстетики воинского быта. До недавнего времени этот специфический фактор почти не рассматривался криминологической наукой как возможный детерминант преступности. Однако с появлением видеоэкологии — науки о взаимодействии человека с окружающей внешней средой в криминологии получила развитие теория физиологического обоснования агрессивности[94]. Опираясь на данную теорию, следует признать, что видеополя искусственного происхождения или видеополя, на которых равномерно рассредоточено множество одинаковых элементов, воздействуют на психику «зрителя» отрицательно. Такие поля формируют у человека агрессивные синдромы и возбуждают только низшие инстинкты. Примечательно, что почти

[92] *Крупнов И.В.* Социально-психологические аспекты криминальной агрессии в воинском коллективе: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 34.

[93] См.: *Быковский В.И.* Указ. соч. С. 12.

[94] См. об этом: *Чечилова С.* О пользе архитектурных излишеств // Первое сентября. 1999. 29 февраля; *Зайвый С.* Лепота в черте города // Здоровая газета. 2001. № 16; *Куликова М.* Филин это видит // Огонек. 2002. 2 сентября.

21 % опрошенных военнослужащих, прослуживших более одного года, назвали в качестве фактора, чаще всего вызывающего агрессивность, интерьер казармы и служебных помещений[95].

Нет необходимости описывать признаки «казарменной» эстетики, они общеизвестны и отражают элементы военного строя: их расположенность параллельно-перпендикулярно друг другу, нет ничего лишнего, не относящегося к непосредственному предназначению воинской системы. Не менее стилизован и процесс поддержания такой эстетики. Например, процесс заправки кроватей практически превращен в ритуал и включает в себя обязательное выравнивание «по нитке» одеял, полосок на них, подушек и самих кроватей. Однако, несмотря на то, что подобная эстетика с точки зрения психологии отрицательно сказывается на психике индивидуума, такой «воинский порядок» вполне оправдан спецификой предназначения Вооруженных Сил Российской Федерации и решаемыми ими задачами.

Вместе с тем «казарменная эстетика» и «уставной порядок» как универсальный критерий оценки внутреннего порядка и чистоты нередко порождают абсолютно не связанные с предназначением армии уродливые формы «казарменной красоты» (расчесывание ворса на одеялах в одном направлении, «набивание кантов» на матрацах и одеялах с помощью табуретки и тапочка и т. п.). Более того, процесс наведения «уставного порядка» в некоторых случаях используется как репрессивная форма «воспитания» военнослужащих, что опять же ведет к деперсонализации и угнетению личности, так как подобный труд объективно не может формировать положительной мотивации, а преследует цели наказания и превенции нежелательного для воинской неформальной системы поведения конкретного военнослужащего.

В условиях неформальной системы воинских отношений казарменная эстетика и труд военнослужащих превращаются в средство управления, используемое этой системой в отношении своих членов. Как справедливо отмечает А. Левинсон: «Принуждение к (казарменной) чистоте и (казарменной) красоте побоями и оскорблениями помещает переживание красоты симметрии ровных поверхностей и т. п. в репрессивный контекст. На первом году это репрессии, направленные против тебя (тебя угнетают этой красотой). А на втором году принципы прекрасного, воплощенные в идеальной чистоте и идеальном порядке, есть уже твои инструменты репрессии и властвования, средства абсолютного владения людьми... Можно говорить о том, что перед нами "неклассический", но мощный, развернутый по фазам механизм формирования особого варианта авторитарной личности, имеющей опыт рабства и порабощения, испытавшей пытки и умеющей пытать»[96].

Таким образом, процесс наведения порядка и проведения различных хозяйственных работ в армейских условиях нередко противоречит конструктивной логике и элементарной необходимости, превращаясь в абсурд, или, как его называют в фольклоре, «армейский маразм», являющийся инструментом конструирования неформальной системы воинских отношений. Поэтому с учетом того обстоятельства, что «организация жизни по конструктивной логике здравого смысла многократно снижает потребность в самоутверждении деструктивным путем»[97], сле-

---

[95] См.: *Крупнов И.В.* Указ. соч. С. 38.

[96] *Левинсон А.* Об эстетике насилия. Армия и общество в СССР // Неприкосновенный запас. 1999. № 2 (4).

дует признать, что там, где боевая задача превращается в бытовую рутину или становится фикцией, военная служба превращается в фон и катализатор неуставных отношений и перекладывается на молодых военнослужащих, которые «несут службу» и за себя, и за «старослужащих».

Актуализации вышеуказанных специфических причин нарушения уставных правил взаимоотношений в воинском коллективе в немалой степени способствует *отсутствие в Вооруженных Силах Российской Федерации целостной системы виктимологической профилактики неуставных взаимоотношений*. Данный фактор приводит к тому, что представители прибывающего молодого пополнения не знают необходимых правил поведения в воинской среде (от способов избежания конфликтов до уяснения положений «необходимой обороны») и не умеют обращаться за помощью (от обращения в медицинские учреждения до обращения к командованию). В результате молодые воины, столкнувшиеся с неуставными отношениями, в абсолютном большинстве оказываются не готовыми к противодействию им и единственно возможными выходами из сложившейся ситуации видят либо терпеливое подчинение, либо обращение за помощью к родственникам, либо самовольный уход из части, либо суицид. Криминологическими исследованиями установлено, что при условии принятия мер по снижению виктимности среди военнослужащих по призыву 31 % потерпевших могли не стать жертвой преступления вообще, а в 17 % случаев последствия преступлений могли бы быть менее тяжкими[98].

Отсутствие в войсках виктимологической профилактики связано и с тем обстоятельством, что нередко сами командиры не обладают познаниями в этой области. На вопросы о том, кто из его подчиненных может быть потенциальным потерпевшим, почему именно этого человека подвергают притеснениям сослуживцы, какие из воинских должностей, в каких местах и в какое время потенциально виктимны, что может сделать военное командование для их девиктимизации, командир, как правило, не имеет ответа. В лучшем случае он вынужден принимать решения, руководствуясь личным опытом либо опытом своих бывших командиров, также не имеющих достаточных познаний в этой области. В худшем — командир предпочитает не замечать данную проблему.

Наряду с указанными объективными обстоятельствами виктимологические проблемы предупреждения неуставных отношений связаны с рядом субъективных факторов. Лишь для 18 % военнослужащих, совершивших преступления на почве неуставных отношений, не имело значения, к какой именно категории молодых воинов применять насилие. В большинстве же случаев противоправные действия совершались в отношении хитрых и нечестных военнослужащих (35 %), слабых и ленивых (26 %), робких и застенчивых (21 %)[99].

Основными *чертами личности военнослужащего, в наибольшей степени являющимися факторами виктимизации*, обычно выступают следующие: 1) неуравновешенность психики; 2) недостаточность физического и интеллектуального развития; 3) неряшливость и нечистоплот-

[97] *Банников К.Л.* Указ. соч. С. 73.

[98] См.: *Черных Н.С.* Виктимологическая профилактика нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

[99] См.: *Быковский В.И.* Указ. соч. С. 14.

ность; 4) замкнутость; 5) наличие физических недостатков; 6) малодушие, трусость и безволие; 7) лживость и хитрость; 8) эгоизм и жадность; 9) негативное отношение к военной службе; 10) неспособность в силу недостатков интеллектуального развития усвоить элементарные вещи по получаемой воинской специальности; 11) лень и стремление уклониться от обязанностей за счет товарищей; 12) более молодой, по сравнению со «старослужащими», возраст (разница в 1 год и больше весьма существенна для психологической дифференциации военнослужащих по призыву); 13) внешние особенности поведения, воспринимаемые окружающими как отклонение от нормы; 14) отсутствие элементарных навыков самообслуживания (неумение пришить пуговицу, постирать носки); 15) несобранность и забывчивость; 16) обостренное самолюбие и завышенная самооценка, заносчивость и грубость, проявляющиеся в межличностном общении.

Наряду с указанными социально-психологическими и психофизиологическими качествами военнослужащих процессу их виктимизации существенно способствуют объективные факторы следующего содержания: 1) разобщенность рядов потерпевших (большинство молодых солдат стремится приспособиться к «"дедовским" традициям»); 2) пассивное отношение значительной части офицеров и сержантов к случаям правонарушений в сфере межличностных отношений (это выражается, например, в проявлении 20 % офицеров и 15 % сержантов пренебрежительного отношения к молодым солдатам)[100]; 3) нежелание командования предавать гласности факты правонарушений; 4) низкая правовая культура новобранцев; 5) вольное толкование подзаконных нормативных актов офицерами и сержантами, негативно отражающееся на правах молодых солдат[101]; 6) «круговая порука» и наличие в воинском подразделении неформальной системы взаимоотношений; 7) отсутствие у потенциальных жертв уверенности в получении помощи от офицеров в случае обращения к ним (всего около 0,6 % опрошенных, пострадавших от насильственных преступлений, обращались за помощью к офицерам[102]); 8) отсутствие у военнослужащих информации о том, куда и к кому следует обращаться за помощью.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в причинном комплексе нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности особое место занимают специфические детерминанты, вытекающие из особенностей организации, обеспечения и прохождения военной службы. Отсутствие учета этих специфических факторов при организации и осуществлении борьбы с исследуемыми преступлениями приводит к бессистемности и как следствие бесполезности такой антикриминальной деятельности.

---

[100] См.: *Нечевин К.Д.* Указ. соч. С. 110.

[101] См.: *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Указ. соч. С. 186.

[102] *Клепиков Д.* Социальный контроль в армии // Социальный контроль над девиантностью в современной России / Под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 1998. С. 173.

§ 4. Личность военнослужащего, посягающего на уставные правила воинских взаимоотношений, и мотивация его преступного поведения

Причинный комплекс общесоциальных и специфических факторов, порождающий нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности, безусловно, является главной детерминирующей силой совершения рассматриваемых преступлений. Однако не все военнослужащие, которые так или иначе оказались в поле негативного воздействия этих факторов, совершают противоправные деяния, что свидетельствует о наличии в генезисе рассматриваемых преступлений группы качественно иных детерминант. С учетом того обстоятельства, что, как правило, преступное поведение не возникает неожиданно, а формируется в результате негативного воздействия объективных факторов посредством их отражения сознанием и подсознанием личности, следует признать, что для более полной характеристики причин и условий рассматриваемых преступлений необходимо наряду с объективными факторами рассмотреть их субъективные детерминанты, аккумулированные в личности военнослужащего, совершающего рассматриваемые преступления, т. е. в личности преступника.

Изучение личности преступника обычно проводится на основе анализа элементов ее структуры. В военной криминологии структура личности преступника традиционно рассматривается в виде трех интегрированных групп, объединяющих криминологически значимые характеристики личности: социально-демографические качества, психофизиологические качества и социально-психологические качества личности[103].

Группа социально-демографических характеристик военнослужащего, нарушающего уставные правила взаимоотношений, на первый взгляд имеет небольшое значение для детерминации рассматриваемых преступлений в силу отсутствия очевидной взаимосвязи с результатом преступления и относительной неизменяемости этих характеристик. Однако утверждать подобное было бы неправильно, так как именно эти характеристики указывают на незавершенную социализацию и как следствие отсутствие необходимого жизненного опыта, позволяют диагностировать неустойчивость психики личности (в силу возрастных особенностей или условий воспитания), наличие антисоциального (отрицательные характеристики с места учебы или работы, наличие приводов в милицию), а иногда и криминогенного опыта (наличие фактов привлечения к уголовной ответственности или даже судимости).

Основная особенность такой социально-демографической характеристики рассматриваемой личности, как пол заключается в том, что она влияет на совершение преступления не сама по себе, а в комплексе с другими факторами. Криминогенная значимость пола преступника определяется взаимодействием с его личностными характеристиками психофизиологического характера и специфическими условиями прохождения военной службы. В целом же, по нашему мнению, мужской пол военнослужащих играет наибольшую криминогенную роль в генезисе рассматриваемых преступлений лишь в сочетании с другой их со-

---

[103] См.: *Лунеев В.В.* Криминология (Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР): Учебник / Под ред. А.Г. Горного. М., 1986. С. 87; *Иншаков С.М.* Военная криминология. Ч. 1. С. 71.

циально-демографической характеристикой — возрастом. С учетом того обстоятельства, что основную массу рассматриваемых преступлений совершают военнослужащие по призыву (мужчины в возрасте от 18 до 27 лет), взаимосвязь возраста и пола представляется вполне очевидной.

Лица рассматриваемой категории, не имеющие в силу молодежного возраста необходимого жизненного опыта и устойчивых социальных ориентаций, попадая в сложные конфликтные ситуации, в большей степени, чем представители старших возрастных групп, способны на противоправные поступки. Причем, чем сложнее ситуация, чем выше степень ее конфликтности, тем больше вероятность у молодого человека разрешить ее противоправным способом. По тем же причинам данной категории лиц свойственна высокая подверженность влиянию (в том числе и криминогенному) различных микрогрупп и воинского коллектива в целом. К другим социально-психологическим и психофизиологическим порождениям возрастных особенностей военнослужащих рассматриваемой группы следует отнести: юношеский максимализм, несформированную, а потому неустойчивую психику, конформизм по отношению к неформальным лидерам воинского коллектива, неустойчивую иерархию социальных ценностей, отсутствие опыта общения в замкнутой однополой группе, отсутствие привычки прогнозировать последствия своего поведения.

Не меньшее значение в группе социально-демографических характеристик военнослужащих, посягающих на уставной порядок воинских взаимоотношений, имеет уровень полученного до призыва на военную службу образования. Следует отметить, что в военной криминологии традиционно отмечается достаточно устойчивая зависимость преступлений, характеризующихся элементами грубой силы, жестокости и примитивности, от низкого уровня образования преступников, их совершающих[104]. Однако вряд ли было бы справедливо устанавливать прямую зависимость между количеством оконченных военнослужащим классов и его противоправным поведением. Направленность поведения личности определяет не образование само по себе, а уровень ее культуры, глубина знаний об окружающем мире и взаимоотношениях людей в нем, которые получает индивидуум в процессе своего образования.

Таким образом, не вызывает удивления то, что статистические показатели фиксируют невысокий уровень образования у военнослужащих рассматриваемой категории. За период с 1994 по 2002 гг. преступления, предусмотренные ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР), совершили: 246 (1,3 %) военнослужащих, имевших высшее образование, 6 811 (37,6 %) — среднее полное (11 классов), 10 540 (58,2 %) — среднее основное или среднетехническое образование, 487 (2,6 %) — начальное образование.

Еще одной значимой социально-демографической характеристикой является социальное положение (происхождение) военнослужащих рассматриваемой группы. Основную массу правонарушителей в сфере воинских взаимоотношений составляют представители наименее социально защищенных слоев населения, что неудивительно с учетом того, что именно данный слой нашего общества является основным «поставщиком» призывного контингента современной армии. Более подробный анализ данного факта был нами проведен при рассмотрении общесоциальных причин анализируемых преступлений (см. § 1 гл. 2 разд. I). Безусловно, привычная с детства материальная нужда, отсутствие возможности удовлетворения элементарных «детских» потребностей на общем

[104] *Лунеев В.В.* Криминология. С. 90.

фоне культивируемых в обществе богатства и социального успеха отдельных его представителей оказывают крайне неблагоприятное влияние на формирование личности подростка, нередко порождая у него ожесточенность и агрессивность.

Наряду с социальным происхождением военнослужащих, посягающих на уставной порядок взаимоотношений, не менее значимой представляется характеристика их семейного положения. Практически все рассматриваемые правонарушители являются холостыми, что уже само по себе имеет некоторую криминогенность из-за отсутствия социальных привязанностей и опыта выполнения социальных обязанностей. Однако, по нашему мнению, большее значение имеет состав семьи, где они воспитывались до призыва на военную службу. Среди военнослужащих, совершивших преступления, подпадающие под признаки ст. 335 УК РФ (ст. 244 УК РСФСР), с 1994 по 2002 гг., 72 % воспитывались в семьях с двумя родителями. Соответственно на долю военнослужащих-правонарушителей из числа неполных семей или вообще не имеющих родителей приходится 28 %. С учетом того обстоятельства, что процент всех военнослужащих по призыву из числа неполных семей ненамного выше, следует признать наличие такой социально-демографической характеристики, как неполная семья крайне криминогенной составляющей личности, посягающей на уставной порядок взаимоотношений между военнослужащими.

Установление роли и значения социально-демографических характеристик личности правонарушителя в генезисе нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих невозможно без анализа физиологических (соматических, травматических, инфекционных) и психологических (темперамента, нервно-психической устойчивости, психологической способности к социальной адаптации) качеств субъекта, составляющих группу *психофизиологических характеристик* рассматриваемой личности.

Физиологические особенности правонарушителей в сфере межличностных отношений военнослужащих практически не отличаются от физиологических особенностей общей массы военнослужащих по призыву. Криминологическими исследованиями не установлено какого-либо устойчивого отклонения данной группы по рассматриваемым признакам. В свою очередь, показатели, характеризующие качество современного призывного контингента, неутешительны. Так, по данным Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации Российской Федерации, у призывников 1998 г. фиксировалось: устойчивая склонность к употреблению спиртных напитков (14 %), опыт потребления наркотиков (9 %), отсутствие работы (37 %), воспитание в неполных семьях (22 %), наличие приводов в милицию (8 %), дефицит массы тела (8 %), низкий уровень нервно-психической устойчивости (13 %), наличие психических расстройств (4 %), наличие черепно-мозговых травм (5 %). До 70 % прибывших в войска воинов этого призыва не справлялись с решением простейших математических задач[105]. При

[105] См.: *Кулаков В.Ф.* Меры профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. С. 4.

этом следует учитывать, что приведенные сведения являются данными одного из самых консервативных и корпоративных управлений Министерства обороны Российской Федерации, и некоторые из них, по нашему мнению, вполне могут быть заниженными.

Особое значение в группе физиологических характеристик рассматриваемой группы правонарушителей имеет их достаточно высоко развитая тяга к спиртному и наркотическим средствам. По данным, характеризующим призывной контингент 1999—2002 гг., из каждой 1 000 освидетельствованных освобождались от призыва в связи с заболеванием алкоголизмом или наркоманией 9 призывников (для сравнения — в 1998 г. таких выявлялось только 6 на 1 000). Среди призванных на военную службу в 1999—2002 гг. граждан злоупотреблявшие спиртными напитками составили 15 %, наркоманы и токсикоманы — 9 %. Эти данные подтверждаются статистическими сведениями правоохранительных органов, в соответствии с которыми преступления, предусмотренные ст. 335 УК РФ, совершались в состоянии алкогольного или наркотического опьянения: в 1999 г. в 15 % случаев от общей массы этих преступлений; в 2000 г. — в 12 %; в 2001 г. — в 12 %; в 2002 г. — в 14 % случаев от всех зарегистрированных преступлений анализируемой категории. Если же рассматривать проблему взаимосвязи употребления военнослужащими одурманивающих средств и противоправных посягательств на уставные правила взаимоотношений между ними с учетом латентности этих правонарушений, картина окажется еще непригляднее. Так, по данным некоторых опросов, каждый третий анкетируемый офицер сообщил об известных ему фактах неуставных взаимоотношений, выходящих за рамки дисциплинарных проступков, т. е. преступлений, предусмотренных ст. 335 УК РФ, между военнослужащими, проходящими службу по призыву и потребляющими наркотические и иные одурманивающие средства[106].

Психологические особенности правонарушителя-военнослужащего заключаются, прежде всего, в особенностях его темперамента, уровне нервно-психической устойчивости и способности к адаптации в новой социальной среде. Анализ особенностей темперамента данных лиц целесообразно, по нашему мнению, провести на основе классификации древнегреческого врача Гиппократа (IV—V вв. до н.э.) и древнеримского врача Галена (II в. н. э.)[107]. Применение данной классификации к рассматриваемой группе военнослужащих обусловлено ее простотой и достаточно высокой степенью адаптивности в специальной литературе к психологическим особенностям людей ратного труда. Так, по мнению В.В. Лунеева, около 50 % военнослужащих, совершающих преступления против порядка подчиненности и воинской чести, по своим психофизиологическим особенностям могут быть отнесены к лицам холерического темперамента, для которых свойственны: возбудимость, вспыльчивость, невыдержанность и агрессивность. В большинстве случаев эти психофизиологические особенности обусловлены неуравновешенным типом нервной системы, где процесс возбуждения доминирует над про-

---

[106] См.: *Харабет К.В.* Наркотизм как форма социальных отклонений военнослужащих // Военно-уголовное право. 2003. № 5—6. С. 15 (вкладка в журнал «Право в Вооруженных Силах» 2003 г. № 6).

[107] Имеются в виду сангвинический, флегматический, холерический и меланхолический типы темперамента.

цессом торможения[108]. Данное мнение подтверждается и более современными исследованиями[109].

С учетом того, что в основе противоправного поведения, посягающего на уставной порядок воинских межличностных отношений, лежат различные формы внутренней агрессии рассматриваемых субъектов, а сама агрессия нередко является следствием дисбаланса между процессами возбуждения и торможения нервной системы (что характерно именно для холериков), небезынтересными представляются данные, полученные сотрудниками Лаборатории исследования социально-психологических проблем внутренних войск МВД России. Так, при проведении психодиагностических формализованных интервью с военнослужащими, допустившими факты нарушений уставных правил взаимоотношений, 86 % из них основной причиной своего противоправного поступка назвали состояние внутренней агрессии, желание выплеснуть накопившееся внутреннее напряжение. Примерно у такого же количества (79,5 %) правонарушителей рассматриваемой группы диагностируются повышенная напряженность, тревожность, низкая эмоциональная устойчивость[110].

По нашему мнению, указанные выше особенности военнослужащих холерического темперамента позволяют отнести этих лиц к своеобразной «группе риска» не в силу прямой зависимости противоправного поведения от рассматриваемых психофизиологических особенностей, а в результате особой подверженности данной категории военнослужащих дестабилизирующему влиянию различных неблагоприятных факторов военной службы (замкнутость воинского коллектива, вынужденное общение с сослуживцами, иррациональный труд и др.). Эти факторы играют роль катализаторов внутренней агрессии у лиц, и без того обладающих неблагоприятной психофизиологической характеристикой. С сожалением приходится констатировать, что в последнее время таких лиц на военной службе по призыву оказывается все больше. Около 15 % призванных на военную службу молодых людей не способны по своим индивидуально-психологическим особенностям адаптироваться к условиям службы по призыву в силу своих крайне низких адаптационных способностей, более 10 % имеют низкий уровень нервно-психической устойчивости, около 20 % склонны к проявлению агрессии в неблагоприятных условиях[111].

Вместе с тем при анализе темперамента, его свойств, особенностей нервно-психической устойчивости и социальной адаптивности субъекта преступлений против уставного порядка воинских взаимоотношений следует исходить из того, что эти психофизиологические характеристики не подлежат ни социальной, ни правовой оценке, так как не могут определять социальную сущность человека. Как справедливо отмечается в научной литературе: «Никакой темперамент не служит препятствием для развития общественно ценных свойств личности, равно как и отрицательных ее свойств. Генетически детерминированные свойства темперамента — это лишь предпосылки воспитания, обучения, формирования характера, развития умственных и физических способностей»[112].

---

[108] См.: *Лунеев В.В.* Криминология. С. 183.

[109] См., например: *Крупнов И.В.* Указ. соч. С. 38.

[110] См.: *Быковский В.И.* Указ. соч. С. 13.

[111] См. там же.

[112] *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 21.

Социальную же сущность индивидуума и соответственно направленность его поступков определяют присущие ему мировоззрение, знания, убеждения, взгляды, установки, оценки, привычки, навыки и интересы, т. е. качества, относимые криминологией к группе *социально-психологических характеристик личности*.

Совокупность негативных социально-психологических характеристик (криминогенных качеств) личности военнослужащего, посягающего на уставной порядок воинских взаимоотношений, целесообразно разделить на две категории. Во-первых, это устойчивые качества, приобретенные военнослужащим до призыва на военную службу и находящие свое проявление в поведении субъекта при прохождении им службы. Во-вторых, это качества, приобретенные субъектом в процессе военной службы под влиянием ее специфики, а также качества, являющиеся следствием негативного воздействия на военнослужащего неформальной системы воинских отношений, в той или иной степени существующей практически во всех воинских коллективах.

Основой социально-психологической группы качеств личности являются ее *убеждения*. Недаром совокупность убеждений иногда называют направленностью личности. Ведь именно от того, в чем человек убежден, зависят направление его деятельности, круг его желаний и приемлемых способов их удовлетворения. К числу криминогенных убеждений военнослужащего-правонарушителя, приобретенных им *до призыва на военную службу*, можно отнести:

1. Убеждения в том, что в современном мире человек одинок и, преодолевая стоящие перед ним препятствия, должен рассчитывать только на себя. При этом субъекта не волнуют способы преодоления препятствий, главное — достичь поставленной цели («Если я не позабочусь о себе, не позаботится никто»; «Победителей не судят»; «Цель оправдывает средства»).

2. Убеждения, обусловливающие отсутствие совестливости («Я не хуже других»; «Мне можно то, чего нельзя другим»).

3. Правовой инфантилизм и правовая безграмотность, порождающие юридические ошибки субъекта в правовых последствиях его поступков (субъект может не считать свои деяния преступными).

4. Правовой и нравственный нигилизм, влекущий за собой отрицание ценности правомерного поведения, особенно в случаях преследования эгоистических устремлений личности («Законы существуют для того, чтобы их нарушать»; «Мораль существует только для дураков»).

5. Убеждения, нейтрализующие чувство страха перед уголовным наказанием («В колонии можно получить больше опыта, чем в армии»; «Пребывание в колонии полезнее, чем армейская служба»).

6. Безразличное отношение субъекта к социальной оценке своих поступков, вызванное его эгоистическими устремлениями.

К числу криминогенных убеждений военнослужащего-правонарушителя, приобретенных им *в процессе военной службы*, целесообразно отнести:

1. Конформистские убеждения, порожденные неформальной системой взаимоотношений военнослужащих и являющиеся основой механизма психологической защиты субъекта («Я — как все»; «Если я не буду участвовать в том, в чем участвуют все, меня самого будут бить»).

2. «Компенсаторные» убеждения, предоставляющие возможности для самооправдания («Нас били, и мы бьем»; «Нас гоняли сильнее, чем мы»).

3. Ложно истолкованные интересы воинского коллектива («Если "духов" не гонять, порядка в подразделении не будет»; «Армия держится на "дедовщине"»).

4. Убеждения в безнаказанности за проступки во время службы в армии, основанные на высоком уровне латентности воинских правонарушений и отсутствии у командира реальных рычагов дисциплинирующего воздействия на правонарушителя («Командиру невыгодно привлекать меня к уголовной ответственности», «В случае чего коллектив будет на моей стороне», «Другие совершали, и им за это ничего не было»).

5. Убеждения, основанные на внутренней природе неформальной системы воинских отношений и «круговой поруке» («"Дедовщина" — естественная и единственно возможная форма существования человека в армии»; «Кто идет против "дедовщины", тот идет против армейского коллектива»; «"Дедовщина" — способ выживания в армии, когда первый год ты служишь, а второй — готовишься к "дембелю" и отдыхаешь»).

Убеждения обычно формируют привычки, привычный образ жизни. Привычное поведение не напрасно называют «второй натурой», поскольку оно становится внутренней потребностью человека. По справедливому утверждению В.В. Лунеева, привычка, выступающая в роли мотива воинского преступления, всегда осознанна, но ей присуща известная доля автоматизма. Мотивированное привычкой конкретное поведение в той или иной ситуации становится почти закономерным. Привычное поведение «освобождает» человека от глубоких размышлений. Дурные привычки особенно вредны тем, что человек без «лишних» размышлений совершает тот или иной поступок, который стал привычным, не оценивая все «за» и «против»[113].

Привычки, стереотипы поведения можно считать проекциями убеждений на неосознанном уровне: вначале человек сознательно выбирает ту или иную линию поведения, а затем эта линия становится привычной. Особенно ярко этот процесс проявляется при прохождении военной службы по призыву. По нашему мнению, до 80 % (по данным Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации, это около 60 %)[114] военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, фактически одобряют неформальную систему, при которой они вначале службы (первый год) несут тяготы службы за себя и военнослужащих более ранних сроков призыва, а потом (второй год службы) практически отдыхают. Естественно, что, будучи включенным в процесс функционирования неформальной системы и являясь ее элементом, военнослужащий автоматически приобретает установки и убеждения этой системы. Тем более что они вполне отвечают его потребностям. Единственное, что при этом отрицается молодыми воинами, — это «излишнее» насилие, применяемое к ним со стороны «старослужащих». Однако даже это неизбежное зло «дедовщины» они согласны терпеть «в разумных пределах», чтобы впоследствии самим оказаться в роли «почитаемого и уважаемого» «старослужащего». К тому же многие из молодых воинов полагают, что иного выхода у них просто нет. В результате у них формируется привычка подчиняться правилам воинской неформальной системы: вначале подчиняться «старослужащим», а затем самим подчинять себе молодых воинов.

---

[113] См.: *Лунеев В.В.* Мотивация воинских преступлений. М., 1974. С. 26.
[114] См.: *Кулаков В.Ф.* Указ. соч. С. 5.

Привычки не являются второстепенным звеном в группе социально-психологических качеств. Однажды сформировавшись, они начинают играть самостоятельную роль в мотивации поведения и оказывают сильное воздействие на убеждения, препятствуя их изменениям. В то же время спецификой привычек рассматриваемой категории является то, что они нередко формируются не на основе убеждений, а на основе принуждения со стороны неформальной воинской системы взаимоотношений. В условиях доминирования такой системы в воинском коллективе субъект, даже отрицающий «ценности» «дедовщины», практически не в силах изменить подобную среду. Он вынужден к ней приспосабливаться вначале на уровне рефлексивном, а затем и на осознанно-контролируемом уровне, подстраивая свои убеждения под уже сформировавшиеся привычки. В этих случаях привычки могут инициировать формирование новых, в том числе криминогенных, убеждений.

Роль убеждений, взглядов, умений, привычек в мотивации преступного поведения можно назвать главенствующей, поскольку именно они нейтрализуют культурные барьеры, которые общество с помощью воспитания, права и различных организационных мер формирует у человека. Сам же процесс мотивообразования представляет значительный криминологический интерес, поскольку объясняет механизм формирования преступного поведения. Как справедливо отмечает А.А. Толкаченко: «...содержание и антиобщественная направленность волевого процесса определяется глубиной антисоциальной мотивации, под которой следует понимать уровень актуализации в сознании субъекта мотивов, целей, в совокупности с их социальными, психологическими детерминантами, а также способами их удовлетворения и которая обусловливает совершение лицом различных по характеру и степени общественной опасности преступлений»[115]. Следовательно, для уяснения социально-психологической детерминации преступлений против уставного порядка воинских межличностных взаимоотношений необходим анализ мотивов правонарушений рассматриваемой категории.

Мотивация преступления представляет собой комплекс мотивов (реже — один мотив), который как побуждение, предметно актуализированное на достижение определенных целей посредством совершения конкретных действий, выступает причиной поведения лица[116]. В то же время вряд ли целесообразно рассматривать мотивацию преступлений в сфере воинских взаимоотношений как некую, пусть и актуализированную, совокупность мотивов. Преследуя цель исследования причинного комплекса рассматриваемых преступлений и учитывая специфичность окружающей военнослужащего-правонарушителя обстановки, необходимо исходить из того, что мотивация, являясь порождением объективных общественных отношений, субъективно определяет преступное поведение военнослужащего. Именно поэтому справедливое утверждение В.В. Лунеева о том, что мотивация преступного поведения, с одной стороны, является стержнем его генезиса, а с другой — результатом взаимодействия личности правонарушителя с криминогенной социальной

---

[115] *Толкаченко А.А.* Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 10.

[116] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Мотивация преступлений и тенденции ее изменения // Вопросы советской криминологии: Материалы научно-практической конференции. М., 1976. С. 3.

средой[117], является отправной точкой нашего исследования мотивации рассматриваемых правонарушений.

В научной литературе существуют, по меньшей мере, два принципиально разных подхода к пониманию мотивации исследуемых преступлений. *Первый* состоит в ее рассмотрении как акта мести военнослужащих, подвергавшихся издевательствам. Причем, не имея возможности отомстить непосредственным обидчикам, они «мстят» тем, кто наиболее доступен для их преступных посягательств, т. е. военнослужащим более позднего срока призыва. Основой мотивации здесь является криминогенное убеждение: «Так поступали со мной, так и я буду поступать с другими»[118]. Согласно *второму* подходу мотивация рассматриваемых преступлений кроется в исторически сложившихся в армии негативных неуставных традициях[119]. В подтверждение этого сторонниками данного подхода приводится утверждение Вольтера: «Люди никогда не испытывают угрызений совести от поступков, ставших у них обычаем»[120].

На наш взгляд, на массовом уровне ни месть за пережитые унижения, ни негативные воинские традиции не могут составлять основу мотивации рассматриваемых преступлений. В указанном выше подходе месть носит сублимированный характер, она не персонифицирована и не адресована конкретному обидчику. И хотя на практике возможен вариант озлобленного типа личности, который мстит за свои обиды всему миру, вряд ли следует данный случай брать за основу определения сущности мотивации всех рассматриваемых правонарушений. Скорее, его следует учитывать в качестве дополнительного фактора, способствующего неуставным проявлениям в армейском коллективе. Что же касается негативных традиций, то, по нашим данным, подтверждающим результаты иных исследований[121], такие традиции являлись мотивационной основой лишь в 30 % случаев совершения рассматриваемых противоправных деяний. Кроме того, следует отметить, что, на наш взгляд, не сами по себе традиции воинской неформальной системы являются мотивирующей силой противоправных деяний, а предоставляемые этой системой лицам, соблюдающим ее условия, привилегии и возможность удовлетворять личные потребности за счет других военнослужащих. Именно это побуждение, т. е. стремление доминировать, властвовать над другими военнослужащими и получать различные материальные и психологические «блага» вследствие обладания неформальной властью, лежит, по нашему мнению, в основе мотивации рассматриваемых преступлений.

Таким образом, следует признать, что *главные мотивационные линии преступлений против порядка уставных воинских взаимоотношений имеют в своей основе корыстно-эгоистическую направленность* своих основных элементов (актуализации потребностей, целеобразования, принятия решения, вероятностного прогнозирования, анализа содеянного). В мотивационной сфере рассматриваемых правонарушителей могут доминировать и насильственно-эгоистические черты, связанные главным образом с хулиганскими побуждениями субъекта, выражающи-

---

[117] См.: *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 31.

[118] См.: *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 315.

[119] См.: *Нечевин К.Д.* Указ. соч. С. 71.

[120] Цит. по: *Юнин А.* Неслужебный ранжир // Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 5. С. 54.

[121] См., например: *Клепиков Д.* Указ. соч. С. 173; *Хомяков А.И.* Указ. соч. С. 65.

мися в уродливом стремлении к самоутверждению и доминированию над другими, с побуждениями, основанными на личной неприязни или желании отомстить за прошлые обиды.

Анализ мотивации преступлений в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих был бы далеко не полным без рассмотрения конкретных особенностей побуждений, составляющих ее сущность. Всю совокупность таких особенностей можно разделить на общие и специфические. К общим особенностям рассматриваемых побуждений следует отнести:

1) их относительную антисоциальность, проявляющуюся в направленности побуждений на удовлетворение своих узколичностных интересов в ущерб интересам других военнослужащих;

2) преобладание материальных и естественных побуждений над духовными. В абсолютном большинстве рассматриваемые преступления совершаются в целях приобретения каких-либо материальных благ (изъятие у молодых воинов предметов нового обмундирования, посылок от родных, денежного довольствия) или уклонения от непосредственного исполнения своих служебных обязанностей (перекладывание их на других военнослужащих);

3) доминирование побуждений влечения, а не долга;

4) господство побуждений с ближайшими целями («тактического характера»), рассчитанных на жизнь сегодняшнего дня, на сиюминутные желания и потребности, а не на жизненно важные перспективы.

К специфическим особенностям рассматриваемых побуждений относятся: доминирование эгоистических тенденций при пренебрежительном отношении к общественному порядку и интересам других военнослужащих; примитивность личностных интересов при относительно развитой квазипотребности к спиртному или наркотикам; ориентация на физическую силу как главное средство самоутверждения в воинском коллективе; явная или латентная готовность к агрессивному поведению; отсутствие высоких духовных устремлений; слабая оформленность жизненно важных интересов; отсутствие чести, совести, стыда и чувства сострадания к человеку[122]; пренебрежительное отношение к нормам воинского правопорядка и интересам армейских коллективов.

Для преступных действий виновных, нарушающих уставные правила взаимоотношений между военнослужащими и не состоявших с потерпевшими в отношениях подчиненности, характерны следующие *мотивы*: облегчение личных тягот службы за счет других военнослужащих (19 %); получение незаконной материальной (8,7 %) или иной (7 %) выгоды в ущерб другим; стремление унизить, подчинить потерпевшего влиянию сослуживцев, поиздеваться над ним (50 %); поддержать порочную традицию данного подразделения (36 %); из мести на почве личной (6 %) или служебной деятельности потерпевшего (51 %); из сексуальных побуждений (4 %)[123].

Приведенные данные подтверждаются результатами и ряда других исследований. Так, Д. Клепиков отмечает среди мотивов рассматриваемых правонарушений: сохранение традиций (31,1 % опрошенных); обучение молодежи службе (29,9 %); эмоциональный срыв (28,7 %); наведение уставного порядка (12,7 %); самоутверждение (10,7 %); получение благ по службе, например выполнение молодым военнослужащим

---

[122] См.: *Лунеев В.В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 61.

[123] См.: *Нечевин К.Д.* Указ. соч. С. 76.

работы вместо «старослужащего» или поощрение за поддержание порядка от офицеров (10 %)[124]. Похожие данные получил в результате своих исследований А.И. Хомяков: облегчение личных тягот службы за счет других военнослужащих (19 %); получение незаконной материальной выгоды в ущерб другим военнослужащим (8,7 %); стремление унизить, подчинить потерпевшего влиянию сослуживцев, издевательство (50 %); стремление соблюсти асоциальные правила неформального воинского коллектива (36 %); месть на почве служебной деятельности потерпевшего (51 %), получение личных выгод корыстного характера (7 %); сексуальные побуждения (4 %)[125].

Опираясь на проведенный анализ особенностей личности военнослужащего-правонарушителя, генеральных мотивационных линий его противоправного поведения и учитывая объективные характеристики рассматриваемых преступлений, можно провести типологизацию личности преступника, посягающего на уставной порядок взаимоотношений военнослужащих.

1. В зависимости от особенностей мотивации следует выделить: насильственный, корыстно-насильственный, анархический, конформистский тип личности рассматриваемого преступника-военнослужащего.

Насильственный тип характерен для правонарушителей, имеющих в основе своей мотивации эгоистические побуждения — развлечения, самоутверждения, сублимированной мести и сексуальные побуждения. Здесь насилие является не средством достижения каких-либо целей материального характера, а непосредственной целью виновного. Из всех возможных способов нарушения уставных правил взаимоотношений (насилие, угроза насилием, оскорбление, издевательство, унижение личного достоинства) рассматриваемый тип преступника использует исключительно насильственные (насилие и насильственное издевательство). Следует также отметить наличие у представителей данного типа определенной патологии психики, хотя и не исключающей и не ограничивающей их вменяемости.

Корыстно-насильственный тип объединяет правонарушителей, преследующих материальные, корыстные цели. Насилие или угроза насилием является для них средством достижения желаемых привилегий по службе, получения материальной выгоды, удовлетворения корыстных побуждений (уклонение от несения службы в наряде за счет молодых воинов, уклонение от хозяйственных работ, вымогательство денег и продуктов, принуждение к «обслуживанию» и др.). Подобные деяния в отличие от предыдущих относятся к инструментальным преступлениям, где насилие играет роль инструмента удовлетворения материальных потребностей. Следует также отметить, что рассматриваемый тип преступника использует насилие сравнительно неохотно. В большей мере ему свойственно применение угроз и оскорблений. Хотя, если его интересы (интересы неформальной системы, дающей ему всевозможные привилегии) будут находиться под угрозой, насилие будет использовано с достаточно высокой степенью решимости.

Анархическому типу личности рассматриваемого правонарушителя свойственна хулиганская мотивация либо мотивация, основанная на чувстве недовольства субъекта бытовым поведением или служебной деятельностью потерпевшего. Как правило, подобный тип совершает преступления с целью «проявить удаль», «развлечься», показать свое

[124] *Клепиков Д.* Указ. соч. С. 173.
[125] *Хомяков А.И.* Указ. соч. С. 65.

пренебрежение к личному достоинству сослуживцев. При этом поводом к преступлению могут стать самые незначительные «проступки» потерпевшего, а само правонарушение будет детерминировано плохим настроением или высокомерием правонарушителя. Также следует отметить, что данному типу в наибольшей степени свойственно совершение рассматриваемых противоправных деяний в состоянии алкогольного, наркотического либо токсикоманического опьянения. Фактически в рассматриваемой ситуации именно опьянение является основным «спусковым механизмом», высвобождающим «дремлющие» в субъекте негативные социально-психологические установки, нейтрализующим барьеры, сдерживающие особенности темперамента (в основном холерического) и являющиеся необходимым и достаточным условием совершения противоправных действий.

Конформистский тип правонарушителя в сфере уставных взаимоотношений свойственен лицам, совершающим рассматриваемые преступления под влиянием неблагоприятной окружающей среды. Как правило, преступления данных лиц в своей основе имеют либо ложно понятые интересы воинского коллектива, либо чувство страха самому стать объектом неуставных отношений. В последнем случае субъектом движет убеждение, что в случае проявления им недостаточной лояльности к неформальной системе его могут подвергнуть социальной деперсонализации, вследствие чего он будет «выключен» из воинского коллектива и затем подвергнут неуставным посягательствам. В результате он субъективно стремится поддержать свой статус «члена системы», пусть даже и совершая противоправные деяния.

2. В зависимости от роли ситуации в генезисе преступления (от соотношения субъективных и объективных обстоятельств преступления) представляется возможным выделить: случайный, ситуационный, злостный тип преступника, совершающего рассматриваемые правонарушения.

Случайный тип совершает преступление в основном под влиянием стечения группы обстоятельств как объективного (неправомерное или аморальное поведение потерпевшего), так и субъективного (неверно оцененная обстановка, эмоциональный срыв) характера. Зачастую преступления совершаются вследствие неверно оцененной субъектом ситуации либо отсутствия у него правовых знаний и практических навыков решения межличностных конфликтов правомерным способом. Для рассматриваемого типа правонарушителя криминогенная ситуация оказывается непреодолимым барьером и играет решающую роль в генезисе преступления.

Ситуативный тип правонарушителя более социально опасен. Он использует «благоприятно» сложившуюся объективную ситуацию для достижения своих, как правило, корыстно-материальных, целей. Пользуясь «привилегиями» неформальной воинской системы, такой тип личности проповедует ее «ценности» и одобряет большинство ее «требований». В случае если при этом необходимо нарушить правовую норму, он, хотя и без особого желания, сознательно идет на это для удовлетворения своих потребностей. Роль объективно сложившейся ситуации в генезисе преступления примерно соответствует совокупности криминогенных качеств рассматриваемой личности.

Злостный тип наиболее социально опасен вследствие того, что именно он является активным «проводником» неформальной воинской системы и наиболее ревностным хранителем ее «ценностей». Он не только использует «благоприятную» для удовлетворения своих потребностей кри-

миногенную ситуацию, являющуюся порождением неформальной системы воинских отношений, но и генерирует ее, усиливая уже имеющуюся интенсивность неуставного воздействия на молодых воинов и расширяя диапазон способов такого воздействия, т. е. сам создает объективные условия и причины преступления.

3. В зависимости от количества совершенных правонарушений, на наш взгляд, целесообразно выделить простой и рецидивный тип личности преступника, посягающего на уставной порядок отношений военнослужащих.

Простой тип — это личность, совершающая преступление впервые. Мотивы, цели, социально-психологические качества и другие субъективные признаки в этой типологии не учитываются, важен лишь факт того, что рассматриваемое правонарушение совершается впервые. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что имеется в виду не только совершение преступления впервые, но и отсутствие ранее совершенных дисциплинарных проступков в сфере взаимоотношений военнослужащих. Подобный тип при определенных условиях достаточно легко поддается исправлению в силу отсутствия устойчивых навыков противоправного поведения в рассматриваемой сфере.

Рецидивный тип объединяет правонарушителей, для которых посягательство на уставные правила взаимоотношений стало делом привычным. Соответственно у подобных типов, как правило, имеются устойчивый самооправдательный мотив и глубокие по мотивирующей силе криминогенные качества. Кроме того, подобный тип будет объединять лиц с психическими патологиями, лиц анархической мотивации и злостных нарушителей воинской дисциплины. Нередко представители этой группы становятся лидерами неформальных воинских систем взаимоотношений.

4. В зависимости от способа совершения преступления и достижения желаемого субъектом результата можно выделить: насильственный и ненасильственный (угрожающий) тип личности рассматриваемого преступника.

Насильственный тип использует для достижения своих корыстных целей или удовлетворения своих низменных побуждений психофизиологического характера разнообразные формы насилия, составляющие возможные варианты объективной стороны ст. 335 УК РФ. Подобному типу свойственны ориентация на физическую силу как главное средство решения конфликтных ситуаций, наличие в структуре его личности устойчивых криминогенных качеств, блокирующих совестливость, и примитивная мотивация насильственной направленности.

Ненасильственный (угрожающий) тип личности, посягающей на уставной порядок взаимоотношений военнослужащих, в значительно меньшей степени, чем предыдущий, склонен к преступлению. Структура его личности и генеральные мотивационные линии не имеют ярко выраженных криминогенных черт. Однако под влиянием благоприятной для рассматриваемых посягательств обстановки неформальных воинских взаимоотношений подобный тип достаточно легко принимает «правила игры», вследствие чего у него возникают оправдательный мотив и побуждения к удовлетворению некоторых своих потребностей путем хотя и не насильственного, но все же уголовно наказуемого деяния. Объективная сторона преступлений, совершаемых данным типом, включает угрозы насилием, оскорбления, ненасильственное унижение личного достоинства и производные от этих деяний. Следует также отметить, что особенностью рассматриваемого типа является то, что преступником (в отличие от предыдущего типа) он становится не одномоментно, а, как правило, в результате достаточно длинной цепочки нарушений воинской дис-

циплины, дисциплинарных нарушений правил взаимоотношений военнослужащих и иных уголовно не наказуемых деяний. Причем характер и степень общественной опасности его деяний возрастают от раза к разу при условии его безнаказанности, вплоть до трансформации в преступление.

5. Классифицируя преступников-военнослужащих, посягающих на уставной порядок взаимоотношений, нельзя не упомянуть основание, затрагивающее психофизиологическую составляющую рассматриваемой личности. Наиболее криминогенно значимой характеристикой представляется темперамент личности преступника, в зависимости от влияния которого на преступное поведение субъекта можно выделить: предумышленный (расчетливый) и импульсивный тип.

Предумышленный (расчетливый) тип личности преступника отличается более глубокой, осознанной преступной мотивацией. Он достаточно четко понимает, для чего применяет насилие, совершает иные противоправные действия. Среди лиц этого типа подавляющее большинство составляют правонарушители с корыстной и насильственно-эгоистической мотивацией. Значительно реже здесь встречаются лица с анархической мотивацией или совершающие правонарушение по мотивам мести. Расчетливость данного типа личности продиктована в первую очередь типом его темперамента. Как правило, это лица сангвинического, сангви-холерического (с преобладанием сангвинического) и флегматического темперамента, дающего им возможность тщательно взвесить имеющиеся объективные обстоятельства и обдумать свои возможные действия.

Импульсивным типом в отличие от предыдущего движет не четко осознанная потребность и «холодный» расчет, а эмоциональный всплеск, психологический срыв, в результате которого под влиянием особенностей темперамента (как правило, холерического) субъект совершает преступление. Среди мотивационных линий данного типа доминируют месть, задетое самолюбие, желание «восстановить справедливость», ложно понятые интересы службы или воинского коллектива, и даже психологическая реакция на неправомерное поведение потерпевшего. Особенностью данного типа является то, что в абсолютном большинстве случаев совершаемое им правонарушение связано с насилием и, как правило, незначительно оторвано по времени от «провоцирующего» поведения потерпевшего. Кроме того, к особенностям данного типа следует отнести и то обстоятельство, что среди этих лиц может присутствовать достаточно большое количество военнослужащих, правонарушения которых обусловлены не столько неформальной системой воинских отношений, сколько личными криминогенными качествами, сформированными еще до призыва на военную службу.

6. В зависимости от наличия у правонарушителя соучастников (соисполнителей) можно выделить: групповой и индивидуальный тип личности рассматриваемого преступника.

Для *группового типа* характерно совершение преступления в группе других военнослужащих. Его отличительными чертами являются либо малодушие (лишаясь поддержки сослуживцев при совершении противоправного акта, он вообще может отказаться от его продолжения), либо гипертрофированный конформизм (совершая правонарушение, он, как правило, не преследует личных целей, а руководствуется «групповыми интересами»), характеризующий субъекта как слабовольного «приспособленца», либо достаточно широкий «набор» устойчивых криминогенных качеств насильственно-корыстной направленности (характерно для

лидеров неформальной воинской системы и наиболее активных последователей ее идеологии).

Индивидуальный тип личности преступника рассматриваемой категории совершает противоправные действия, руководствуясь личными интересами и побуждениями. Немало преступлений, совершаемых представителями данного типа, своей непосредственной причиной имеют бытовую ссору (в столовой — из-за хлеба, в бане — из-за очереди в душ и т. п.) либо личную неприязнь. Так же как и импульсивный тип преступника, рассматриваемый тип в большинстве случаев совершает правонарушение не вследствие влияния неформальной системы воинских отношений, а в результате негативного влияния его личных антисоциальных и криминогенных качеств, сформированных до призыва на военную службу.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Социально-демографические характеристики личности военнослужащего-правонарушителя в сфере уставных взаимоотношений указывают на его незавершенную социализацию, отсутствие необходимого жизненного опыта, позволяют диагностировать неустойчивость его психики, наличие антисоциального и криминогенного опыта.

2. Негативные социально-демографические особенности личности военнослужащего-правонарушителя, преломляясь через социально-психологические характеристики, наиболее ярко проявляются после завершения процесса его адаптации к военной службе и приобретения им устойчивого социально-положительного статуса в иерархии воинского коллектива. Как правило, это происходит после того, как военнослужащий прослужил не менее года. Начиная именно с этого периода службы большинство военнослужащих способны совершить противоправные посягательства в сфере межличностных отношений.

3. Физиологические особенности правонарушителей в сфере межличностных отношений военнослужащих практически не отличаются от физиологических особенностей общей массы военнослужащих по призыву. Вместе с тем для военнослужащих, совершающих преступления в сфере воинских взаимоотношений, в большей степени свойственно наличие холерического темперамента, возбудимости, вспыльчивости, невыдержанности и агрессивности.

4. Состояние внутренней агрессии, желание выплеснуть накопившееся внутреннее напряжение, тревожность, низкая эмоциональная устойчивость, диагностируемая у лиц холерического темперамента, совершающих правонарушения в сфере уставных взаимоотношений, имеют особую криминогенную значимость не в силу прямой зависимости противоправного поведения от рассматриваемых психофизиологических особенностей, а в связи с особой подверженностью данной категории военнослужащих дестабилизирующему влиянию различных неблагоприятных факторов военной службы (замкнутость воинского коллектива, вынужденное общение с сослуживцами, иррациональный труд). Эти факторы играют роль катализаторов внутренней агрессии у лиц, и без того имеющих неблагоприятную психофизиологическую характеристику.

5. Криминогенные убеждения военнослужащих-правонарушителей, являясь криминогенной базой противоправного поведения в сфере уставных взаимоотношений, подразделяются на убеждения, приобретенные до призыва на военную службу, и убеждения, приобретенные в процессе военной службы. При этом роль последних определяется степенью на-

пряженности криминогенной ситуации и влиянием на субъект негативных традиций воинского коллектива (неформальной системы воинских отношений). В то же время возникновение, укрепление и реализация в конкретном преступлении этих убеждений практически невозможны без наличия в структуре личности правонарушителя криминогенных убеждений тождественной направленности, приобретенных им до призыва на военную службу, что свидетельствует о диалектической связи и единстве социально-психологических качеств, как полученных до призыва на военную службу, так и возникших в ее процессе.

6. Особая роль в генезисе преступлений против уставных правил взаимоотношений военнослужащих привычек и стереотипов поведения правонарушителя объясняется силой криминогенного информационного воздействия на военнослужащего со стороны неформальной системы воинских отношений, в результате которого более половины всех военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, одобряют присутствие такой системы в их подразделении или, будучи включены в процесс ее функционирования, примиряются с этим. Являясь же ее элементом, военнослужащий в большинстве случаев автоматически приобретает установки и убеждения этой системы, а следование им входит у него в привычку. Специфика этих привычек проявляется также в возможности их формирования не на основе убеждений, а на основе принуждения со стороны неформальной воинской системы взаимоотношений. В условиях ее доминирования в воинском коллективе субъект, даже отрицающий «ценности» «дедовщины», практически не в силах изменить подобную среду. Он вынужден к ней приспосабливаться вначале на уровне рефлексивном, а затем и на осознанно-контролируемом уровне, где его убеждения подстраиваются под сформировавшиеся привычки.

7. Мотивирующей силой рассматриваемых противоправных деяний являются не порочные «традиции» воинской неформальной системы сами по себе, а возможность удовлетворения личных потребностей за счет других военнослужащих, которую дает правонарушителям эта система. Именно это побуждение, т. е. стремление доминировать, властвовать над другими военнослужащими и получать различные материальные и психологические «блага» вследствие обладания этой властью, лежит в основе мотивации рассматриваемых деликтов.

8. Главные мотивационные линии преступлений против порядка уставных воинских взаимоотношений имеют в основе корыстно-эгоистическую направленность своих элементов (актуализации потребностей, целеобразования, принятия решения, вероятностного прогнозирования, анализа содеянного). Помимо этого, в структуре мотивационной сферы могут доминировать и насильственно-эгоистические черты, связанные главным образом с хулиганскими побуждениями субъекта, выражающимися в уродливом стремлении к самоутверждению и доминированию над другими, побуждениями, основанными на личной неприязни или желании отомстить за нанесенные ранее обиды.

9. Типология личности военнослужащего, посягающего на уставные правила взаимоотношений, разнообразна по качественным основаниям и позволяет учитывать это качественное своеобразие при организации предупредительной работы, а также вырабатывать и применять к различным типам правонарушителей различные меры предупреждения, необходимые для коррекции криминогенных качеств именно этой, конкретной категории потенциальных и реальных правонарушителей в сфере уставного порядка взаимоотношений военнослужащих.

Глава 3. Антикриминальная система воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений

§ 1. Исторический анализ организационно-правовых средств борьбы с нарушениями уставных правил взаимоотношений военнослужащих в России

Криминальные нарушения уставных правил взаимоотношений военнослужащих не являются порождением современности ни как социальное явление, ни как правовое. Дошедшие до нас исторические свидетельства позволяют утверждать, что отношения, выходящие за рамки, установленные законом (писаным или неписаным), между военнослужащими существовали практически всегда и в большинстве армий мира. В свою очередь, не вызывает сомнения тот факт, что попытки урегулировать воинские межличностные отношения нормами права и исключить преступления военнослужащих в этой сфере также неоднократно предпринимались в истории военного строительства и дошли до нас в виде норм некоторых правовых памятников. Бесспорным представляется и то обстоятельство, что на длинном историческом пути становления и развития русской (российской) армии в рассматриваемой сфере борьбы с преступностью были не только неудачи, но и облеченные в правовую форму успехи и достижения.

К сожалению, вплоть до начала XVII столетия в русском писаном праве и других исторических свидетельствах практически не упоминались ни преступления в сфере уставных отношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, ни какие-либо статистические сведения об этих правонарушениях. Однако некоторые косвенные свидетельства того времени дают основания предположить, что рассматриваемые преступления все же совершались и наказывались со стороны государства, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии зачатков системы борьбы с этим криминальным явлением воинской жизни. В частности, в ст. 14 Договора Руси с Византией (944), упомянутого в Повести временных лет, указывалось: «Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст пять литр серебра по закону Русскому...»[126]. В свою очередь, в дошедших до нас текстах Русской Правды рассматриваемые преступления хотя и не выделялись в отдельную систему правовых норм, однако факт установления в этом источнике усиленной ответственности за преступления против дружинников (80 гривен за убийство) по сравнению с простолюдинами (40 гривен за убийство)[127] позволяет предположить, что эти нормы, по-видимому, распространявшиеся и на самих дружинников как субъектов преступлений, являлись не только карой, но и мерой предупреждения подобных преступлений в самой воинской среде.

---

[126] *Орлов А.С. и др.* Хрестоматия по истории России: Учебное пособие. М., 2001. С. 21; История государства и права СССР: В 2 ч. / Сост. А.Ф. Гончаров, Ю.П. Титов. М., 1968. Ч. 1. С. 35.

[127] См.: Отечественное законодательство XI—XX веков: Пособие для семинаров: В 2 ч. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2000. Ч. 1. С. 25.

Несмотря на то, что факт существования рассматриваемых преступлений в среде дружинников документально не подтвержден, их вероятное присутствие во взаимоотношениях «ратных людей», на наш взгляд, обусловлено обстоятельствами, которые в нашей современной армии, несомненно, являются детерминантами преступлений в сфере уставных взаимоотношений. К таким факторам следует отнести: большую социальную разницу в положении дружинников, разницу в возрасте, патриархальность, а нередко и клановость (в дружинах присутствовали целые воинские династии) отношений, сложный этнический состав (в дружине были и варяги, и русские разных племен — словене, родимичи, тиверцы, древляне, которые до объединения Руси зачастую воевали друг с другом). Вместе с тем сам уклад жизни княжеских дружин (деление на старших и младших, высокий боевой дух, жесткая дисциплина, четкая иерархия, дружественно-братские отношения) и особенности их комплектования сводили возможные межличностные конфликты русских дружинников к минимуму и позволяли князю, опираясь на мнение всей дружины, самостоятельно решать различные споры между своими воинами. Следовательно, особая правовая норма, предусматривающая ответственность за преступления дружинников в отношении друг друга, была в то время не нужна. По-видимому, этим и объясняется отсутствие дошедших до наших дней документальных упоминаний о преступлениях рассматриваемой категории.

Несмотря на отсутствие правовых норм, некоторые исторические данные все же позволяют предположить наличие в то время особых условий воинской службы, косвенно являвшихся мерами предупреждения исследуемых преступлений или гарантией их минимизации. К таким условиям относятся следующие:

Во-первых, дружинники были, по сути, специально подобранными и обученными профессиональными воинами, лучшими среди лучших в воинском деле. К воинской службе дружинников начинали готовить примерно с 3-летнего возраста, когда ребенок обретал способность держаться в седле. Программа подготовки будущего воина была разносторонней и включала, помимо прочего, психологическую подготовку, укрепляя не только тело, но и дух. В результате в дружину приходил высококвалифицированный воин, воспитанный в патриархальном духе, психологически устойчивый к различным конфликтным ситуациям.

Во-вторых, каждый дружинник был для князя очень ценной боевой единицей. Слишком много сил и средств затрачивалось на подготовку и содержание дружинников, чтобы можно было им позволить калечить друг друга. Поэтому различные споры между ними решались, как правило, или в состязаниях, или в кулачном бою (обычай «поля») либо самим князем.

В-третьих, достаточно высокое социальное положение дружинников, их полное материально-бытовое обеспечение князем, привилегии и награды от князя за верную службу, а также почет и уважение со стороны простолюдинов создавали объективные предпосылки для того, чтобы дружинники дорожили своей службой и опасались немилости князя, вызванной ссорой с насилием или иным нарушением установленных правил поведения в дружине.

В-четвертых, геополитическое положение Руси предполагало постоянные вооруженные конфликты княжеских дружин с соседями, что диктовало необходимость не только высокой боевой выучки, но и боевого

слаживания дружинников. В бою и походе все были равны, ели из одной посуды, спали плечом к плечу и так же, плечом к плечу, вели бой, защищая друг друга. Порождаемое в результате такого уклада жизни психологическое единство или даже родство (боевое братство) создавало особый психологический климат в русской дружине и сводило к минимуму возможные межличностные конфликты, тем более с применением силы.

С сожалением приходится констатировать, что многое из того, что, вероятно, успешно воплощалось в подготовке воинов того времени, утрачено в организации реальной службы современных воинов.

Первым отечественным источником уголовного права, содержащим специальную норму об ответственности военнослужащих за преступления в сфере уставных отношений при отсутствии подчиненности, было Соборное уложение 1649 г. В гл. 23 этого закона имелась ст. 3, которая запрещала стрельцам под страхом уголовного наказания оскорблять друг друга. Следует при этом отметить, что рассматриваемая норма находилась не в специальной гл. 7 «О службе всяких ратных людей Московского государства», а в гл. 23, носящей общий характер[128].

С воцарением на престол Петра I в России началась новая эпоха военного строительства, сопровождавшаяся активным процессом военно-правовых реформ, отчасти затронувших сферу взаимоотношений военнослужащих. В начальный период Петровской эпохи уголовно-правовые отношения, возникавшие вследствие нарушений правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии подчиненности, регулировались ст. 62 Уложения фельдмаршала Б. Шереметьева (Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов и рядовых солдат 1702 г.), которая предусматривала ответственность за насильственные действия между солдатами или начальниками в строю. Следует при этом отметить, что данная норма носила узкий характер и дифференцировала уголовную ответственность военнослужащих за насильственные посягательства по отношению друг к другу по признаку места их совершения (в строю), что позволяет предположить применение к воинам, совершившим аналогичное деяние в других условиях места и времени, норм общеуголовного законодательства.

Несколько позже в военно-уголовном законодательстве появилась первая в истории отечественного военного строительства система норм, регулировавшая рассматриваемые отношения. Нормативным актом, содержащим эти нормы, был Артикул воинский 1715 г., гл. 17, 18 и 19 которого по сути создавали достаточно стройную и обширную для того времени систему правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии отношений подчиненности, охраняемых уголовным законом. Причем эти нормы предусматривали вполне четкую дифференциацию по субъекту преступления (офицеры и рядовые) и по объекту посягательства. В частности, гл. 17 «О возмущении, бунте и драке»[129] предусматри-

---

[128] См.: *Зателепин О.К.* Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.М. Корнеев. М., 1997. С. 59.

[129] Здесь и далее об Артикуле воинском 1715 г. см.: Отечественное законодательство XI—XX веков. Ч. 1. С. 290—293.

вала ответственность за нарушения правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними подчиненности, выражающиеся: в групповой драке рядовых (артикул 138); в драке рядовых или офицеров «при питье в пиру без вызову» без причинения вреда здоровью потерпевшего (артикул 141); в «поножовщине» (артикул 143); в вооруженном покушении «в сердцах» на причинение вреда здоровью другого военнослужащего, с применением шпаги или пистолета (артикул 144); в оскорблении действием — пощечиной (артикул 145); побоях с применением трости или иных предметов (артикул 146).

В свою очередь, гл. 18 «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах» предусматривала ряд воинских преступлений, связанных с оскорблением военнослужащего: словесное оскорбление офицера офицером (артикул 151); оскорбление не офицерами друг друга (хотя это прямо не вытекает из диспозиции рассматриваемого Артикула, однако сравнительное толкование артикулов 151 и 152 позволяет сделать именно такой вывод); применение насилия в ответ на оскорбление (артикул 153). Также следует отметить и наличие нормы, предусматривающей уголовную ответственность военнослужащих за убийство в драке (Толкование, артикул 154, гл. 19). Кроме того, согласно артикулам 139 и 140 «все вызовы, драки и поединки... наижесточайшие запрещены... хотя кто б он ни был, высокого или низкого чина...». Причем даже за ссору, брани между рядовыми «...то б никто не дерзал товарищей своих призвать, что б через то сбор, возмущение произойти могло» полагалась казнь через повешение. Также под страхом смертной казни были запрещены дуэли, причем, если поединок все-таки состоялся, Артикул предписывал казнить и секундантов. Если бы во время дуэли кто-то был убит или ранен, то его для устрашения другим полагалось «по смерти вешать за ноги».

Анализ указанных выше многочисленных норм, охранявших установленный порядок взаимоотношений военнослужащих, позволяет сделать вывод о том, что случаи нарушения этого порядка в то время имели место довольно часто, и законодатель был вынужден не только нормативно оформить систему рассматриваемых преступлений, но и предусмотреть достаточно жесткие наказания за их совершение (казнь простая, казнь квалифицированная — четвертование, колесование, шпицрутены и др.), которые являлись не только реальной карой, но и средством превенции подобных преступлений. Также следует отметить и тот факт, что в Артикуле воинском 1715 г., пожалуй, впервые в истории отечественного военного законодательства содержались нормы, являвшиеся, по сути, прообразом правовых оснований предупреждения и пресечения воинских преступлений. В частности, артикул 142 обязывал свидетелей драки между военнослужащими принять меры к примирению сторон, а если это невозможно, то вызвать караул для ареста дерущихся. В случае невыполнения этого требования свидетели драки должны были понести такое же наказание, как и дерущиеся. Наряду с этим артикулы 147 и 148 предусматривали процессуальный порядок разрешения межличностных конфликтов между военнослужащими (подача жалобы своему командиру) и ответственность за нарушение этого порядка, что, по сути, также являлось мерой предупреждения рассматриваемых деликтов того времени, направленной на минимизацию противоправных деяний военнослужащих в сфере межличностных отношений.

В последующем, несмотря на неоднократно проводимые военные и военно-правовые реформы (Полевое уголовное уложение 1812 г., Военно-уголовный устав 1839 г. и др.), система преступлений в сфере взаимоотношений военнослужащих при отсутствии подчиненности существенно не изменилась. Лишь после принятия в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и в связи с необходимостью приведения системы воинских преступлений в соответствие с системой преступлений общеуголовных в 1867—1868 гг. был принят Воинский устав о наказаниях, изменивший нормативную базу ответственности за рассматриваемые преступления. В частности, преступления в сфере уставных взаимоотношений между равными военнослужащими в этом законе были предусмотрены ст. 192 (буйство и бесчиние). Причем по этой статье квалифицировались только драки и иные насильственные посягательства, «нарушающие правила воинского благочиния» между нижними чинами, совершаемые в казарме. Все другие насильственные преступления между равными военнослужащими, а также оскорбления между ними квалифицировались как общеуголовные преступления.

В дальнейшем, несмотря на некоторые попытки реформирования военно-уголовного законодательства (проекты Воинского устава о наказаниях 1905—1907 гг.), нормы об ответственности военнослужащих за нарушение правил взаимоотношений существенных изменений не претерпели и просуществовали вплоть до отмены Воинского устава о наказаниях 1867—1868 гг. Декретом о суде № 1. Вместе с тем следует отметить, что для рассматриваемого исторического периода существования вооруженных сил было характерно сложившееся к 1900 г. в царских юнкерских и кадетских корпусах военно-криминальное явление, аналогичное современной «дедовщине» и именовавшееся «цуканьем». По сути, это была своеобразная система «воспитания», осуществляемого старшими воспитанниками над своими младшими товарищами[130]. Причем поразительно то, что данное явление совпадало с современными «неуставными отношениями» по целому ряду признаков, среди которых: различие в возрасте и статусе виновного и потерпевшего (старшекурсники издевались над младшими), сходные формы физического и психологического насилия, «круговая порука», криминальная самодетерминация рассматриваемого явления, выражавшаяся в том, что сами угнетенные при получении статуса старшекурсника становились угнетателями[131].

После Октябрьской революции 1917 г., несмотря на создание новых вооруженных сил — Красной Армии и использование новых принципов военного строительства, рассматриваемые противоправные деяния в сфере воинских взаимоотношений при отсутствии подчиненности, по существу, не получили отражения в военно-уголовном законодательстве. Имеющиеся в практике случаи насильственных посягательств одних военнослужащих на интересы других, не состоящих с ними в отношениях подчиненности, квалифицировались как общеуголовные преступления. Единственная имеющая косвенное отношение к рассматриваемым деликтам военно-уголовная норма содержалась в гл. VII УК РСФСР 1922 г. и предусматривала ответственность за оскорбление (как насильственное, так и не насильственное) подчиненным начальника или

[130] Подробнее об этом см.: Унижение человеческого достоинства по традиции // Братская помощь. 1909. № 4. С. 157—160.

[131] См.: *Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих (криминологические и социально-правовые проблемы): Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 124.

начальником подчиненного (ст. 201). Вместе с тем рассматриваемые посягательства в среде равных друг другу военнослужащих все же имели место в Красной Армии, о чем свидетельствует то обстоятельство, что Военная коллегия Верховного Суда в циркуляре 1924 г. № 2 отмечала опасность и необходимость искоренения пережитков царской армии — денщичества и «солдатских присяг». В дальнейшем в Положении о воинских преступлениях 1927 г. была закреплена норма, предусматривавшая ответственность за оскорбление военнослужащих, не состоящих с виновным в отношениях подчиненности либо старшинства (ст. 6). Причем уголовная ответственность в этой норме устанавливалась за оскорбление не только насильственным действием, но и на словах или ненасильственным действием.

Такое уголовно-правовое регулирование отношений в сфере взаимоотношений военнослужащих при отсутствии отношений подчиненности сохранялось с незначительными изменениями вплоть до 25 декабря 1958 г., когда Верховным Советом СССР был принят Закон «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Этот Закон был воспроизведен гл. 12 УК РСФСР от 27 октября 1960 г., предусматривающей ответственность за воинские преступления. В части исследуемых отношений военнослужащих в ст. 244 УК РСФСР (ст. 8 вышеназванного Закона) предусматривалась уголовная ответственность за оскорбление насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности или старшинства. Следует при этом отметить, что данная норма применялась лишь в тех случаях, когда насильственные действия виновного ни по своему характеру, ни по объему не выходили за рамки унижения чести и достоинства потерпевшего, а субъект преступления или потерпевший находились при исполнении обязанностей по военной службе. Однако, несмотря на видимый прогресс в регулировании межличностных отношений военнослужащих, отношений, обладающих именно воинской спецификой, а поэтому нуждающихся в особой, военно-уголовной, регламентации, рассматриваемая норма обладала рядом существенных недостатков.

Во-первых, предусматривая ответственность за насильственное оскорбление только при условии нахождения виновного или потерпевшего при исполнении обязанностей по военной службе (во время исполнения этих обязанностей), рассматриваемая норма исключала ответственность за аналогичное оскорбление в иных связанных с военной службой случаях (в связи с исполнением обязанностей по военной службе). Вместе с тем вполне очевидно, что оскорбление, нанесенное в связи с исполнением обязанностей по службе, имеет такую же воинскую природу и посягает на воинский правопорядок, как и оскорбление, нанесенное во время исполнения таких обязанностей. Поэтому уже в то время в научной литературе высказывалось предложение внести в диспозицию рассматриваемой нормы уточнение, позволяющее квалифицировать по ней «... оскорбление, нанесенное в связи с исполнением обязанностей по военной службе, независимо от того, находился при этом оскорбитель или оскорбленный при исполнении конкретных служебных обязанностей или не находился»[132].

---

[132] *Ахметшин Х.М.* Вопросы практики применения Закона об уголовной ответственности за воинские преступления: Учебное пособие. М., 1968. С. 30.

Во-вторых, рассматриваемая норма не охватывала применение виновным насилия, выходящего за рамки насильственного оскорбления. В этих случаях органы военной юстиции вынуждены были квалифицировать такие деяния как общеуголовные преступления против личности (ст.ст. 108, 109, 112 УК РСФСР) либо как хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), хотя, по справедливому замечанию Х.М. Ахметшина, подобная квалификация вовсе не отражала того обстоятельства, что совершенное преступление направлено против установленного порядка несения военной службы[133].

По-видимому, указанные выше обстоятельства послужили причиной того, что 15 декабря 1983 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в некоторые акты уголовного законодательства СССР» ст. 8 Закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г. была изложена в совершенно новой редакции, в большей степени соответствующей требованиям уголовно-правовой охраны отношений, связанных с военной службой (в ст. 244 УК РСФСР соответствующие изменения были внесены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» от 30 января 1984 г.). При этом следует учитывать и то обстоятельство, что именно период 60—70-х гг. XX в. предположительно является моментом возникновения и активного развития «неуставных отношений» в современном их понимании[134], что также стало одной из причин рассматриваемых изменений уголовного законодательства.

В новой редакции рассматриваемая норма именовала исследуемые преступления нарушениями уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (что соответствует современной редакции ст. 335 УК РФ) и устраняла имевшиеся ранее недостатки диспозиции, предусматривая наряду с побоями и иным насилием (как физическим, так и психическим) ряд новых (квалифицирующих) признаков: в отношении нескольких лиц, причинение потерпевшему менее тяжкого или легкого телесного повреждения, совершение деяния группой лиц или с применением оружия, а равно повлекшего тяжкие последствия. Кроме того, устранение из диспозиции указания на обязательный признак нахождения виновного или потерпевшего при исполнении обязанностей по военной службе позволило на практике реализовать положение военно-юридической науки, согласно которому по рассматриваемой норме следовало квалифицировать случаи применения насилия одним военнослужащим к другому, «... если оно (насилие. — *Е.М.*) имело место в связи с исполнением виновным или потерпевшим обязанностей по военной службе или при исполнении хотя бы одним из них этих обязанностей, либо когда применение насилия не было связано с исполнением обязанностей военной службы, например, совершено из тех или иных низменных побуждений, но представляло собой проявление со стороны военнослужащих более раннего призыва своего мнимого превосходства над молодыми воинами, сопровождалось явным неуважением к воинскому коллективу,

[133] См.: *Ахметшин Х.М.* Квалификация воинских преступлений: Учебное пособие. М., 1977. С. 61.

[134] См. об этом: *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999. С. 71.

нарушением внутреннего распорядка в подразделении (части), нормального отдыха или досуга личного состава»[135].

Вышеуказанная норма, существенно расширив круг противоправных деяний в сфере уставных взаимоотношений равных военнослужащих, просуществовала в военно-уголовном законодательстве вплоть до вступления в силу действующего в настоящий момент УК РФ и сыграла, по нашему мнению, очень существенную роль в борьбе с таким позорным и опасным явлением, как неуставные отношения в среде военнослужащих.

Помимо рассмотренных выше мер уголовно-правовой превенции, в анализируемый период также предпринимались неоднократные попытки предупреждения рассматриваемых преступлений на уровне ведомственных военно-правовых актов. Среди этих документов, так или иначе затрагивающих вопросы воинской дисциплины и уставных взаимоотношений военнослужащих, следует отметить: приказ министра обороны СССР «О состоянии воинской дисциплины в Советской Армии и мерах по ее укреплению» от 30 апреля 1951 г. № 0085; директиву министра обороны СССР «О мерах по укреплению воинской дисциплины и ликвидации преступности в Вооруженных Силах» от 6 февраля 1960 г. № Д-8213; директиву министра обороны СССР «О мерах по предупреждению и искоренению случаев самоубийств и попыток к самоубийствам среди военнослужащих» от 13 апреля 1965 г. № Д-019; директиву министра обороны СССР и начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота «О дальнейшем укреплении воинской дисциплины и изжитии фактов неуставных взаимоотношений между военнослужащими в армии и на флоте» 1978 г. № Д-025; приказ министра обороны СССР «Об усилении борьбы с неуставными отношениями и их сокрытием в армии и на флоте» от 30 января 1983 г. № 25; приказ министра обороны Российской Федерации «О мерах по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 18 ноября 1993 г. № 100; директиву министра обороны Российской Федерации «О совершенствовании деятельности органов военного управления по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 5 августа 1994 г. № 50; приказ министра обороны Российской Федерации «О мерах по предупреждению нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 12 сентября 1995 г. № 10. Следует при этом отметить, что суть практически всех вышеназванных нормативных документов сводилась к констатации факта недостаточно высокого уровня воинской дисциплины, порождающего преступления военнослужащих (в том числе в сфере уставных взаимоотношений) и предъявлению императивных требований к органам военного управления о ликвидации преступности в войсках.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что проблема преступности в сфере уставных отношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности имеет глубокие исторические корни и в различные периоды существования отечественных вооруженных сил в том или ином виде находила свое отражение в организационно-правовой базе военного строительства. Вместе с тем следует отметить

[135] *Ахметшин Х.М.* Совершенствование законодательства об уголовной ответственности за воинские преступления: Учебное пособие. М., 1985. С. 24.

и тот факт, что практически на всем рассмотренном историческом отрезке в законодательстве отсутствовала специальная норма, предусматривавшая ответственность за исследуемые деяния с учетом их воинской специфики. Такая норма появилась лишь в 1983 г., максимально приблизив государственное понимание опасности исследуемых преступлений к реальности, чем способствовала более эффективной борьбе с этим военно-криминальным феноменом.

§ 2. Удовлетворительная система предупреждения и профилактики неуставных взаимоотношений военнослужащих

Исторический опыт борьбы с преступностью убеждает нас в том, что в любых, даже самых тяжелых, экономических, политических и социальных условиях реализуемые меры ее предупреждения должны отвечать определенным требованиям и строиться на основе определенных принципов. Пренебрежение этими условиями может привести к подмене реальной борьбы с преступностью ее иллюзией, повлечь пустую трату сил и средств, и даже дискредитировать потенциально полезные и эффективные меры борьбы с криминалом.

С учетом выработанной в военной криминологии системы разрушающего воздействия на преступность[136] к ключевым принципам предупреждения неуставных отношений военнослужащих следует отнести принципы системности, достаточного обеспечения и активного участия всех возможных субъектов данной деятельности. Ключевыми требованиями к рассматриваемой предупредительной деятельности являются реалистичность, результативность, эффективность, своевременность и законность реализуемых мер предупреждения. Выполнение этих требований и соблюдение указанных принципов — важнейшие условия достижения целей деструктивного воздействия на преступность в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих, к которым следует отнести минимизацию криминальных проявлений неформальной системы воинских отношений, а впоследствии — полное устранение таких преступлений из сферы жизнедеятельности воинских формирований.

Представляется, что достижение указанных целей предполагает необходимость постановки и решения следующих задач:

1. Пересмотреть действующую систему профилактики и предупреждения преступности в войсках с учетом современных научных разработок, адаптировать ее к специфике анализируемых преступлений и реализовать полученные результаты в практике борьбы с неуставными отношениями.

2. Минимизировать, блокировать, а затем и разрушить порожденный спецификой военной службы внутренний полюс криминогенности, детерминирующий преступность военнослужащих «изнутри» Вооруженных Сил Российской Федерации.

3. Блокировать внешний полюс криминогенности преступности военнослужащих, имеющий общесоциальное происхождение.

4. Активизировать и согласовать деятельность всех возможных субъектов разрушающего воздействия на рассматриваемую преступность, включая потенциальных потерпевших. Создать в Вооруженных Силах Рос-

[136] См.: *Иншаков С.М.* Военная криминология: Учебник: В 2 ч. / Под общ. ред. В.В. Лунеева. М., 2001. Ч. 1. С. 313.

сийской Федерации и всемерно развивать систему виктимологической профилактики рассматриваемых преступлений.

5. Создать объективные условия для эффективного осуществления предупредительной деятельности рассматриваемого направления. Определить рациональные приоритеты такой деятельности, соотнеся их с реальными возможностями общества и государства. Совершенствовать правовое, организационное, научное, материальное, бытовое, идеологическое и психологическое обеспечение военной службы.

6. Обеспечить материальное и моральное стимулирование субъектов предупредительного воздействия и субъектов правопослушного поведения.

7. Оптимизировать организационную структуру войсковых единиц в соответствии с целями и задачами Вооруженных Сил Российской Федерации, с учетом необходимости исключения из их жизнедеятельности фактов совершения преступлений.

8. Разработать и внедрить в практическую деятельность органов военного управления сбалансированный комплекс прав и обязанностей воинских должностных лиц по осуществлению своей дисциплинарной власти. Совершенствовать правовой статус военного командования.

9. Совершенствовать правовую базу борьбы с рассматриваемыми преступлениями с тем, чтобы обеспечить разумную жесткость и неотвратимость наказания правонарушителей, а также исключение фактов сокрытия преступлений, совершенных на почве неуставных отношений.

10. Повысить эффективность работы правоохранительных органов путем совершенствования системы статистической отчетности, стимулирования активности работников военной юстиции, обеспечения их полной независимости от военного командования, разработки и внедрения в следственную практику эффективных методик выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных на почве неуставных отношений, создания в Вооруженных Силах Российской Федерации аналога уголовного розыска — военной полиции.

Указанные цели и задачи деструктивного воздействия на преступность военнослужащих в сфере уставных правил взаимоотношений, в свою очередь, определяют и конкретизируют содержание мер предупреждения этих преступлений. Мы солидарны с А.И. Хомяковым, определившим предупреждение правонарушений в Вооруженных Силах Российской Федерации как совокупность общих и специальных взаимосвязанных мероприятий социально-экономического, организационного и правового характера, проводимых органами власти и управления, командованием и воспитательными структурами, органами военной юстиции, общественными организациями и отдельными военнослужащими в целях предотвращения правонарушений и устранения причин, порождающих преступное поведение военнослужащих[137]. В то же время представляется необходимым отметить определенную специфику предупреждения рассматриваемых преступлений, вытекающую из особенностей их детерминации.

Проведенное нами отдельное исследование причин и сущности воинских неуставных отношений позволяет отнести данное явление к разряду системных, причем одна из основных причин существования и

[137] См.: *Хомяков А.И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных отношений: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 188.

воспроизводства этого военно-криминального феномена заключается в том, что на этот системный объект всегда пытались воздействовать несистемными мерами. Именно поэтому мы считаем крайне необходимым и единственно правильным противопоставить преступности военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений комплексную систему предупреждения и профилактики этих преступлений.

Основываясь на теоретической концепции системного воздействия на преступность в Вооруженных Силах России, разработанной С.М. Иншаковым[138], мы предлагаем классифицировать и рассмотреть меры предупреждения рассматриваемых преступлений по уровням антикриминального воздействия на микро-, мини- и макромеры, а саму систему предупреждения — по целям и результатам воздействия — на удовлетворительную и оптимальную. Причем следует также иметь в виду общетеоретическое положение военной криминологии о том, что содержание основных направлений рассматриваемой предупредительной деятельности должно соответствовать структуре и содержанию причин, детерминирующих существование преступности в стране и Вооруженных Силах.

Исходя из изложенного, целесообразно выделить следующие направления предупреждения рассматриваемых преступлений:

А. На *микроуровне антикриминального воздействия* (сфера деятельности отдельных военнослужащих и их микрогрупп, сержантского и младшего офицерского состава, отдельных граждан и общественных организаций):

1. Внедрение в повседневную жизнедеятельность военнослужащих и последующее совершенствование мер виктимологической профилактики рассматриваемых преступлений. Активное использование всеми военнослужащими виктимологических рекомендаций.

2. Активизация и стимулирование деятельности воинской общественности на уровне отделение — рота по отрицанию неуставных отношений как элемента службы и быта военнослужащих по призыву. Формирование вокруг морально «здоровых» сил подразделения актива военнослужащих, отрицающих неуставные отношения.

3. Последовательное проведение работы младшим офицерским составом по искоренению из жизни подразделения признаков неформальной системы воинских отношений («дедовщины») и замене ее на формальную (установленную законодательством), отвечающую реальным требованиям подразделения.

4. Исключение из жизни воинских подразделений случаев праздного времяпрепровождения, создание условий для интересной службы, формирующей полезные навыки и умения.

5. Повсеместный, полный и окончательный отказ от использования младшими офицерами пресловутых возможностей неформальной системы взаимоотношений военнослужащих для решения вопросов воинской дисциплины и хозяйственных задач подразделения.

6. Исключение фактов не доведения до военнослужащих по призыву или неправильного распределения (перераспределения) положенных норм различных видов довольствия (продовольственного, вещевого, денежного и др.).

---

[138] См.: *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997.

7. Проведение индивидуальной и групповой воспитательной работы, направленной на недопущение неуставных проявлений в подразделении. Привлечение к этой работе представителей органов военной юстиции, общественных организаций, родителей и родственников военнослужащих подразделения.

8. Обеспечение со стороны младших офицеров реальной защиты прав и законных интересов подчиненных им военнослужащих. Немедленное и жесткое реагирование на каждый выявленный факт неуставных проявлений.

Б. На *минуровне антикриминального воздействия* (сфера деятельности должностных лиц от командования воинской части до высшего военного командования, государственных органов субъектов Федерации, общественных организаций федерального масштаба):

1. Проведение целенаправленной, спланированной по месту и времени профилактической работы, направленной на отрицание неуставных отношений в воинских коллективах.

2. Приведение актов органов военного управления, затрагивающих вопросы обеспечения военнослужащих по призыву, в соответствие с федеральной нормативно-правовой базой. Совершенствование материально-бытового и других видов обеспечения военнослужащих.

3. Всемерное (моральное и материальное) поощрение деятельности командиров по предупреждению и борьбе с неуставными отношениями в подчиненных подразделениях. Практическая реализация требования об уголовной регистрации каждого факта нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих, имеющего признаки преступления. Исключение порочной практики сокрытия преступлений.

4. Совершенствование системы воспитания военнослужащих в духе законопослушания, личной ответственности каждого за состояние правопорядка в коллективе, соблюдения социальной справедливости в служебно-бытовых отношениях, неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение, соблюдения позитивных воинских традиций и личной примерности.

5. Активное привлечение к деятельности по предупреждению неуставных отношений широкого круга государственных и общественных организаций, средств массовой информации. Создание эффективного механизма гражданского контроля, в разумных пределах позволяющего делать жизнедеятельность военнослужащих «прозрачной» для широкой общественности. Конструктивное сотрудничество с правозащитными организациями (например, с комитетами солдатских матерей) в целях своевременного выявления неуставных отношений и реагирования на них в рамках действующего законодательства.

6. Совершенствование системы оказания психологической и юридической помощи военнослужащим в целях нейтрализации агрессивных состояний и формирования навыков разрешения конфликтов законными способами.

7. Совершенствование системы кадрового обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. Ужесточение профессиональных и морально-этических требований к командирам всех степеней, что предполагает более качественное и всестороннее их обучение перед назначением на первичные должности и последующую аттестацию при назначении на вышестоящие должности. Совершенствование организации и проведения

призыва на военную службу гражданской молодежи, ужесточение медицинских и иных критериев профессионального отбора.

В. На *макроуровне антикриминального воздействия* (сфера деятельности высших государственных органов):

1. Социально-экономическое направление деструктивного воздействия на рассматриваемую преступность в целях нейтрализации внешнего полюса детерминации воинской преступности, снижения влияния негативных аспектов жизни нашего общества на жизнедеятельность Вооруженных Сил Российской Федерации.

2. Воспитательно-педагогическое направление, охватывающее воспитательно-идеологическое, воспитательно-правовое, воспитательно-психологическое, воспитательно-патриотическое и нравственно-воспитательное воздействие со стороны общества и государства на военнослужащих и гражданскую молодежь призывного возраста.

3. Организационно-управленческое направление, предполагающее целенаправленное реформирование Вооруженных Сил Российской Федерации, оптимизацию организационной структуры войсковых единиц, приведение процесса жизнедеятельности воинских подразделений в соответствие целям и задачам, стоящим согласно действующему законодательству перед Вооруженными Силами.

4. Организационно-правовое направление, обеспечивающее четкую правовую регламентацию общих и специально-криминологических мер предупреждения рассматриваемых преступлений, вопросов военного строительства, влияющих на воинский правопорядок, и закрепляющее сбалансированный комплекс дисциплинарных полномочий воинских должностных лиц, а также процедуру их осуществления.

5. Организационно-правоохранительное направление, предусматривающее совершенствование деятельности органов военной юстиции по выявлению (уголовной регистрации) и расследованию преступлений в сфере уставных взаимоотношений, осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов в Вооруженных Силах Российской Федерации, повышение результативности общей превенции рассматриваемых преступлений в процессе судопроизводства по этим делам, а также введение института военной полиции, выполняющей функции пресечения, регистрации и проведения дознания по исследуемым преступлениям.

6. Уголовно-правовое направление, предполагающее совершенствование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных основ борьбы с воинскими преступлениями вообще и преступлениями в сфере уставных взаимоотношений в частности, ужесточение уголовного наказания за рассматриваемые преступления, повлекшие тяжкие последствия, введение новых норм, предусматривающих уголовную ответственность за сокрытие преступлений воинскими должностными лицами.

7. Научное направление, призванное обеспечить на основе современной научной теории и методологии выработку эффективных концепций достижения высокого воинского правопорядка, предупреждения и профилактики насильственно-корыстных преступлений военнослужащих, позволяющих построить конкретные результативные модели предупредительной деятельности, отслеживать и корректировать практическое применение научных рекомендаций.

Перечисленные основные направления предупреждения и профилактики неуставных взаимоотношений военнослужащих носят комплексный, взаимосвязанный и взаимообусловленный характер. Их полная

комендациям (времени эфира не хватало для ответов на большинство заданных радиослушателями вопросов), что свидетельствует о высокой востребованности, экономичности и перспективности данного направления предупреждения рассматриваемых преступлений.

Глобальным направлением удовлетворительной системы предупреждения неуставных отношений является *деятельность командиров воинских подразделений* и иных органов военного управления. Практика показывает, что твердый уставной порядок и хорошая организация быта и досуга личного состава во многом определяют состояние воинской дисциплины подразделения, способствуют поддержанию нормальных взаимоотношений между военнослужащими. Однако, учитывая имеющиеся недостатки воинских уставов, актов органов военного управления, несовершенство военного законодательства и неблагоприятную качественную характеристику современного призывного контингента, для минимизации фактов неуставных отношений командирам подразделений необходимо прилагать отдельные, дополнительные усилия, являющиеся составной частью удовлетворительной системы предупреждения рассматриваемых преступлений.

Одним из принципиальных условий успешной борьбы командира с неуставными отношениями в подчиненном подразделении является положение, согласно которому такая борьба должна осуществляться с использованием всего доступного арсенала форм и методов организаторской и воспитательной работы. Такая работа командира должна носить предметный и конкретный характер, планироваться и проводиться с учетом специфики предназначения подразделения, направленности решаемых им задач и особенностей местных условий.

В юридической науке встречается несколько классификаций специальных мер предупреждения правонарушений. Наиболее удачной из них представляется классификация по механизму воздействия на криминогенные факторы:

1) меры-нормы (специальные меры, состоящие в установлении таких правил поведения военнослужащих, которые облегчают исполнение уголовного закона и препятствуют совершению преступных деяний);

2) меры-команды (меры побуждения к проведению профилактической работы командирами в подразделении, работниками военной юстиции, не носящие нормативного характера, но содержащие указания на проведение профилактических работ);

3) меры-действия (состоят в непосредственном воздействии на криминогенные факторы).

Последняя группа мер наиболее важна и разнообразна по содержанию. Их, в свою очередь, классифицируют на два вида. Первый вид составляют меры по контролю, направленные на поддержание надлежащего порядка взаимоотношений между военнослужащими. Второй вид — это меры по регулированию взаимоотношений, сложившихся в микрогруппах подразделения, исправлению неблагоприятных ситуаций, способных привести к нарушению уставных правил взаимоотношений между военнослужащими[139].

---

[139] См.: *Белый И.Ю.* Вопросы предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, совершаемых с применением оружия // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации. С. 32.

Для обеспечения успешного функционирования удовлетворительной системы предупреждения неуставных отношений командирам подразделений необходимо применять меры, вытекающие из их служебных функций и имеющие антикриминальную специфику. Предупредительная и профилактическая деятельность воинских командиров (начальников) должна основываться на следующих мерах: связанных с организацией боевой подготовки; по контролю за личным составом; нацеленных на поддержание в подразделении уставного порядка (военно-административных мерах); связанных с материально-бытовым обеспечением; направленных на активизацию младших командиров; по подбору кадров; связанных с организацией досуга военнослужащих; основанных на связи с родителями[140].

Перечень указанных мер, составляющих содержание основного комплекса антикриминального воздействия воинских должностных лиц на рассматриваемые правонарушения, следует дополнить мерами, обеспечивающими эффективность этого комплекса. К ним можно отнести следующие меры:

1. Отход от порочной практики сокрытия командирами неуставных отношений в подразделении. Не вызывает сомнения тот факт, что «живучести» нарушений уставных правил взаимоотношений в воинских коллективах способствует порочная практика сокрытия их от учета. В современной практике военного управления, несмотря на требование ч. 3 ст. 8 ДУ ВС РФ, еще встречаются случаи оценки служебной деятельности командира по количеству правонарушений в подчиненном подразделении, не являющихся прямым следствием его деятельности. Такие случаи наносят непоправимый вред делу борьбы с неуставными отношениями. Необходимы не только отказ от этой практики всех командиров, имеющих в подчинении личный состав (вплоть до командира части), но и всемерная поддержка этого процесса со стороны вышестоящих должностных лиц. Реализация рассматриваемой меры предполагает оценку командира подразделения вышестоящим командованием только в соответствии с действующим законодательством, регулярное дублирование данного требования в актах органов военного управления, моральное и материальное поощрение командиров, активно выявляющих и пресекающих неуставные отношения в подчиненном подразделении, активное обращение командиров, необоснованно наказанных за проступки подчиненных, за судебной защитой своих прав. Важно добиться такого положения дел, когда каждый командир был бы уверен, что его служебная деятельность оценивается не по количеству учтенных правонарушений в его подразделении, а по точному соблюдению им законов, полноте и своевременности использования дисциплинарной власти и выполнению своих обязанностей в целях предупреждения и пресечения нарушений воинской дисциплины.

2. Контроль командира подразделения за деятельностью подчиненных офицеров и прапорщиков. Необходимость данной меры вызвана тем, что в отдельных подразделениях офицеры и прапорщики, не способные на кропотливую воспитательную работу с подчиненными, подменяют уставную требовательность и заботу о них грубой силой, допускают рукоприкладство. Такие «воспитатели» сами провоцируют подчиненных

---

[140] Подробнее о содержании мер профилактики и предупреждения, реализуемых командиром воинского подразделения, см. разд. II.

на совершение преступлений, поэтому они требуют самого пристального внимания со стороны командования и жесткого контроля за своей служебной деятельностью. От таких «начальников» следует избавляться при первой же возможности, привлекать их к ответственности (вплоть до уголовной), а в перспективе необходимо полностью очистить Вооруженные Силы Российской Федерации от подобных субъектов.

3. Выявление неформальных лидеров подразделений и целенаправленная работа с ними. В любом воинском коллективе всегда присутствует неформальный лидер, контролирующий соблюдение негативных ролевых предписаний неформальной воинской системы. Характерной особенностью неформального лидера является его опора не только на собственную физическую силу, но даже в большей степени на согласие молчаливого большинства. В то же время значительная часть таких лидеров обладают способностью улавливать общие настроения военнослужащих, и даже жертвовать во имя этих настроений своими собственными интересами[141] для соблюдения неформальных правил поведения. В своей деятельности командир должен активно нейтрализовывать отрицательных лидеров — носителей неуставных отношений и опираться на лидеров положительной ориентации, назначать их на сержантские должности, привлекать в общественный актив подразделения.

4. Пресечение любых попыток употребления алкогольных, наркотических и токсических средств подчиненным личным составом. Проведенные нами исследования свидетельствует о том, что около 14 % всех преступлений, подпадающих под признаки ст. 335 УК РФ, совершаются в состоянии опьянения. Активизация борьбы с пьянством и другими патоманиями (наркотизмом и токсикоманией) могла бы объективно способствовать снижению остроты проблемы неуставных проявлений в Вооруженных Силах Российской Федерации.

5. Постоянное, системное и всестороннее изучение командиром личности подчиненных. Значение данной деятельности для предупреждения неуставных отношений сложно переоценить, так как она является основой всей работы командира в рассматриваемом предупредительном направлении. Такое изучение должно вестись в двух направлениях, обеспечивающих, с одной стороны, изучение персональных качеств подчиненных военнослужащих, а с другой — изучение свойств и качеств микрогрупп и всего коллектива в целом.

Первое направление включает:

а) индивидуальное прогнозирование преступного поведения, позволяющее выделить в условную группу военнослужащих, склонных к совершению антиуставных посягательств, а также оптимизировать работу по коррекции их криминогенных качеств либо создать объективную обстановку, исключающую возможность совершения ими таких правонарушений;

б) прогнозирование возможной социальной роли, которую исполняет или может исполнять в ближайшем будущем конкретный военнослужащий. Это необходимо для того, чтобы точно знать, на кого можно опереться в профилактической работе, а кого держать под усиленным контролем;

---

[141] См.: *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 72.

в) прогнозирование степени виктимности конкретного военнослужащего или штатной должности, что важно для правильного подбора и назначения воинов на виктимогенные должности и правильной организации защиты наиболее виктимных военнослужащих.

Второе направление необходимо для прогнозирования и предупреждения межгрупповых или межличностных конфликтов в военно-служебной сфере или в воинском быту, своевременной их локализации, а также для формирования позитивных «коллективных» настроений в воинском подразделении.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что основной комплекс мер предупреждения неуставных отношений, достаточный для организации удовлетворительной системы деструктивного воздействия на эти преступления, строится преимущественно на основе уже имеющихся в предупредительной практике специально-криминологических мер организационного, управленческого и воспитательного характера. Также следует признать, что у воинских должностных лиц имеется достаточно реальных и потенциальных возможностей (реализуемых на сегодняшний день не в полной мере) для предупреждения и профилактики неуставных отношений, успешное использование которых позволит в значительной степени снизить темпы прироста данной преступности, а в перспективе и стабилизировать ее.

§ 3. Оптимальная система предупреждения и профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими

Деструктивное воздействие на преступность военнослужащих в сфере уставных взаимоотношений должно носить непрерывный, стабильный и поступательный характер. Только при выполнении этих условий удовлетворительная система предупреждения и профилактики рассматриваемых преступлений сможет функционировать результативно. Однако с учетом того, что удовлетворительная система в силу ограниченности используемых средств и методов способна привести в лучшем случае к стабилизации и незначительному уменьшению уровня преступности в исследуемой сфере, для организации более эффективной борьбы с преступлениями на почве неуставных отношений требуется создание и внедрение в предупредительную практику качественно иной, *оптимальной,* системы воздействия на эту преступность.

В отличие от удовлетворительной системы, устраняющей внутренний криминогенный комплекс воинской преступности и блокирующей некоторые детерминанты внешнего, оптимальная система предупреждения неуставных отношений, их профилактики и борьбы с ними предполагает не только разрушение непосредственно воинской криминогенности, но и блокирование если не всего, то большей части внешних детерминант рассматриваемых преступлений. В этом смысле актуальной представляется научная позиция С.М. Иншакова, утверждающего, что «оптимальной может быть признана такая система воздействия на преступность, которая способна обеспечить максимальные для данного уровня эволюции общества результаты в уменьшении общественной опасности криминала»[142]. Разработка, внедрение и реализация оптимальной системы потре-

[142] См.: *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России. С. 409.

буют от общества и государства значительных материальных, кадровых, организационных и временных затрат, единства политической воли, соответствующей идеологии, культуры и глубокого научного обоснования. Данные обстоятельства позволяют отнести рассматриваемую систему предупреждения и профилактики неуставных взаимоотношений к разряду стратегических и перспективных, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что результаты ее функционирования будут получены лишь в отдаленной перспективе. Однако качественное совершенствование организации и осуществления борьбы с рассматриваемыми преступлениями диктует настоятельную необходимость разработки и реализации комплекса мер воспитательного, социально-экономического, организационно-правового и уголовно-правового характера, составляющего содержание оптимальной системы воздействия на преступность.

Меры предупреждения и профилактики воспитательного характера в рассматриваемой системе предполагают комплексное идеологическое, культурное и религиозное воздействие на сознание молодых граждан (как военнослужащих, так и гражданской молодежи) в целях формирования и культивирования устойчивых личностных качеств позитивной направленности, не совместимых с совершением рассматриваемых преступлений. Система этих мер имеет сложную структуру, состоящую из горизонтальных и вертикальных элементов. Горизонталь анализируемой системы должны составлять меры идеологического, героико-патриотического, правового, культурного и физического воспитания, а также меры религиозно-воспитательного характера. Вертикаль, в свою очередь, предполагает согласованное использование мер горизонтальной направленности на уровнях семейного, школьного и общественного воспитания.

Одним из необходимых элементов, определяющих общую эффективность рассматриваемой системы воспитания, являются *меры идеологического воздействия*. При этом следует отметить, что объектами воздействия данных мер должны быть не только люди призывного возраста, но и остальные возрастные группы граждан России. Обществу просто необходим идеологический стержень, с помощью которого было бы проще бороться с экономическими и социальными трудностями жизни. Это позволило бы в значительной степени снизить социальную дезорганизацию общества, являющуюся, по мнению многих ученых, основным фактором преступности. Кроме того, единая для всего общества идеология способствовала бы активному формированию у граждан таких антикриминальных барьеров, как совесть и страх общественного осуждения. В современных условиях, когда основным антикриминальным барьером является исключительно страх уголовного наказания, было бы крайне продуктивным вспомнить лучшие методы идеологической пропаганды в СССР, позволявшие создать в обществе такую социально-психологическую атмосферу, при которой люди соотносили свои поступки не только с собственной выгодой, но и с интересами всего общества и государства.

Стержнем идеологической концепции могла бы стать национальная идея: например, возрождение России как сильного в экономическом и военном отношении государства — сверхдержавы. Следует специально отметить то обстоятельство, что четкая идеологическая концепция и ее правильная пропаганда имеют особое значение для военнослужащих. Это проявляется в настоятельной психологической потребности воинов

четко осознавать, что и зачем они защищают, во имя чего подвергаются ограничениям их некоторые права, для чего они терпят лишения в быту, подвергают опасности жизнь и здоровье. Поэтому актуальным и необходимым представляется скорейшее определение на высшем государственном уровне четкой идеологической концепции жизни нашего общества, возрождение механизма массового идеологического воздействия на граждан, выработка и реализация специальных методов идеологического воздействия на военнослужащих.

Эффективной реализации мер идеологического воздействия в значительной степени способствовало бы использование *мер патриотического воспитания*. Данный комплекс мер по своим целям и решаемым задачам является самостоятельным направлением воспитания как элемент оптимальной системы предупреждения и профилактики рассматриваемых преступлений. Следует отметить, что проблема патриотического воспитания в отличие от идеологического воздействия в большей степени привлекла внимание властных структур и получила достаточно серьезную юридическую проработку. В частности, государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122, определяет содержание патриотического воспитания граждан, его цели и задачи, а также механизм его реализации и ресурсное обеспечение. В свою очередь, ст. 14 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. (с изменениями и дополнениями) закрепляет обязанность Правительства Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, других федеральных органов и должностных лиц систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан. Проблема патриотического и военно-патриотического воспитания нашла свое отражение и в иных правовых актах (постановление Правительства Российской Федерации «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» от 24 июля 2000 г. № 551, приказ министра обороны Российской Федерации и Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении Инструкции об организации обучения граждан Российской Федерации начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы» от 3 мая 2001 г. № 203/1936 и др.), что свидетельствует о серьезной работе, проводимой в этом направлении.

Вместе с тем, несмотря на имеющуюся правовую базу, патриотическое и военно-патриотическое воспитание не позволяет эффективно осуществлять предупреждение и профилактику неуставных проявлений. Представляется очевидным, что для этого необходимо наличие не только концепции и законодательного закрепления системы рассматриваемых мероприятий, но и четкое правовое определение механизма их реализации, а также системы персональной ответственности должностных лиц за их выполнение. Кроме того, по нашему мнению, система патриотического и военно-патриотического воспитания не будет работать с необходимой степенью эффективности до тех пор, пока рассматриваемое воспитательное воздействие не будет носить комплексного и массового характера, позволяющего охватить все молодое поколение и сформировать у каждого подростка личную систему ценностей, основанную на пат-

риотическом сознании, чувстве гражданского долга и гордости за свою страну.

Одним из основополагающих направлений воспитательного характера в системе предупреждения и профилактики рассматриваемых преступлений являются *меры правового воспитания* призывной молодежи и военнослужащих. В проекте закона Российской Федерации «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» правовое воспитание признается самостоятельным комплексом мер общего предупреждения преступлений и определяется как систематическая деятельность субъектов предупреждения преступлений по формированию правового сознания, правовой культуры и правомерного поведения.

Как указывалось нами ранее, массовый правовой нигилизм, девальвация законности в глазах большинства граждан, правовая безграмотность большей части населения и как следствие криминализация общественных отношений и общественного сознания являются мощнейшими факторами, детерминирующими преступность в сфере уставных отношений военнослужащих. Современное положение дел с правовым воспитанием и формированием позитивной правовой культуры у наших граждан не выдерживает никакой критики. Эта работа носит бессистемный, фрагментарный, малоуправляемый и малоконтролируемый характер, не имеющий четкой правовой регламентации. В процессе проводимых в нашей стране реформ данное направление деятельности было даже исключено из ведения Министерства юстиции Российской Федерации, координировавшего ранее всю правовоспитательную работу в стране.

Очевидно, что в существующих условиях крайне необходимо активизировать процесс правового воспитания (в первую очередь молодежи), разработать и внедрить в практику четко оформленную в правовом отношении систему формирования массовой правовой культуры, представленную в виде государственной программы. Причем рассматриваемая общепредупредительная деятельность, по нашему мнению, должна осуществляться поэтапно.

Во-первых, необходимо реанимировать и актуализировать советскую систему правового воспитания и просвещения, главными достоинствами которой были ее масштабность и разветвленность. Например, в 70-х гг. XX в. ежегодно прочитывалось более полутора миллионов лекций по правовой тематике. Различные слои и группы населения обучались в народных университетах и на факультетах правовых знаний, число которых составляло более 3,5 тыс., выходили многомиллионные тиражи юридической литературы, периодических изданий[143].

Во-вторых, следует разработать, принять и реализовать государственную программу правового воспитания и просвещения граждан, учитывающую реальные экономические и организационно-кадровые возможности государства и отвечающую требованиям системы предупреждения преступности. Такая деятельность должна основываться на поэтапном решении рассматриваемых проблем путем использования мер общей и специально-криминологической профилактики преступности. Мы солидарны с мнением С.И. Герасимова, предлагающего использовать для

---

[143] См.: *Шебанов А.Ф.* Дальнейшее совершенствование социалистической демократии и законности в свете решений XXV съезда КПСС // Вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов по предупреждению правонарушений. М., 1977. С. 8.

решения рассматриваемых задач следующие меры: а) введение обязательных правовых дисциплин в школе, специальных и высших учебных заведениях; б) создание сети общественных юридических консультаций для населения; в) обеспечение доступности правовой помощи малоимущему населению; г) массовое издание специальной и популярной юридической литературы; д) создание служебных информационных передач на телевидении и радио; е) всемерную поддержку ныне действующих и создание новых ассоциаций, клубов и других общественных объединений правовой помощи населению; ж) активную правовую пропаганду среди населения работниками правоохранительных органов, судов, органов юстиции, а также просветительскими организациями; з) повышение профессионализма лиц, занимающихся правовым воспитанием и просвещением[144].

В Вооруженных Силах Российской Федерации ситуация с правовым воспитанием обстоит несколько лучше, чем в гражданском обществе. Это обусловлено спецификой их деятельности, более жесткой правовой регламентацией всех сфер военной службы и нормативным закреплением обязанности воинских должностных лиц заниматься правовым воспитанием подчиненных. Вместе с тем для организации в войсках более эффективного правового воспитания, являющегося составной частью оптимальной системы предупреждения преступлений в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих, на наш взгляд, необходимо реализовать ряд следующих мер:

а) создание и внедрение в войсках четкой системы правового воспитания и просвещения военнослужащих по призыву, нормативное определение периодичности мероприятий по правовому воспитанию, их тематики, ответственных за эту работу должностных лиц;

б) нормативное определение механизма овладения военнослужащими правовыми знаниями, составляющими содержание правового минимума;

в) разработка и нормативное закрепление обязательного минимума правовых знаний для различных категорий военнослужащих (естественно, что у офицеров объем этого минимума должен быть значительно больше, чем у рядовых), не только включающего знания воинских уставов, а носящего комплексный правовой характер, периодическая (ежеквартальная или ежегодная) аттестация всех военнослужащих лицами с юридическим образованием на предмет владения правовыми знаниями;

г) введение в высших военно-учебных учреждениях и школах по подготовке младших командиров (сержантов) обязательных правовых дисциплин (спецкурсов), охватывающих основы военно-административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминологии и виктимологии;

д) активизация работы органов военной прокуратуры и военных судов по правовому воспитанию военнослужащих, нормативное закрепление периодичности и тематики выступлений работников этих органов перед военнослужащими;

ж) нормативное определение правового воспитания военнослужащих как приоритетного направления организации воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации и всемерное способствование реальному исполнению этого принципа на практике.

---

[144] См.: *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 256.

Как отмечалось выше, одним из факторов виктимизации молодых воинов, а следовательно, фактором криминализации межличностных отношений военнослужащих является их слабая подготовка к военной службе. Особо негативную роль при этом играет низкий уровень физической подготовки молодых военнослужащих. Следовательно, в ряду воспитательных мер оптимальной системы предупреждения рассматриваемых преступлений необходимо предусмотреть и *меры физического воспитания* призывного контингента. Содержание конкретных мер данного направления воспитательной работы вполне очевидно и не нуждается в особом рассмотрении. Кроме того, цели, задачи и формы этой деятельности общества и государства получили вполне солидное законодательное закрепление[145]. Однако следует отметить, что рассматриваемые меры нуждаются в более четком определении условий и механизма их реализации, что предполагает крупные материальные и организационно-кадровые затраты государства, остающиеся на сегодняшний день крайне недостаточными для обеспечения этого направления воспитания будущих воинов.

Особое значение в системе предупреждения преступлений в сфере уставных взаимоотношений имеют *меры культурно-воспитательного характера*, реализация которых предполагает не только повышение общей культуры всего населения, но и формирование высокой нравственности, культуры оптимального межличностного и межгруппового общения, основ созидательного, а не потребительского отношения к миру, уважительного отношения к окружающим, в первую очередь у молодежи. Вполне очевидно, насколько прав был Э. Дюркгейм, утверждавший, что «нравственность — это обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить»[146]. Также вполне очевидно, что преступления в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих — прямое следствие недостатка нравственности и духовности в современном обществе.

Процесс формирования позитивной культуры всего общества сложен, многоаспектен и предполагает реализацию множества общих и специальных мер. Не затрагивая этих сложных вопросов, мы все же хотели бы отметить, что без принятия и реализации в этом направлении конкретных государственных программ вести речь о сколько-нибудь значимом изменении нравственно-культурного фона жизни нашего общества просто невозможно. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева, который отмечает: «Представляется плодотворной идея создания Комитета духовного возрождения России, который взял бы на себя подготовку комплексной государственной программы возрождения духовной культуры и нравственности населения. Такая программа

---

[145] См., например: подпрограмма «Физическое воспитание и оздоровление детей, подростков и молодежи в Российской Федерации (2002—2005 годы)» федеральной целевой программы «Молодежь России (2001—2005 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2002 г. № 363, а также совместный приказ министра обороны Российской Федерации и Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении Инструкции об организации обучения граждан Российской Федерации начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы» от 3 мая 2001 г. № 203/1936.

[146] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 53.

могла бы сделать движение вперед в сфере нравственности и культуры более определенным»[147].

Применительно к предупреждению преступлений в сфере уставных отношений военнослужащих меры культурно-воспитательного характера, по нашему мнению, должны быть направлены в первую очередь:

а) на нейтрализацию негативных аспектов массовой культуры, проявляющихся в формировании стереотипов насилия как главного, а иногда и единственного средства решения личных проблем;

б) на переориентацию отечественных масс-медиа структур с прозападного способа подачи информации на более приемлемый в духовно-нравственном отношении, отказ от «рейтинговых», но «пустых», а иногда и вредных передач, введение разумной цензуры нравственного и антикриминогенного содержания;

в) на блокирование дальнейшей трансформации системы социально одобряемых ценностей из сферы духовно-нравственной в сферу материальную, происходящей под негативным влиянием массовой культуры, формирование и государственную пропаганду системы истинных общечеловеческих ценностей;

г) на нейтрализацию влияния на молодое поколение «антикультуры» и криминальной субкультуры, нормативное закрепление ответственности (вплоть до уголовной) за пропаганду криминального образа жизни, «воровской» идеологии.

Перечень указанных мер, разумеется, не является исчерпывающим для изменения ситуации в сфере воинской насильственно-корыстной преступности. Однако эти меры — тот необходимый минимум культурно-воспитательного воздействия, без которого порочную идеологию «культа силы», так ярко проявляющуюся в среде военнослужащих по призыву, невозможно истребить даже самыми жесткими мерами борьбы с неуставными отношениями.

Культурно-воспитательное воздействие следует оказывать и в ходе прохождения молодыми людьми военной службы. Эта работа предусмотрена воинскими уставами и актами органов военного управления, обязывающими всех военнослужащих уважительно относиться к сослуживцам и начальникам, гражданским лицам, соблюдать правила воинской вежливости, быть примером для подчиненных, не допускать грубости и т. д. Необходимо лишь добиваться реального исполнения этих норм военнослужащими как рядового, так и начальствующего состава. Причем данная деятельность должна носить максимально интенсивный, регулярный и циклический характер.

Отдельной проблемой, практически не урегулированной военным законодательством, является негативное влияние на сознание военнослужащих средств массовой информации, муссирующих проблему неуставных отношений, нуждающееся в нейтрализации или коррекции путем применения специальных мер. Основываясь на предложениях И.М. Мацкевича[148], мы полагаем, что для решения этой проблемы необходимо:

---

[147] *Кудрявцев В.Н.* Идеология, культура, нравственность и проблемы преступности // Духовность. Правопорядок. Преступность: Тезисы докладов научной конференции. М., 1996. С. 57.

[148] См.: *Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих и ее освещение в печати // Преступность и культура / Под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 122.

а) ввести в материалы СМИ о Вооруженных Силах Российской Федерации специальную рубрику о борьбе с преступностью, в которой предложить к публикации статистические данные органов военной юстиции и аналитические материалы экспертов по проблемам преступности военнослужащих;

б) освещать в прессе различные, иногда противоположные, точки зрения на факты преступности в сфере уставных взаимоотношений, особенно в случаях, получивших большой общественный резонанс;

в) чаще публиковать положительные материалы о Вооруженных Силах Российской Федерации, так как отношение общественности к Вооруженным Силам прямо пропорционально уровню воинской дисциплины;

г) отражать в прессе не только факты совершения преступлений, но и результаты следствия и судопроизводства в целях общей превенции и демонстрации эффективности работы правоохранительных органов;

д) освещать положительные моменты деятельности органов военного управления по профилактике и предупреждению неуставных отношений не только на страницах ведомственных изданий («Красной звезды»), но и в центральных, наиболее читаемых молодежью газетах, публиковать материалы о каждом успехе в деле борьбы с «дедовщиной».

В немалой степени предупреждению исследуемых преступлений способствовало бы активное использование *религиозно-воспитательных мер*, огромный воспитательный и превентивный потенциал которых оказался до настоящего времени практически не востребованным в борьбе с воинской преступностью в целом и с неуставными отношениями в частности. К сожалению, эти меры не имеют правовой регламентации и воспринимаются многими воинскими начальниками с предубеждением и опасением. Между тем практика показывает, что меры религиозного воспитания дают высокий положительный эффект даже в учреждениях уголовно-исполнительной системы при исправлении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, в том числе и рецидивистов. Вполне очевидно, что в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации воспитательно-профилактическая работа представителей традиционных религиозных конфессий имела бы высокую степень эффективности, о чем свидетельствуют некоторые результаты такой деятельности. Например, в СибВО накоплен определенный опыт совместной работы воинских командиров и начальников с представителями Русской православной церкви и других религиозных объединений. На территории пяти военных гарнизонов силами и средствами воинских частей построены православные церкви. Общение священнослужителей с военнослужащими и членами их семей помогает улучшить нравственный климат в воинских коллективах и семьях военнослужащих. Широко применяются такие формы, как богослужения, беседы вне церкви (на плацу, в казарме, в полевых условиях), церемонии освящения оружия, боевой техники. Исследования, проведенные в этих воинских частях, указывают на снижение уровня преступлений, связанных с нарушением уставных правил взаимоотношений, на 50 %[149].

---

[149] См.: *Кочешев С.П.* Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2000. С. 116.

Основополагающим, определяющим жизнеспособность всей системы предупреждения и профилактики преступлений в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих и в то же время самым трудно реализуемым в современных условиях является комплекс *мер социально-экономического характера*. Без надлежащего экономического сопровождения (реализации принципа «адекватного обеспечения» предупреждения преступности), изменения социальных условий жизни семей призывников, повышения социально-экономического статуса офицеров и младших командиров, достаточного финансирования нужд армии и флота все другие меры предупреждения и профилактики неуставных отношений могут превратиться в очередную бессистемную, локальную и нерезультативную «акцию по искоренению...».

Реализация рассматриваемой группы мер имеет, по меньшей мере, два направления. Первое — общесоциальное, направленное на блокирование или минимизацию факторов анализируемой преступности, проистекающих из сферы жизни гражданского общества, формирующего призывной контингент. Второе направление связано с особенностями нейтрализации социально-экономических причин рассматриваемых деликтов, имеющих воинское происхождение. Ввиду общеизвестности, глобальности и в целом достаточно высокой научной разработанности общие превентивные мероприятия социально-экономического характера не нуждаются в детальном рассмотрении в настоящем издании. Однако, по нашему мнению, существует некоторый комплекс мер общесоциального характера, имеющий прямое отношение к преступлениям в сфере уставных взаимоотношений, необходимость реализации которого определяется сущностью оптимальной системы предупреждения и профилактики рассматриваемых преступлений. Без реализации этого комплекса практически невозможно изменить качество и интенсивность антикриминального воздействия на неуставные отношения. К нему следует отнести меры следующего содержания:

1. Минимизация негативных последствий социального расслоения, снижение интенсивности процесса социальной поляризации нашего общества. Меры данного направления должны преследовать цель сокращения социальной пропасти между молодежью, попадающей на военную службу, и той ее частью, которая различными способами уклоняется от нее. Очевидно, что этот процесс должен идти не по пути искусственного уменьшения доходов последней группы населения, а по пути увеличения социальной защищенности и экономического благосостояния семей, из которых реально призывается большая часть военнослужащих. Реализация данной меры позволит увеличить интеллектуальный и физический (имеется в виду здоровье) потенциал призывного контингента и как следствие снизить виктимность и криминогенность социально-психологических характеристик военнослужащих по призыву. Кроме того, сведение к минимуму социальной незащищенности, бедности и нищеты призываемого на военную службу социального слоя выступает главным направлением нейтрализации негативного влияния «улицы», являющегося крайне питательной средой формирования у призывников криминогенных качеств, блокирования позитивного воспитательного воздействия семьи и школы.

2. Материальная поддержка малоимущих и неполных семей со стороны государства. Как уже отмечалось, неполные и малоимущие семьи призывников, как правило, не способны в силу объективных (в первую

очередь материальных) причин оказать воспитательное воздействие, достаточное для формирования у призывника антикриминогенных личностных качеств. Статистические данные органов военной юстиции свидетельствуют, что у военнослужащих из неполных семей риск совершить противоправное деяние в сфере уставных отношений или самому оказаться жертвой подобных деяний на порядок выше, чем у воинов, воспитанных двумя родителями. Чтобы нейтрализовать эту закономерность, необходимо проявлять реальную государственную заботу о таких семьях, выражающуюся в их материальной поддержке (целевые дотации, пособия, льготы по оплате услуг ЖКХ, полное продовольственное обеспечение детей и др.), подлинной социальной защищенности (медицинское, санаторно-курортное и другие виды обслуживания), помощи специализированных социальных служб, обеспечивающей нормальное воспитание ребенка.

3. Создание, финансирование и развитие государственной системы досуговых учреждений для детей, подростков и молодежи. В связи с тем, что незанятость и безделье подростков являются основой формирования криминогенных качеств и приобретения личного криминогенного опыта, а впоследствии и использования этого опыта при прохождении военной службы, необходимо ликвидировать саму возможность ситуации, при которой подростки предоставлены сами себе и «улице». Для этого необходимо, используя отечественный опыт советского времени, создать и внедрить в практику современную систему учреждений, занимающихся организацией бесплатного (либо реально доступного) досуга подростков, включающую спортивные, художественные, научные, творческо-прикладные и иные направления деятельности. При этом полное финансирование и контроль деятельности такой системы должны осуществляться государством.

4. Развитие системы ранней диагностики и профилактики психических заболеваний детей и подростков. Исследования в области насильственной преступности свидетельствуют о тенденции к увеличению психических отклонений, не исключающих вменяемости, являющихся детерминантами криминальной агрессии. Для ее нейтрализации необходимо воссоздать имевшуюся ранее систему тотальной диспансеризации с обязательным включением в нее детских и подростковых невропатологов и психологов. Выявленные психические патологии и отклонения должны подлежать обязательному лечению, полностью финансируемому государством. Кроме того, для профилактики подобных расстройств у будущих призывников необходимо активно использовать не только медицинские, но и другие, например спортивные, методы. Как справедливо отмечает Н.Г. Иванов: «Для того чтобы купировать подобные аномалии, необходимо дать субъекту возможность преобразовать избыток энергии и направить его в социально полезное русло. В этом плане спорт является панацеей, способной снять не только излишнее возбуждение индивида, но и нейтрализовать его агрессивность. Например, боксеры нередко утверждают, что ринг для них является местом, где они могут снять агрессию, не приходя в конфликт с законом»[150].

5. Активное, приоритетное противодействие детскому и юношескому наркотизму и пьянству. С учетом того, что в последние годы среди при-

---

[150] *Иванов Н.Г.* Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С. 213.

зывников 15 % составляют лица, злоупотребляющие спиртными напитками, 9 % — употребляющие наркотические или токсические средства, а около 15 % всех преступлений, подпадающих под признаки ст. 335 УК РФ, совершаются в состоянии опьянения, государству необходимо активизировать борьбу с молодежным пьянством и наркотизмом. Должна быть разработана и внедрена система мер, направленных на реальное ограничение доступности спиртного для подростков (ограничения, установленные современным законодательством, недостаточно эффективны), пресечение деятельности подпольного алкогольного бизнеса, усиление ответственности (в том числе уголовной) за нарушение антиалкогольного законодательства и вовлечение несовершеннолетних в потребление спиртного или наркотиков, усиление карательной политики за хранение и распространение наркотических средств, введение уголовной ответственности за употребление наркотиков.

Комплекс мер социально-экономического характера, применяемый в Вооруженных Силах Российской Федерации, помимо указанных выше направлений, должен обязательно затронуть проблемы повышения социального статуса офицерского и сержантского корпуса, материального положения семей военнослужащих по контракту и нормального финансирования жизнедеятельности войск. Мы полагаем, что в данный комплекс целесообразно включить следующие меры:

1. Скорейшую реализацию провозглашенного высшими государственными лицами принципа оплаты труда военнослужащих по контракту, в соответствии с которым их материальное благосостояние должно быть на уровне государственного служащего среднего звена. С учетом полной, практически ненормированной служебной (трудовой) занятости военнослужащих по контракту государство должно создать им такие материальные и социально-бытовые условия, которые позволили бы им как минимум не отрываться от службы для решения личных материальных проблем, а как максимум дорожить своей службой и бояться ее потерять.

2. Улучшение социальной защищенности военнослужащих по контракту и членов их семей. Конкретное содержание данного направления вполне очевидно, общеизвестно и достаточно объемно. Не имея возможности подробно рассмотреть данную проблему, укажем лишь на то обстоятельство, что создание привлекательных социальных, материальных и бытовых условий военнослужащим по контракту и членам их семей позволило бы решить проблему офицерских и сержантских кадров не только в количественном, но и в качественном отношении, вплоть до заключения контракта на серьезной, реально конкурсной основе. Это исключило бы возможность нахождения в Вооруженных Силах Российской Федерации непрофессиональных, безразличных, безнравственных, откровенно ленивых, пьющих офицеров и младших командиров, не говоря уже о лицах с криминализированной мотивационной сферой.

3. Осуществление своевременного полномасштабного финансирования: а) боевой подготовки войск; б) денежного довольствия военнослужащих по призыву; в) продовольственного довольствия военнослужащих по призыву; г) вещевого довольствия военнослужащих по призыву; д) мероприятий по обеспечению нормальных бытовых условий службы военнослужащих по призыву (банно-прачечное обслуживание, оборудование спальных, бытовых, спортивно-досуговых и других помещений).

4. Социально-экономическое стимулирование добросовестной службы военнослужащих по призыву. Например, это может быть достаточно крупная денежная премия при увольнении в запас, различные премии в ходе прохождения службы, приобретение в процессе службы востребованной и хорошо оплачиваемой в гражданском обществе трудовой специальности, гарантия поступления в вузы на бюджетной основе и др. При этом следует отметить, что отдельные попытки реализовать нечто подобное в практике военного управления уже имели место. Однако в силу коммерциализации современных общественных отношений и отсутствия должного внимания со стороны центральных органов власти к этой проблеме механизм предпринимаемых мер на сегодняшний день оказывается нерезультативным. Например, приказ министра обороны Российской Федерации «О порядке выдачи военнослужащим, увольняемым с военной службы, и гражданам, уволенным с военной службы, рекомендаций на внеконкурсное зачисление в государственные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования» от 21 января 1999 г. № 20, несмотря на всю очевидность позитивности и реальности стимулирования добросовестной службы военнослужащих, оказывается на практике практически невостребованным. Для действенности, а не декларативности подобных мер необходимы реальные, нормативно закрепленные и финансово обеспеченные гарантии государства.

Не меньшее значение для успешного функционирования оптимальной системы предупреждения преступлений в сфере уставных взаимоотношений военнослужащих имеют *меры организационно-правового характера*. Данное направление предполагает проведение комплекса организационно-управленческих мероприятий по нейтрализации причин рассматриваемых нами преступлений и их правовое закрепление. При этом следует отметить, что практически все мероприятия указанного комплекса имеют универсальный характер, т. е., помимо предупреждения воинской преступности, преследуют и ряд иных, не связанных с антикриминогенным воздействием целей, направленных на совершенствование военной службы. По нашему мнению, для организации и осуществления оптимального предупреждения преступлений в сфере уставных взаимоотношений необходимо реализовать следующие меры организационно-правового характера:

1. Введение в действие закона Российской Федерации «Об основах государственной системы предупреждения преступлений», закрепляющего государственную систему предупреждения преступлений, устанавливающего основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью этой системы и нормативно определяющего цели, задачи, виды предупредительной деятельности, ее субъектов и объекты. Принятие подобного правового акта могло бы урегулировать на системной основе процессы противодействия криминогенным явлениям в обществе и Вооруженных Силах Российской Федерации, обеспечения сдерживания общеуголовной и воинской преступности, нейтрализации ее негативных последствий, устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений, общей и индивидуальной профилактики.

2. Дополнение и изменение некоторых положений ДУ ВС РФ в целях устранения противоречий между объемом обязанностей командира по поддержанию воинской дисциплины, реальными возможностями (правами) по выполнению этих обязанностей и ответственностью командира

за ненадлежащее их выполнение. Как указывалось нами выше, данное противоречие, а точнее «размытость» и неконкретизация формулировок обязанностей командира, отсутствие реальных (действенных) рычагов борьбы с нарушениями воинской дисциплины, возможность презюмирования вины командира практически в любом проступке подчиненного являются мощнейшими факторами детерминации неуставных отношений, их воспроизводства и латентизации. Представляется, что изменения и дополнения ДУ ВС РФ должны происходить по нескольким направлениям.

Во-первых, следует исключить возможность произвольного толкования персональной ответственности командира буквально за все сферы жизнедеятельности подчиненного подразделения. С этой целью необходимо сузить круг его обязанностей и объектов его личной ответственности до реально необходимых для нормального функционирования подчиненного «воинского организма». Командир не должен отвечать абсолютно за все, в том числе за состояние дисциплины! Он должен отвечать только за свои конкретные действия (или бездействие) по поддержанию и повышению воинской дисциплины. В частности, ст. 72 УВС ВС РФ устанавливает, что командир отвечает за воинскую дисциплину и морально-психологическое состояние личного состава. Данное положение продублировано ст. 5 ДУ ВС РФ. Представляется, что подобная «универсальность» правовых норм и поставила современных офицеров перед выбором: или доложить о факте неуставных отношений по команде и быть обвиненным в невыполнении указанных положений уставов и соответственно понести дисциплинарное наказание, или не доложить, т. е. скрыть данный факт, и остаться «примерным» офицером. По нашему мнению, в действующем ДУ ВС РФ широко представлены нормативные положения, в достаточной степени регламентирующие конкретные обязанности командира по поддержанию воинской дисциплины и не требующие указаний общего характера, подобно содержащимся в ст. 72 УВС ВС РФ и ст. 5 ДУ ВС РФ. В частности, ст. 6 ДУ ВС РФ вполне четко регламентирует такие обязанности (изучать личный состав, знать состояние воинской дисциплины, систематически анализировать ее состояние и т. д.). Именно за невыполнение или ненадлежащее выполнение этих обязанностей и должен отвечать командир подразделения. Поэтому указанные и аналогичные им положения ст. 72 УВС ВС РФ и ст. 5 ДУ ВС РФ следует из действующих редакций исключить, а для решения вопроса об ответственности командира за состояние воинской дисциплины руководствоваться ст. 6 ДУ ВС РФ. В дополнение к этому необходимо конкретизировать положение ч. 3 ст. 8 ДУ ВС РФ и изложить ее примерно в следующей редакции: «За преступления, происшествия и проступки подчиненных, не являющиеся прямым следствием приказов и распоряжений, отданных командиром (начальником), или его бездействия по их предупреждению командир (начальник) ответственности не несет».

Во-вторых, ввести в перечень полномочий командира по поддержанию воинской дисциплины реальные, действенные меры поощрения добросовестных воинов и взыскания с нарушителей воинской дисциплины. С этой целью необходимо закрепить в воинских уставах меры поощрения социально-экономического и морального характера, о которых было сказано выше, разработать и внедрить в практику эффективный механизм дисциплинарного ареста, налагаемого командиром, закре-

пить в ДУ ВС РФ другие меры взыскания, отвечающие характеру современных общественных отношений (штраф, временное лишение каких-либо благ и др.).

В-третьих, предусмотреть в ДУ ВС РФ отдельный раздел, закрепляющий четкий перечень наиболее грубых дисциплинарных проступков и конкретных санкций за их совершение, изложив его по принципу действующего УК РФ или КоАП РФ

В-четвертых, ввести в ДУ ВС РФ отдельную норму, предусматривающую повышенную дисциплинарную ответственность военнослужащих за нарушение уставных правил взаимоотношений при отсутствии признаков преступления, чем создать четкую границу между рассматриваемыми преступлениями и дисциплинарными проступками аналогичной направленности. Примерная редакция такой нормы может быть следующая:

«Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии признаков преступлений, посягающих на установленный порядок взаимоотношений военнослужащих, либо формально подпадающее под признаки этих преступлений, но в силу малозначительности не представляющее большой общественной опасности, —

наказывается штрафом в размере от 2 до 5 месячных окладов денежного содержания, либо лишением права увольнения сроком до 1 месяца (для военнослужащих по призыву), либо арестом с содержанием на гауптвахте сроком от 7 до 15 суток, либо лишением основного отпуска или его сокращением до 10 суток (для военнослужащих по призыву), либо увольнением с позором из Вооруженных Сил (для военнослужащих по контракту)».

В-пятых, ввести в ДУ ВС РФ норму, предусматривающую дисциплинарную ответственность командира за бездействие в случае получения информации о правонарушениях подчиненных либо за сокрытие фактов этих правонарушений при отсутствии в его деянии признаков преступления. Примерная диспозиция такой нормы могла бы выглядеть следующим образом:

«Бездействие командира (начальника) в случае получения им информации независимо от ее источника о фактах правонарушений (преступлений), совершенных его подчиненными, то есть уклонение от применения необходимых мер предупреждения или пресечения таких деяний, а равно нарушение установленного порядка информирования вышестоящего командования о совершенных правонарушениях или регистрации таких деяний подчиненных при отсутствии в деянии командира (начальника) признаков преступления».

Вполне очевидно, что указанные выше изменения и дополнения воинских уставов должны быть соотнесены с изменением некоторых норм других правовых актов, затрагивающих вопросы прохождения военной службы и правового статуса военнослужащих.

3. Изменение системы комплектования войск военнослужащими по призыву. По указанным нами ранее основаниям представляется необходимым:

— во-первых, изменить возраст призыва на военную службу и установить его в 21 год, что позволит комплектовать войска достаточно зрелыми в социальном отношении, имеющими некоторый жизненный опыт, психически устойчивыми людьми со сложившейся системой личност-

ных ценностей и некоторыми навыками решения проблем межличностного общения;

— во-вторых, сократить срок службы по призыву до одного года[151], а периодичность самого призыва — до одного раза в год, что позволит частично устранить возрастную неоднородность воинских коллективов и неформальные основания разделения военнослужащих по срокам призыва, являющиеся существенной предпосылкой неуставных отношений;

— в-третьих, внести в нормативные акты, определяющие основания и порядок призыва на военную службу (Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», Положение о порядке прохождения военной службы, Положение о военно-врачебной экспертизе и др.), изменения и дополнения, исключающие возможность призыва в войска лиц, имеющих судимость за умышленные преступления любой тяжести, употребляющих наркотические или токсические средства, злоупотребляющих алкоголем, имеющих любые формы психических расстройств или патологий.

4. Совершенствование института сержантского корпуса, имеющее целью создать реально дееспособную структуру осуществления первичного управления Вооруженными Силами Российской Федерации. Сержантский состав в любой армии является основой ее боевой мощи, жизнеспособности и управляемости. Находясь рядом с подчиненными практически все время от подъема до отбоя, сержанты даже в большей степени, чем офицеры, способны поставить непреодолимый заслон неуставным отношениям. Однако для этого сержантский состав должен быть сильным, авторитетным и уважаемым как начальниками, так и подчиненными институтом Вооруженных Сил. Представляется, что формирование у сержантского состава подобных качеств может проходить в двух направлениях.

Во-первых, наиболее целесообразно было бы пойти по пути смешанного комплектования войск, где все сержантские должности замещались бы на контрактной конкурсной основе лицами, отслужившими установленные сроки службы по призыву и положительно себя при этом зарекомендовавшими. Перед назначением на должность будущие сержанты должны успешно пройти обучение в специальных школах, где, помимо профессиональных дисциплин, изучали бы основы военной психологии, педагогики и криминологии. Реализация данного направления потребует создания дополнительных материальных, социальных и моральных стимулов для претендентов на сержантские должности. В противном случае сержант-контрактник будет мало чем отличаться от сержанта-призывника или, что еще хуже, призывника-«старослужащего».

Во-вторых, до того момента, когда все сержантские должности будут замещены военнослужащими по контракту на указанной выше основе, сержантские должности придется частично комплектовать из числа призывников. Поэтому действующую в настоящее время систему подбора и обучения будущих сержантов следует изменить. Представляется, что необходимо отказаться от направления на обучение только что призванных юношей. Такое направление следует производить только

[151] Во время работы над настоящей книгой Правительством Российской Федерации было официально объявлено о подготовке проекта о внесении изменений в законодательство Российской Федерации, устанавливающих срок военной службы по призыву в один год. Насколько полно будет реализовано данное заявление на практике, покажет время.

после выявления в процессе прохождения службы реальных морально-деловых качеств претендента на сержантскую должность, отслужившего не менее четверти всего срока службы по призыву. После же обучения военнослужащий должен вернуться в то подразделение, откуда был направлен на учебу. Это даст возможность командирам выбирать, готовить и назначать на сержантские должности действительно способных, инициативных и авторитетных воинов, не только способных справиться с задачами по поддержанию воинской дисциплины, но и реально стремящихся это сделать.

5. Введение института военной полиции. Исторический опыт свидетельствует, что соотношение военно-полицейских и непосредственно воинских формирований должно быть примерно 1 : 10 (так было в армии Чингисхана). Примерно такое же соотношение имеет армия США. Как указывалось нами выше, необходимость создания военной полиции на сегодняшний день не просто актуальна, а сверхактуальна. Для реализации указанной меры необходимо как можно скорее принять закон «О военной полиции», который наряду с функциями обеспечения нормальной жизнедеятельности Вооруженных Сил Российской Федерации (патрулирование, охрана военного имущества, сопровождение и охрана военнослужащих, совершивших правонарушения, и др.) наделил бы эту структуру полномочиями по предупреждению и пресечению правонарушений военнослужащих, установлению и розыску лиц, совершивших преступления, а также передал бы ей функции органа дознания, лишив соответственно этих функций военное командование. Указанный закон должен предусмотреть полную независимость военной полиции от органов управления Министерства обороны Российской Федерации. Такая независимость могла бы быть обеспечена нахождением данной структуры в системе Министерства юстиции или Министерства внутренних дел Российской Федерации.

6. Совершенствование научной основы антикриминального воздействия на преступность военнослужащих, предусматривающее создание специальных научных центров в системе каждого министерства или ведомства, в которых предусмотрена военная служба, объединение всех этих научных подразделений в единую систему с правом прямого «выхода» ее руководителей на любое должностное лицо любого государственного органа для обеспечения эффективного мониторинга воинской преступности, разработки, внедрения и коррекции мер ее предупреждения и профилактики. Реализация данного направления предполагает повышение уровня системности научных исследований, достаточное (оптимальное) их финансирование со стороны государства, четкую, дебюрократизированную, нормативно оформленную процессуальную основу деятельности указанных научных подразделений.

К иным мерам организационно-правового характера, входящим в оптимальную систему предупреждения и профилактики неуставных отношений военнослужащих, следует отнести: введение института Уполномоченного по правам человека в Вооруженных Силах Российской Федерации; изменение системы учета совершенных преступлений в военной прокуратуре; исключение какой бы то ни было зависимости органов военной прокуратуры от органов военного управления Министерства обороны Российской Федерации, других министерств и ведомств, в которых предусмотрена военная служба, и другие меры, подробное рас-

смотрение которых в настоящем издании не представляется возможным в силу их глобальности и структурной сложности.

Таким образом, рассмотренные нами меры предупреждения и профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих позволяют сформулировать ряд следующих выводов:

1. С учетом того, что рассматриваемый военно-криминальный феномен (неуставные взаимоотношения) относится к категории системных явлений, представляется необходимым и единственно правильным противопоставить преступности военнослужащих в сфере уставных правил взаимоотношений комплексную систему предупреждения и профилактики, состоящую из микро-, мини- и макромер, объединенных в целостную удовлетворительную или оптимальную систему.

2. Удовлетворительная система, реализуемая в основном субъектами микро- и миниуровня антикриминального воздействия, при некоторой поддержке субъектов макроуровня, используя минимальные материально-финансовые ресурсы, способна при правильной организации ее использования привести к уменьшению темпов прироста и стабилизации рассматриваемой преступности уже в настоящее время.

3. Оптимальная система, имея стратегическую природу и включая в себя широкий комплекс мер воспитательного, социально-экономического, организационно-правового и уголовно-правового характера, потребует от государства значительных материальных, финансовых и организационных, но полностью окупаемых в перспективе затрат. Более того, без внедрения и приоритетного использования этой системы сколько-нибудь эффективное антикриминальное воздействие на рассматриваемую преступность военнослужащих представляется невозможным. Только целенаправленная, согласованная, хорошо обеспеченная деятельность всего общества и государства по борьбе с неуставными отношениями в армии и на флоте даст желаемые и ощутимые результаты по искоренению этого позорного явления из жизни военнослужащих.

Раздел II. Практические рекомендации по выявлению, пресечению и предупреждению неуставных взаимоотношений в воинском коллективе[152]

Глава 1. Изучение личности военнослужащих и индивидуальное прогнозирование преступного поведения

§1. Изучение командиром личности подчиненных как первая ступень борьбы с неуставными взаимоотношениями

Общеизвестно, что любая сложная деятельность должна быть надлежащим образом обеспечена[153]. Чем лучше обеспечение, тем эффективнее будет предстоящая деятельность. Организация борьбы с неуставными взаимоотношениями военнослужащих в этом смысле не является исключением. В обеспечении такой борьбы первым и наиболее важным элементом является информационное обеспечение[154] — особый вид деятельности, обусловленный спецификой самого продукта обеспечения — информацией, ее ролью и значением. Без наличия своевременной и достоверной информации практически невозможно функционирование системы разрушающего воздействия на неуставные отношения.

В рамках предупреждения и профилактики неуставных отношений наиболее важной для организации такой деятельности является та часть информационного обеспечения, которая охватывает изучение командиром подчиненного личного состава. Причем такое изучение должно вестись в двух направлениях. Первое — изучение индивидуальных свойств и качеств отдельных военнослужащих. Второе — изучение свойств и качеств микрогрупп и всего коллектива в целом.

Первое направление позволяет провести:

1. Индивидуальное прогнозирование преступного поведения. Это необходимо для выделения в условную группу военнослужащих, склон-

---

[152] Настоящий раздел посвящен практическим рекомендациям по минимизации неуставных взаимоотношений военнослужащих, где субъектом антикриминального воздействия выступают командиры подразделений ротного звена. Именно этой категории читателей главным образом и адресован данный раздел настоящей книги.

[153] Научно обоснованная система обеспечения практической деятельности предполагает наличие таких видов обеспечения, как: информационное, организационное, материально-техническое, научное, кадровое и др.

[154] Подробнее о понятии и содержании информационного обеспечения см., например: *Звежинский С.В.* Информационное обеспечение научно-технических разработок. Львов, 1982; *Блек А.В.* Информационное обеспечение научных исследований (На примере физиологии). Л., 1972; *Филиппов С.С.* Информационное обеспечение советской физической культуры: Дисс. ... докт. педагог. наук. Л., 1991; *Иванов Р.Н.* Организация и методика информационной работы. М., 1982 и др.

ных к совершению противоправных деяний на почве неуставных отношений, а также для оптимизации работы, направленной на коррекцию их криминогенных качеств либо создание объективной обстановки, при которой практически невозможно совершить такие правонарушения.

2. Прогнозирование возможной социальной роли, которую играет или может сыграть в будущем конкретный военнослужащий. Это необходимо для того, чтобы точно знать, на кого можно опереться в профилактической работе, а кого держать под усиленным контролем.

3. Прогнозирование степени виктимности конкретного военнослужащего или штатной должности. Это необходимо для правильного подбора и назначения солдат (матросов) на «виктимные» должности и правильной организации защиты наиболее угнетаемых военнослужащих.

Второе направление необходимо для прогнозирования конфликтных межгрупповых или межличностных ситуаций в сфере службы и быта военнослужащих, своевременной их локализации и предупреждения, а также формирования позитивных «коллективных» настроений в подразделении.

Изучение личности подчиненных — основа всей дальнейшей работы командира по борьбе с неуставными проявлениями в подчиненном подразделении. Совершенству здесь нет предела. Однако очевидно, что досконально изучить каждого подчиненного солдата (матроса) командир просто не сможет. Поэтому изучение подчиненных необходимо строить по следующей схеме.

Каждого подчиненного для начала следует изучить в общих чертах. С этой целью необходимо разделить весь личный состав на условные группы по общим признакам. К примеру:

1. Лица, нуждающиеся в постоянном контроле со стороны командиров:

а) лица, склонные к отклоняющемуся поведению (имевшие до призыва приводы в милицию, склонные к нарушению воинской дисциплины, склонные к употреблению алкоголя и наркотиков и т. д.);

б) лица, ранее замеченные в совершении антиуставных действий по отношению к сослуживцам;

в) неформальные лидеры из числа «старослужащих».

2. Лица, нуждающиеся в периодическом контроле в целях профилактики антиуставных взаимоотношений и создания в подразделении атмосферы отрицания (неприятия) подобных явлений (в обычном воинском подразделении таких лиц — основная масса личного состава).

3. Лица, практически не нуждающиеся в контроле (абсолютное меньшинство подразделения), на которых можно опереться в борьбе с «дедовщиной» в силу обладания этими военнослужащими устойчивым стереотипом правомерного поведения либо отрицания ими антиуставных отношений по другим причинам (мотивам).

Основное внимание в приведенном примере необходимо уделить изучению личности солдат (матросов), нуждающихся в постоянном контроле. Изучение же остальных категорий военнослужащих следует проводить по мере возможности, в целях периодической коррекции уже выделенных групп. Коррекцию же групп необходимо проводить для того, чтобы первоначальная ошибочная оценка командиром личности конкретного военнослужащего была вовремя выявлена и устранена. В целом же разделение личного состава на группы должно проводиться командиром по основаниям, которые он сочтет наиболее приемлемыми

для своей дальнейшей эффективной работы в указанном направлении. Самое главное здесь — правильно определить групповые признаки, по которым и проводится условное разделение.

Для изучения личности конкретного военнослужащего и прогнозирования его возможного поведения (в том числе и противоправного) необходимо изучить следующие сведения о нем:

1) потребности, интересы, привычки, взгляды, склонности, жизненные цели и ориентации;

2) отношение к учебе, труду, общественным обязанностям, другим людям, семье и самому себе;

3) поведение в школе, на производстве, в общественных местах, в быту, данные о привлечении к юридической ответственности, судимости до призыва на военную службу;

4) интеллектуальная, волевая и эмоциональная характеристика, черты характера, тип темперамента, состояние здоровья, физическое развитие и другие индивидуальные особенности;

5) возраст, место рождения и жительства до призыва на военную службу, образование, профессия, семейное положение и другие социально-демографические (анкетные) данные;

6) условия воспитания в семье, ее состав, занятия, образование родителей, отношение родителей к детям, взаимоотношения в семье, ее жилищные и материальные условия;

7) поведение при прохождении военной службы, количество и характер поощрений и взысканий, степень подверженности влиянию командиров, общественности, отдельных военнослужащих;

8) уровень соблюдения уставных требований, характер взаимоотношений данного лица с воинским коллективом, начальниками, сослуживцами, принадлежность к той или иной микрогруппе и ее направленность;

В случае если у командира нет реальной возможности изучить указанные сведения, необходимо провести сбор и изучение информации о конкретном военнослужащем в трех обобщенных направлениях:

1) условия жизни и быта солдата (матроса) в подразделении (его социальный статус, место в неформальной иерархии подразделения, отношения с сослуживцами и т. д.). Желательно при этом иметь и общие сведения о нем до призыва на военную службу (состав семьи, характер семейных взаимоотношений, наличие приводов в милицию, судимостей в прошлом);

2) его социально-психологическая характеристика (убеждения, взгляды и установки по отношению к тем или иным социальным отношениям, характер мотивационных процессов, иерархия личных ценностей, отношение к «дедовщине» и т. д.);

3) его типичное поведение в ситуациях неуставных отношений (какую роль выполняет в качестве правонарушителя, какую линию защиты выбирает в качестве жертвы, способен ли на активное противодействие антиуставным проявлениям и т. д.).

Следует также отметить, что традиционно структуру личности составляют три блока свойств и качеств: блок социально-демографических характеристик, блок социально-психологических характеристик и блок психофизиологических характеристик. Изучение личности подчиненных также может заключаться в сборе и анализе свойств и качеств в рамках указанных блоков.

1. Социально-демографические характеристики личности. К ним относятся: пол, возраст, образование, социальное положение, род занятий, семейное положение, материальное положение, место жительства, жилищно-бытовые условия, судимость и др.

Изучение указанных характеристик личности имеет особую ценность в связи с тем, что по ним можно судить об иных качествах личности. Например, по образованию можно сделать вывод о наличии у человека тех или иных знаний. По факту, работал ли человек до призыва на военную службу (и кем), — каково его отношение к труду. Наличие судимости дает повод предполагать, что у человека есть криминогенные качества.

2. Психофизиологические характеристики личности. Психофизиологические качества личности включают тип темперамента, способности, особенности мышления.

Психофизиологические качества личности имеют важнейшее значение для решения вопроса о вменяемости. В отдельных случаях они оказываются решающими при определении пригодности военнослужащего для прохождения службы по определенным специальностям. Проще говоря — какой он будет водитель, снайпер, минер и т. д. Что касается предупреждения неуставных отношений, то знание командиром психофизиологических характеристик своего подчиненного поможет спрогнозировать его индивидуальное поведение (в том числе и преступное) и избирательно применять к нему различные меры воздействия и коррекции поведения.

3. Социально-психологические характеристики личности. К ним относятся убеждения, знания, взгляды, интересы, социальные ориентации, умения, навыки и привычки индивидуума. Эта группа качеств личности имеет наибольшее значение для предупреждения неуставных отношений. Если мы знаем, что человек хочет, к чему он привык, что он может, то мы знаем то, что позволяет достаточно объективно ответить на вопрос, что это за человек.

Именно *убеждения* являются той главной характеристикой, которую можно назвать стержнем человеческой личности. Именно от того, в чем человек убежден или не убежден, зависит направление его деятельности, круг его желаний и способов их удовлетворения. Если человек убежден в недопустимости безнравственных поступков, если у него сформирован комплекс убеждений в необходимости уважительного отношения к другим людям, их мнению, в необходимости не позволять себе того, что непозволительно другим, который обычно называют совестливостью, то можно быть уверенным в чистоте помыслов такого человека.

Убеждения обычно формируют *привычки*, привычный образ жизни. Привычки, стереотипы поведения можно считать проекциями убеждений на неосознаваемом уровне: вначале человек сознательно выбирает ту или иную линию поведения, а затем эта линия становится привычной. К примеру, воину, однажды нарушившему правила взаимоотношений между военнослужащими (применил силу в отношении сослуживца), вторично сделать это уже намного проще.

Основой формирования убеждений являются *взгляды, знания*. Вначале человек узнает что-либо, он строит поведение в соответствии со своими знаниями, и в зависимости от того, приносит или не приносит определенное поведение ему удовлетворение, он приходит к убеждению в правильности своих познаний. В первом случае знания превращаются в убеждения, во втором они теряют способность мотивировать поведе-

ние. Таким образом, убеждение можно считать знанием, которое приобрело силу, практически «подталкивающую» человека к тому или иному поведению, знанием, в правильности которого человек убежден.

Убеждение способно породить общую устремленность человека, направленность его личности. Но каким будет реальное поведение, во многом зависит от его *умений*. Он может быть убежден в недопустимости нарушений закона, в том, что нельзя поднимать руку на другого человека, но неумение владеть собой может в конфликтной ситуации привести его к насильственному преступлению (например, в ответ на оскорбление он может ударить сослуживца).

Командиру при изучении своих подчиненных всегда следует помнить, что наибольший интерес для предупреждения неуставных взаимоотношений представляют социально-психологические качества личности. Именно они являются наиболее криминогенными, именно их необходимо корректировать при пресечении и профилактике «дедовщины». Однако не следует пренебрегать изучением также социально-демографических и психофизиологических качеств. Своевременный сбор и правильный анализ информации об этих качествах поможет командиру заранее распознать наиболее криминогенных и виктимных военнослужащих и уверенно блокировать их негативные качества.

Для изучения подчиненного личного состава командиру следует использовать следующие методы:

1. *Опрос*. Это получение информации на задаваемые вопросы. Опрос может быть устным (беседа) и письменным (анкетирование).

2. *Наблюдение*. Это визуальное либо слуховое восприятие деятельности личности. Наблюдение может быть непосредственным и опосредованным. При непосредственном наблюдении командир лично наблюдает за проявлениями личности подчиненных ему военнослужащих. К таким проявлениям относятся поступки, манера поведения, высказывания, внешность (манера носить предметы обмундирования, прическа, татуировки, шрамы). При опосредованном наблюдении изучение личности происходит посредством ознакомления с различного рода документами и материалами, содержащими сведения об этом военнослужащем (личная карточка, личное дело, военный билет, личные письма и т. д.).

3. *Психологическое тестирование*. Этот метод, сочетающий в себе элементы и наблюдения и опроса, позволяет изучить личность с помощью тестов. Тест (от английского test — проба, испытание) — это задание, в ходе выполнения которого проявляются личностные качества изучаемого. Задания могут быть самыми различными: ответить на вопросы, объяснить, на что похоже пятно, нарисовать что-либо, придумать рассказ или завершить начатый рассказ (предложение), проделать какие-либо действия. Сложность заключается лишь в том, что для составления «правильных» тестов командиру придется или обратиться к профессиональному психологу , или найти их самому в периодических специализированных изданиях по психологии или педагогике.

§ 2. Прогнозирование индивидуального преступного поведения и виктимности подчиненных как вторая ступень борьбы с неуставными взаимоотношениями

После того как информация о личных качествах подчиненных собрана и в общих чертах проанализирована, командир получает возмож-

ность прогнозирования индивидуального преступного поведения военнослужащих. В практике профилактики неуставных взаимоотношений нередки случаи, когда командир, опираясь на свою интуицию и личный офицерский опыт, делает верные выводы и принимает правильные решения. Однако такое обыденное прогнозирование не всегда может быть положено в основу противодействия антиуставным отношениям в силу недостатка системности, эффективности и отсутствия научной базы. При такой работе командиру следует использовать научное криминологическое прогнозирование, которое опирается на системные знания об общих причинах преступного поведения, обобщенной структуре мотивационных процессов, происходящих внутри личности потенциального правонарушителя, закономерностях развития и изменения факторов, способствующих совершению преступления (криминогенных), и факторов, препятствующих их совершению (антикриминогенных).

По своей сути криминологическое прогнозирование преступного поведения конкретного военнослужащего представляет собой научное предсказание степени вероятности совершения им в ближайшем будущем правонарушения. В основе такого предсказания, как уже отмечалось, лежит анализ личности потенциального нарушителя, изучение закономерностей его поведения и особенностей его реакции на определенные служебно-бытовые обстоятельства. Автор хотел бы обратить внимание читателя на то, что цель этого прогнозирования заключается не в получении математически точных показателей, а в выявлении вероятных тенденций и общих закономерностей отклоняющегося поведения конкретного лица.

К тому же прогнозирование индивидуального преступного поведения носит вероятностный характер, так как совершение преступления конкретным лицом не неизбежно, а лишь предположительно. Иными словами, невозможно дать стопроцентную гарантию того, что человек совершит преступление либо воздержится от противоправного поведения. Также следует отметить, что проводимое прогнозирование полностью не устраняет неопределенность возможности противоправного поведения, а лишь сводит ее к минимуму, представляя модель будущего поведения определенного человека в виде нескольких возможных вариантов. К примеру:

1) прогнозируемый военнослужащий может легко совершить любое преступление;

2) прогнозируемый военнослужащий может совершить преступление только определенной категории (только кража или только хулиганство);

3) прогнозируемый военнослужащий может совершить единичное преступление под влиянием криминогенной ситуации;

4) прогнозируемый военнослужащий может совершить преступление только под влиянием субъективной вынужденности (попав в своеобразную ситуацию-ловушку);

5) совершение прогнозируемым военнослужащим преступления маловероятно;

6) совершение преступления практически невероятно.

Следует также обратить внимание читателя на то обстоятельство, что применительно к профилактике неуставных отношений данная схема может выглядеть несколько иначе. Проблема в том, что неуставные отношения, основываясь на неформальной социальной системе, которую называют «дедовщиной» («годковщиной»), охватывают, как правило, всех

военнослужащих подразделения. Поэтому варианты выводов криминологического прогнозирования здесь будут примерно соответствовать той роли, которую выполняет данный военнослужащий в сложившейся системе «дедовщины»:

1) он может выступать лидером в системе неуставных отношений, непосредственно не участвуя в их конкретных проявлениях. При этом он «контролирует» выполнение неформальных предписаний этой системы другими военнослужащими. Как правило, такие лица являются «дембелями» или «дедами»;

2) он может выступать непосредственным носителем неуставных проявлений, т. е. активно совершать противоправные деяния, посягающие на честь, достоинство и здоровье других военнослужащих (в основном младшего призыва). Как правило, это лица, отслужившие год и переведенные в категорию «черпаков»;

3) он может в целом отрицательно относиться к системе неуставных отношений. Однако в силу личных качеств (по принципу «своя рубашка ближе к телу») или объективных обстоятельств (устойчивость и развитость в подразделении неуставных отношений при попустительстве некоторых командиров) он не участвует в противодействии антиуставным проявлениям. Данная категория военнослужащих обычно состоит из представителей двух старших призывов. Эти лица выделяются из общей массы по своим физическим данным или другим «уважаемым» качествам. К этой категории могут относиться и лица младших призывов, которые в силу таких же качеств не подвергаются физическому и психологическому насилию со стороны «старослужащих»;

4) он может оказаться потенциальной жертвой неуставных отношений, однако подвергается им достаточно редко, так как не имеет клейма аутсайдера, исправно соблюдает все требования неформальной казарменной системы и т. д. (это, как правило, основная масса военнослужащих младших призывов);

5) он может являться постоянной жертвой неуставных отношений (небольшая, но самая угнетаемая часть военнослужащих, в подавляющих случаях из числа младших призывов).

В зависимости от того, к какой группе относится тот или иной военнослужащий, командиру и необходимо строить свою дальнейшую работу с ним, а в зависимости от процентного соотношения солдат (матросов) в рамках указанных групп так или иначе организовывать процесс пресечения и предупреждения антиуставных отношений. В общих чертах такая деятельность командира в рамках всего подразделения должна проводиться поэтапно:

1) анализ обстановки в подразделении (наличие криминогенных и антикриминогенных факторов);

2) прогнозирование возможных межличностных правонарушений в будущем;

3) планирование деятельности (своей, других офицеров подразделения, сержантов, актива общественности, по привлечению работников военной прокуратуры и т. д.) по предупреждению и профилактике неуставных взаимоотношений;

4) проведение предупредительной работы;

5) анализ результатов проведенной предупредительной деятельности;

6) коррекция полученных ранее прогнозов.

В дальнейшем деятельность командира вновь строится по указанной схеме, так как она должна носить цикличный характер. Как было уже отмечено выше, совершенствованию данной деятельности командира предела нет. Главное и необходимое условие — это чтобы процесс такой деятельности был непрерывным и отсутствовали формализм и «очковтирательство» (выдача желаемого за действительное) со стороны командира.

Для более правильной оценки полученной в результате прогнозирования информации и более эффективной деятельности по организации профилактических мероприятий командиру следует в общих чертах представлять структуру личности преступника — нарушителя уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и структуру личности жертвы подобных преступлений. Следует при этом отметить, что выделить «чистый» тип личности преступника практически невозможно. Однако перечислить наиболее типичные (яркие) качества личности рассматриваемых категорий военнослужащих вполне возможно. Для нарушителя правил уставных взаимоотношений характерны следующие черты личности:

Общие:

1) скудность духовных потребностей и интересов;

2) пренебрежительное отношение к военной службе, уставным требованиям и уголовно-правовым запретам;

3) неполнота, искаженность или дефективность правосознания;

4) доминирование примитивно-бытовых побуждений извращенного характера;

5) легкость мотивации при неглубокой критической оценке жизненной ситуации, в которой совершается правонарушение;

6) слабая развитость предвидения последствий своих действий;

7) эмоциональная неустойчивость.

Специфические:

1) доминирование эгоистических тенденций;

2) примитивность интересов и развитая потребность к спиртному (как вариант современности — к наркотикам);

3) явная или скрытая готовность к агрессивному поведению;

4) полное или значительное отсутствие высоких человеческих устремлений;

5) направленность на сиюминутное исполнение желаний;

6) ориентация на физическую силу как главное средство самоутверждения[155].

Особо следует отметить такую социально-демографическую характеристику рассматриваемого типа личности, как возраст. Хотя у подавляющего большинства и преступников, и их жертв возраст примерно одинаков (18 лет — 23 года), определенные особенности, относящиеся именно к преступникам, все же существуют. По данным некоторых исследователей, возраст осужденных за рассматриваемые преступления примерно таков:

— до 19 лет — 27 %;

— 19—20 лет — 44,4 %;

— от 21 года до 23 лет — 28 %[156].

[155] См.: *Лунеев В.В.* Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР. М., 1986. С. 175.

[156] См.: *Мацкевич И.М., Эминов В.Е.* Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994. С. 39.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что правонарушения в сфере межличностных отношений в армии в 85—90 % случаев совершают рядовые, прослужившие более года.

В целом личность преступника — военнослужащего, совершившего противоправное деяние в сфере межличностных отношений, можно определить следующим образом: это военнослужащий холерического типа, с несложившейся психикой и наиболее криминогенным возрастом, хорошо развитый физически, имеющий опыт подросткового агрессивно-анархического поведения и клеймо социального аутсайдерства[157].

Что касается личности жертвы (потерпевшего) неуставных отношений, то по многим показателям подобные военнослужащие мало чем отличаются от своих сослуживцев. Поэтому, опуская общую характеристику личности подобных военнослужащих, остановимся только на особенностях их виктимных качеств. К их числу относятся:

1) незавершенность становления личности и психики;

2) слабое физическое и недостаточное интеллектуальное развитие;

3) наличие в поведении особенностей, которые воспринимаются их сослуживцами как отклонение от нормы и вызывают негативную реакцию;

4) замкнутость либо общение в узком кругу;

5) неприспособленность к самостоятельной жизни и надежда на помощь родителей («маменькины сынки»);

6) принадлежность к типу темперамента, который менее всего подходит для условий военной службы, например меланхолик[158].

Кроме того, по некоторым данным, для военнослужащих, допустивших нарушения уставных правил взаимоотношений, лишь примерно в 18 % случаев не имеет значения личность их жертвы (иными словами, им безразлично, кого притеснять или избивать)[159]. В большинстве же случаев противоправное отношение к себе провоцируют хитрые и нечестные солдаты (35 %), слабые и ленивые (26 %), робкие и застенчивые (21 %).

Также следует учитывать, что в современных Вооруженных Силах Российской Федерации сложилась специфическая система введения новичков в традиции «дедовской» неформальной структуры, которая в значительной степени определяет процесс виктимизации молодых солдат. Состоит такая система из нескольких этапов:

1) на первом этапе молодых солдат не трогают, но параллельно идет наглядный урок на примере других военнослужащих, которые демонстративно унижаются;

2) второй этап заключается в издевательствах и глумлениях «старослужащих» над отобранными «кандидатами» из числа молодых солдат. При этом издевательства, как правило, происходят по нарастающей: сначала оскорбления, присвоение позорящих и унижающих человеческое достоинство кличек; затем глумления и, наконец, избиения и издева-

---

[157] См.: *Мацкевич И.М., Эминов В.Е.* Указ. соч. С. 46.

[158] См.: *Эминов В.Е., Мацкевич И.М.* Преступность военнослужащих. Исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М., 1999. С. 188.

[159] См.: *Быковский В.И.* Воспитательная работа как основа деятельности по формированию уставных правил взаимоотношений между военнослужащими внутренних войск МВД России // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 14.

тельства. Нарастающая кривая необходима для того, чтобы проверить, будет ли потерпевший жаловаться, попытается ли оказать сопротивление и какова вообще будет его реакция. Кроме того, подобным образом молодого солдата психологически готовят к следующим, более «серьезным» испытаниям;

3) завершающим этапом введения новобранцев в традиции «дедовщины» следует считать привлечение к «воспитанию и перевоспитанию непокорных» тех молодых солдат, которые заслужили это право своим конформизмом и лояльным поведением по отношению к «старослужащим».

Положительный опыт многих офицеров свидетельствует о том, что при профилактике неуставных отношений в подразделении следует уделять пристальное внимание не только потенциальным нарушителям, но и их потенциальным жертвам. Необходимо заниматься воспитанием таких молодых людей и развивать в них качества, позволяющие им успешно интегрироваться в воинский коллектив сильными, честными, надежными людьми, уважающими собственное достоинство.

Глава 2. Методика выявления фактов неуставных взаимоотношений командиром подразделения

Не вызывает никакого сомнения утверждение, что перед тем, как с чем-нибудь начинать борьбу, необходимо четко и ясно представлять себе, с чем предстоит бороться, и уж тем более как это «что-то» выглядит. Речь идет о признаках, которые свидетельствуют о том, что объект воздействия — именно криминальные неуставные отношения, а не, к примеру, нарушения уставов.

В настоящей главе будет рассмотрена методика выявления неуставных отношений.

С научной точки зрения любая методика представляет собой совокупность способов и методов, направленных на достижение конкретного результата. Она имеет свои обязательные принципы (условия) и требования, к ней предъявляемые. Соответственно под методикой выявления неуставных отношений понимается совокупность способов выявления материальных последствий неуставных взаимоотношений (к примеру, телесных повреждений) и методов диагностики этих отношений путем анализа морально-психологического климата в подразделении, а также внешних индивидуальных признаков некоторых военнослужащих (к примеру, различные нарушения формы одежды).

Главными требованиями, предъявляемыми к такой методике, являются законность и эффективность используемых способов. Причем требование законности означает категорическое непротиворечие указанной деятельности командиров законодательству Российской Федерации. Требование эффективности означает отсутствие формализма со стороны должностных лиц при проведении таких мероприятий и обязательное наличие конечного результата — выявление фактов неуставных отношений либо получение объективных денных об их отсутствии.

Среди принципов методики выявления неуставных отношений можно выделить следующие:

1) плановость (работа строится по заранее составленному плану);

2) регулярность (выявление неуставных отношений производится в цикличном режиме, с определенной периодичностью);

3) комплексность (использование всех доступных в данных условиях методов);

4) массовость (охват всех категорий военнослужащих; привлечение к этой работе всех необходимых должностных лиц);

5) обязательность реагирования (не оставлять без внимания ни одного, даже незначительного, факта неуставных отношений).

Необходимо всегда помнить о том, что совершенствование взаимоотношений военнослужащих представляет собой сложный процесс, требующий от командиров, заместителей по воспитательной работе и войсковых психологов знания и четкого представления ориентиров: что, кому, когда и как делать, системного и творческого подхода.

Среди основных методов получения информации о взаимоотношениях военнослужащих можно выделить следующие:

1) метод наблюдения;

2) метод тестирования;

3) опросы различных категорий личного состава (с использованием опросных листов и посредствам индивидуальных бесед);

4) анализ документов (в том числе сбор и анализ независимых характеристик);

5) индивидуальную беседу;

6) анализ докладов командиров отделений, взводов;

7) анализ писем родных, близких людей;

8) встречи с родителями;

9) беседы с активом, медработниками и сослуживцами;

10) анализ деятельности подчиненных в конкретных служебных и бытовых ситуациях;

11) ежедневный осмотр личного состава;

12) еженедельный телесный осмотр личного состава в бане.

Для повышения результативности процесс выявления неуставных отношений следует разбить в соответствии со сферами служебно-бытовых отношений военнослужащих, в которых можно установить те или иные признаки, подтверждающие наличие неуставных взаимоотношений в подразделениях. Этими сферами являются:

1) сфера отношений, содержащая признаки, характеризующие внешний вид военнослужащих младших призывов;

2) сфера отношений, содержащая признаки, характеризующие морально-психологическую атмосферу подразделения, вытекающие из поведения военнослужащих младших призывов;

3) сфера отношений, содержащая материальные признаки, в том числе следы на теле военнослужащих младших призывов (следы побоев, ссадины, кровоподтеки, проколы ушных раковин и т. д.);

4) сфера отношений, содержащая признаки, характеризующие внешний вид военнослужащих старших призывов;

5) сфера отношений, содержащая признаки, характеризующие межличностные отношения в подразделении, вытекающие из поведения «старослужащих».

При анализе первой из перечисленных сфер командиру необходимо обратить внимание на внешний вид военнослужащих младших призывов. В нашей армии солдат (матрос) первого периода службы довольно часто имеет неопрятный внешний вид. Это обусловлено в первую очередь тем, что основная масса недавно пришедших на службу молодых людей оказывается неподготовленной в армейскому быту. У них отсутствуют элементарные навыки самообслуживания (умение самостоятельно пришить пуговицу, аккуратно заштопать прореху в обмундировании, постирать одежду и т. д.). К тому же эти недостатки усугубляются отсутствием у молодых солдат навыков самоорганизации и умения правильно распорядиться свободным временем. В результате этого молодые военнослужащие отличаются неопрятным внешним видом, грязным обмундированием, грязными ногтями, руками и телом.

Однако командиру следует четко представлять, что далеко не все признаки неопрятного внешнего вида являются результатом неподготовленности молодых людей к службе. Очень часто такие признаки свидетельствуют о наличии в подразделении неуставных отношений. Обусловлено это следующими моментами:

1) основной причиной неопрятного внешнего вида может являться недостаток времени для удовлетворения личных нужд вследствие «загруженности» молодых воинов поручениями «старослужащих» либо недостаток отдыха в ночное время, который они пытаются компенсировать

за счет времени, отведенного распорядком дня для обеспечения надлежащего внешнего вида;

2) различные нарушения формы одежды молодых военнослужащих (расплющенные металлические пуговицы на груди, очень сильно затянутый поясной ремень, застегнутые, даже при выполнении хозяйственных работ, верхняя пуговица или крючок, зашитые брючные карманы и т. д.) также свидетельствуют о наличии неуставных отношений в подразделении. Данные факты являются следствием несоразмерной требовательности «старослужащих» к молодым воинам либо маскировкой неуставных отношений (в случаях жесткого контроля со стороны командования), якобы уставной требовательностью или «заботой о неопытных товарищах»;

3) отсутствие некоторых предметов формы одежды, помимо прочих выводов, также может свидетельствовать о наличии неуставных отношений. Хотя причиной таких «недостач» нередко является личное разгильдяйство молодого солдата, однако может быть и «обделение», когда у военнослужащего отбираются некоторые его личные предметы (обмундирование, питание, личные вещи и т. д.) в целях их дальнейшего личного использования «старослужащими» либо по мотивам развлечения «старослужащих» (хулиганский мотив);

4) помимо перечисленных, существует еще целый ряд признаков, которые прямо или косвенно укажут на существование неуставных отношений. К примеру, наличие пятен от обувного крема на бедрах военнослужащих может свидетельствовать о большом количестве хозяйственных работ, которые выполняются на корточках (мытье полов и т. д.), либо о нанесении ударов ногами («футбол»), либо о запрете молодым военнослужащим сидеть на кроватях и табуретах в течение дневного времени — соответственно они вынуждены отдыхать, сидя на корточках.

При анализе признаков, вытекающих из поведения военнослужащих младших призывов, командиру следует обратить внимание на следующие характерные особенности, проявляющиеся при межличностном общении военнослужащих:

1. Замкнутость поведения, подавленное психологическое состояние, угрюмость, нервозность, особенно в присутствии «старослужащих». Указанные признаки являются, как правило, следствием не только кардинальной смены обстановки после призыва и тоски по дому, но и наличия в подразделении неуставных отношений. В результате физического и психического насилия со стороны «старослужащих» в психике молодого солдата происходит своеобразная «ломка» сложившихся ранее стереотипов поведения, и он, не зная точно, как оптимальнее себя вести в новых условиях, «уходит в себя», замыкается, нервничает и порой совершает откровенно глупые поступки либо затрудняется ответить на, казалось бы, простой вопрос. Все это — результат неуверенности, порожденной неуставными отношениями, так как молодой боец психологически готов к тому, что в случае неправильного действия или ответа к нему будет применено насилие в качестве наказания.

2. При проведении культурно-массовых мероприятий (просмотр телепередач, кинофильмов и т. д.) военнослужащие младших призывов «добровольно» занимают самые неудобные места, иногда стоят при наличии свободных мест для сидения либо под различными предлогами отказываются от участия в таких мероприятиях. Такое поведение — следствие неуставных отношений, проявляющихся в негласных требо-

ваниях неформальной системы (к примеру, стоять в присутствии «старослужащих») либо в страхе перед наказанием со стороны «старослужащих» за проявленное к ним «неуважение».

3. Пониженный интерес молодых воинов к продуктам массовой культуры. Иногда военнослужащие этой категории затрудняются ответить, каково название или содержание фильмов, демонстрировавшихся в части в последнее время, не интересуются периодической печатью, художественной литературой (которая пользуется большим спросом у их гражданских сверстников — детективы, фантастика и т. д.). Данные признаки указывают на психологическую «ломку» и определенную фрустрацию в сознании молодого воина, причиной которой являются неуставные отношения. Хотелось бы при этом отметить, что указанные выше особенности некоторые командиры объясняют «интеллектуальной недоразвитостью» и «личными психологическими отклонениями» призывного контингента. Делать такие утверждения, по меньшей мере, безответственно. И хотя специалисты установили снижение интеллектуального потенциала и общего уровня психического здоровья современных призывников, на массовом статистическом уровне вышеперечисленные признаки в своей основе не могут быть отнесены к субъективным моментам личности, а являются следствием нездоровой психологической атмосферы в подразделении и, как правило, прямым результатом неуставных отношений.

4. Нарочитая демонстрация «служебного рвения» военнослужащих младших призывов в присутствии «старослужащих». Данный признак является следствием страха перед «старослужащими», которые в случае «ненадлежащего» служебного поведения молодых солдат получают формальный повод для применения к ним репрессивных мер в рамках неформальной системы неуставных взаимоотношений.

5. «Добровольное» выполнение молодыми военнослужащими наиболее тяжелых или грязных работ, особенно во время, не предусмотренное для этого распорядком дня (к примеру, мытье туалетов в ночное время). Сюда же можно отнести такой признак, как стирка, утюжка или чистка не принадлежащих молодому солдату предметов формы одежды. Указанный признак является следствием неформальной традиции, сложившейся в условиях неуставных отношений, — «старослужащий» не должен выполнять тяжелую либо грязную работу, если рядом есть молодой солдат. А «добровольность» в этих случаях продиктована опять же страхом перед наказаниями со стороны «старослужащих». По тем же причинам молодые военнослужащие «добровольно» занимают неудобные спальные места в казарме (на сквозняках, возле прохода и т. д.) и моются в бане только после того, как помоются лица старших призывов.

6. Неоднократные побеги из части. Неоднократность побегов в принципе носит довольно условный характер, однако, если в течение полугода из роты убежало более пяти военнослужащих молодого призыва, дело не только в «качестве» нового призывного контингента. Скорее всего в подразделении присутствует неформальная система воинских взаимоотношений («дедовщина», «годковщина», «землячество» и др.), причем в крайне жестких формах.

Следующая сфера, на которую обязательно следует обратить внимание командиру, выявляющему неуставные отношения, — это материальные следы на теле молодых солдат, являющиеся прямым результатом физического насилия со стороны «старослужащих». Следы эти могут

быть самыми различными и диагностируются, как правило, при ежедневном утреннем осмотре или при обращении молодого военнослужащего в медицинские пункты. Установить такие следы несложно, тем более обладая информацией об основных формах неуставных отношений, доминирующих в части (к примеру, в случае применения «футбола» на ногах потерпевшего остаются синяки и кровоподтеки, ссадины и рубцы).

Гораздо сложнее добиться от потерпевшего вразумительного правдивого ответа на вопрос, откуда на его теле появились указанные следы. Выполнение этой задачи требует от командира психологического такта и грамотности, умения расположить к себе молодого замкнувшегося в себе военнослужащего, который не верит в то, что что-либо может измениться. Для того чтобы более эффективно диагностировать насильственные неуставные отношения, необходимо обладать информацией о том, какие основные формы неуставных отношений существуют в современной армии[160]. Из содержания этих форм вытекает информация о том, какие и где телесные повреждения следует искать и о чем свидетельствуют локализация и характер тех или иных телесных повреждений.

Последними двумя основными сферами, без анализа которых невозможно сделать вывод о наличии и характере неуставных отношений в подразделении, являются: группа признаков, характеризующих внешний вид (обмундирование) «старослужащих», и группа признаков, характеризующих их поведение.

Что касается формы одежды, то, как правило, у «старослужащих» она отличается от образца, установленного в воинской части (к примеру, выбеленное хлорным раствором обмундирование считается особым шиком у «старослужащих» некоторых частей), и имеет различные неуставные «доработки» (к примеру, ушивание или рифление сапог).

В целом же при диагностике неуставной системы взаимоотношений в подразделении командиру необходимо фиксировать такие нарушения формы одежды у «старослужащих», которые подчеркивают их «привилегированность» по отношению к военнослужащим младших призывов. К ним можно отнести:

1) искусственное деформирование пряжек поясных ремней, головных уборов, их ушивание, придание головным уборам жесткой формы, деформирование кокард, частичное стачивание уставной символики на кокардах и пряжках ремней;

2) «оригинальная» (с наличием непредусмотренных «стрелок») утюжка и ушивание обмундирования, деформирование (рифление) обуви, вшивание в непредусмотренные для этого места обуви шнурков, обрезание голенищ сапог;

3) наличие на поясном ремне надрезов, обозначающих количество месяцев службы;

4) ношение на одежде незаслуженных знаков воинской доблести (к примеру, «воин-спортсмен», «специалист 1-го класса» и т. д.);

5) стрижка «наголо» перед увольнением в запас и др.

В целом указанные нарушения формы одежды являются своеобразным символом власти над молодыми военнослужащими, неформальными знаками отличия, дающими их обладателю право на «руководство» военнослужащими младших призывов. Сами по себе эти признаки

---

[160] Информация о формах неуставных взаимоотношений военнослужащих подробным образом излагалась в § 1 гл. 1 разд. I.

не несут в себе общественной опасности, кроме нарушения Строевого устава Вооруженных Сил Российской Федерации и различных ведомственных актов органов военного управления. Однако наличие таких признаков может многое сказать внимательному наблюдателю о наличии и характере неуставной системы межличностных отношений в подразделении.

При выявлении указанных признаков неуставных взаимоотношений методом наблюдения за поведением «старослужащих» следует обратить внимание на следующие особенности такого поведения:

1) «старослужащие», как правило, под различными предлогами стараются уклониться от хозяйственных работ и службы в нарядах, особенно в выходные и праздничные дни. Естественно, что эти свои «невыполненные» обязанности они перекладывают на военнослужащих младших призывов;

2) «старослужащим» свойственны несвоевременный подъем и отсутствие в составе подразделения на физической зарядке. Такие нарушения распорядка дня являются следствием своеобразных «привилегий», которыми пользуются лица, имеющие статус «старослужащих», и плохой организации службы и быта со стороны офицерского состава подразделения (откровенного попустительства);

3) для «старослужащих» характерно обособление от военнослужащих младших призывов. Это проявляется практически в каждой служебно-бытовой ситуации. Обособление, как правило, происходит:

а) при приеме пищи (если столы большие — «старослужащие» сидят отдельной группой, если столы маленькие — «старослужащие» занимают отдельный стол);

б) при построении личного состава («старослужащие» занимают последнюю шеренгу строя);

в) при передвижении по части («старослужащие» передвигаются вне общего строя, отдельной группой);

г) в спальном расположении казармы (кубрика);

д) при уединении в служебных помещениях в вечернее и ночное время;

е) при размещении для проживания в отдельном от других военнослужащих помещении (каптерки, бытовки и другие помещения служебного назначения);

4) «старослужащие», как правило, систематически нарушают распорядок дня, особенно в вечернее и ночное время (отсутствие на вечерних проверках, в постелях после отбоя и т. д.).

Таким образом, перед тем как приступать к организации разрушающего воздействия на неуставные отношения в отдельно взятом подразделении, необходимо исследовать (в том числе методом наблюдения) характер и особенности внутригрупповых отношений в подразделении, выявить и «задокументировать» перечисленные автором предварительные признаки неуставных отношений. Особое внимание при этом следует уделить признакам, относящимся к различным материальным следам неуставных отношений (следам побоев и т. д.), и признакам, характеризующим поведение «старослужащих».

При успешном применении методики выявления неуставных отношений командир получает возможность правильно составить программу искоренения неуставных отношений в своем подразделении и впоследствии эффективно ее реализовывать, опираясь на принципы и требования, которые были указаны выше.

Глава 3. Система мер профилактики и предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, применяемых командирами в подчиненных подразделениях

§ 1. Общие положения системы специальных мер по предупреждению и профилактике неуставных отношений

Прежде чем перейти к одной из главных задач настоящей книги — ознакомлению читателя с конкретными мерами разрушающего воздействия на неуставные отношения, доступными командиру, автор хотел бы специально указать на то обстоятельство, что для кардинального снижения уровня неуставных отношений необходимы глобальные общегосударственные меры, спектр которых достаточно обширен, и что самое сложное — требует серьезных финансовых вложений.

Как уже было сказано, формирование и внедрение в практику системы общегосударственных мер предупреждения такого негативного явления, как «дедовщина» из-за своей сложности и полиэлементности нуждается не только в экономических и организационных, но и в больших временных затратах, что делает ее лишь перспективным направлением антикриминального воздействия на преступность военнослужащих (так как позитивный результат от ее применения проявит себя только спустя более-менее значительное время). В то же время автор глубоко убежден в том, что борьба с «дедовщиной» должна начинаться и вестись большей частью именно в казарме, а не в «высоких» кабинетах. Именно этот вид борьбы является самым необходимым и действенным для достижения конечной цели — кардинального снижения общественной опасности этого явления. К тому же в современных условиях неспособности государства решить рассматриваемую проблему особое значение приобретают знаменитые слова О. Бендера — «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Поэтому именно воинским командирам на сегодняшний день доступны самые действенные средства борьбы с «дедовщиной» на уровне отдельного подразделения и части. Более того, без их непосредственного участия в ней такая борьба обречена на провал.

Для того чтобы определить *специальные меры*[161] *предупреждения и профилактики неуставных взаимоотношений в войсках*, необходимо владеть информацией о наиболее распространенных формах неуставных взаимоотношений. Как уже указывалось в первом разделе настоящей книги, на сегодняшний день наиболее распространенными формами таких взаимоотношений являются:

— избиения военнослужащих;

— перекладывание на них дополнительных обязанностей по службе и в быту;

— принуждение к выполнению различных прихотей и воровству;

[161] Здесь и далее под специальными мерами понимается комплекс мероприятий по предупреждению, пресечению и профилактике неуставных взаимоотношений, которые могут проводить воинские должностные лица звена взвод — отдельный батальон.

— вымогательство денег, ценных вещей, продуктов питания и предметов обмундирования;

— моральные унижения, оскорбление личного достоинства.

Следует также отметить, что возможно существование различных производных от основных форм неуставных отношений, на которые налагают свой отпечаток специфика деятельности того или иного рода войск, места дислокации части или особенности задач, выполняемых этими подразделениями. Например, «ночное вождение» чаще практикуется в подразделениях автомобильной службы, «полеты» — в подразделениях авиации и т. д.

Вышеуказанные формы неуставных взаимоотношений находят свое конкретное выражение в различных проявлениях физического и психического насилия, которые подробно были описаны в § 1 гл. 1 разд. I.

Анализ основных форм неуставных взаимоотношений показывает, что абсолютное большинство из них являются результатом стремления одних военнослужащих (как правило, старшего призыва) получить привилегии за счет других, занимающих более низкое положение в неформальной воинской иерархии, или следствием хулиганских побуждений (в случае когда неуставные деяния совершаются по мотивам развлечения «старослужащих»). Следовательно, комплекс мер предупреждения неуставных отношений должен быть направлен в первую очередь на нейтрализацию именно такой мотивации военнослужащих. И хотя сделать это достаточно сложно, при правильном сочетании воспитательных, правовых и организационных мер все же вполне по силам командиру, искренне желающему снизить уровень неуставных отношений в его подразделении.

Одним из принципиальных условий успешной борьбы командира с неуставными отношениями в подчиненном подразделении является положение, согласно которому такая борьба должна осуществляться с использованием всего доступного арсенала форм и методов организаторской и воспитательной работы. Кроме того, такая работа командира должна носить предметный и конкретный характер, планироваться и проводиться с учетом специфики предназначения подразделения, направленности решаемых им задач и особенностей местных условий.

В юридической науке и практике встречаются несколько классификаций специальных мер предупреждения правонарушений (в том числе и нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими). Наиболее удачной из них, по нашему мнению, является классификация по механизму воздействия на криминогенные факторы:

1) *меры-нормы* (специальные меры, состоящие в установлении таких правил поведения военнослужащих, которые облегчают исполнение уголовного закона и препятствуют совершению преступных деяний);

2) *меры-команды* (меры побуждения к проведению профилактической работы командирами в подразделении, работниками военной юстиции, не носящие нормативного характера, но содержащие указания на проведение профилактических работ);

3) *меры-действия* (состоят в непосредственном воздействии на криминогенные факторы).

Последняя группа мер наиболее важна и разнообразна по содержанию, поэтому их, в свою очередь, классифицируют на два вида. Первый вид составляют *меры по контролю*, направленные на поддержание надлежащего порядка взаимоотношений между военнослужащими. Второй

вид — это *меры по регулированию взаимоотношений*, сложившихся в микрогруппах подразделения, исправление неблагоприятных ситуаций, способных привести к нарушению уставных правил взаимоотношений между военнослужащими[162].

Однако следует учесть, что сами по себе меры предупреждения неспособны привести к сколько-нибудь значимым результатам. Для достижения поставленной цели необходима надлежащая методика деятельности. На сегодняшний день существует довольно широкий спектр методик по профилактике и предупреждению неуставных отношений в воинских подразделениях. Представляется, что наиболее эффективными являются два структурных направления по предупреждению и пресечению неуставных отношений. Во-первых, это методика предупреждения, в основе которой лежат методы, применяемые в определенной служебно-бытовой ситуации (к примеру, меры предупреждения при организации службы в наряде, или меры при организации приема пищи, или меры при проведении помывки в бане и т. д.). Во-вторых, это методика предупреждения, в которую входят меры, связанные с решением конкретных задач по военной службе (к примеру, меры, связанные с организацией боевой подготовки, или меры по материально-бытовому обеспечению личного состава, или меры по организации повседневного контроля за подчиненным личным составом и т. д.).

§ 2. Методика предупреждения неуставных взаимоотношений, основанная на решении конкретных задач по военной службе

Рассмотрение содержания работы командира подразделения по предупреждению, пресечению и профилактике неуставных отношений целесообразно начать с методики, связанной с решением конкретных задач по военной службе, как наиболее системной и необходимой.

К первой группе мер рассматриваемой методики следует отнести *меры, связанные с организацией боевой подготовки*. С учетом того, что боевая подготовка личного состава — это деятельность по овладению воинской специальностью, формированию готовности и способности к вооруженному противоборству с противником как индивидуально, так и в составе подразделения, работу в этом направлении командиру необходимо вести, соблюдая следующие принципиальные требования:

1) привлекать как можно большее количество военнослужащих к занятиям по боевой подготовке;

2) привлекать все категории подчиненных к занятиям по боевой подготовке (в том числе офицеров, прапорщиков, сержантов);

3) равномерно распределять обязанности всех обучаемых на учениях, стрельбах, занятиях;

4) организовывать занятия таким образом, чтобы сержанты (солдаты старшего призыва) имели возможность (и желание) обучать молодых воинов;

5) занятие должно проходить под обязательным контролем руководителя занятия (предпочтительно командира подразделения).

---

[162] См.: *Белый И.Ю.* Вопросы предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, совершаемых с применением оружия // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.М. Корнеев. М., 1997. С. 32—33.

Не секрет, что наши Вооруженные Силы, как и вся страна, переживают сейчас не лучшие времена. В войсках иногда ощущается нехватка денежных средств, ГСМ, продовольственного и вещевого обеспечения, на вооружение практически не поступают новые образцы вооружения и техники, для проведения плановых стрельб часто не хватает боеприпасов и т. д. Но даже в этих трудных условиях командир может организовать занятия по боевой подготовке. Необходимость такой деятельности командира (как одного из направлений по предупреждению неуставных отношений) объясняется следующими бесспорными фактами:

1) личный состав подразделения в процессе правильно организованной боевой подготовки сплачивается, устанавливаются психологический контакт, незримые связи между военнослужащими, происходит сближение на личном уровне. Трудности, как правило, объединяют людей. Хотя этот процесс нуждается в умелом управлении и тщательном контроле. У «старослужащего», который вместе с молодым солдатом «выполнял важное задание командования по глубинной разведке и проведению диверсии на территории условного противника», вряд ли в ближайшее после такого «задания» время поднимется рука на своего «напарника»;

2) в результате физических нагрузок в ходе боевой подготовки личный состав устает физически, происходит «деэнергизация» личного состава. В плане предупреждения неуставных отношений это обстоятельство играет положительную роль, так как к минимуму сводится вероятность ночных «развлечений» «старослужащих» («КВНы», «дембельские поезда», «ночные полеты», «ночные вождения» и т. д.);

3) у личного состава, занимающегося боевой подготовкой в строгом соответствии с распорядком дня и планами боевой подготовки, практически не остается «свободного» времени для неуставных отношений. Данное утверждение основывается на том факте, что неуставные отношения, как правило, «процветают» в подразделениях, где личный состав имеет массу свободного времени. Ничем реально не занятые люди, с учетом их молодого возраста и особенностей военной службы (замкнутый круг общения, сугубо мужской коллектив, уставная жесткость отношений и т. д.), невольно начинают искать выход своей физической энергии. При этом следует учитывать, что неформальная система армейских неуставных отношений является альтернативой уставной системе воинских отношений, т. е. когда уставная система не способна регулировать отношения в воинском коллективе (а это происходит, когда она (уставная система) применяется неправильно, с искривлением самого духа или буквы воинских уставов), всегда будет появляться ее альтернатива — неуставные отношения. Таким образом, если людей занять каким-нибудь конкретным делом (тем более если это дело будет им интересно), предпосылок для существования в подразделении неуставных отношений будет гораздо меньше.

В соответствии с общими требованиями военного законодательства, предъявляемыми к организации боевой подготовки, в батальоне (дивизионе) составляется план-календарь занятий по боевой подготовке на месяц, а в роте (батарее) — расписание занятий на неделю. В соответствии с теми же требованиями боевая подготовка организуется по довольно широкому спектру предметов (тактическая (тактико-специальная) подготовка, специальная подготовка, радиационная, химическая и бактериологическая защита, общественно-государственная подготовка,

техническая подготовка, вождение, огневая подготовка, изучение воинских уставов, физическая подготовка, строевая подготовка, разведывательная подготовка, подготовка по связи, военная топография, военно-медицинская подготовка, противопожарная подготовка). Для использования боевой подготовки в целях предупреждения неуставных отношений совсем не обязательно проводить ее по всем перечисленным направлениям (более того, это просто не целесообразно). Необходимо выбрать наиболее интересные для личного состава виды занятий, тщательно спланировать их проведение (с учетом главной цели — чтобы всем обучаемым было интересно, чтобы у них возникало желание участвовать в таких занятиях, а не уклоняться от них под различными предлогами). Вид занятия и форма его проведения полностью зависят от желания и фантазии командира, планирующего такое занятие. К примеру, это могут быть следующие варианты:

1. Организация «военных учений» в составе подразделения по типу пионерских «зарниц». При всей кажущейся «несерьезности» подобного мероприятия в условиях отсутствия материального обеспечения (нет ГСМ, боеприпасов и т. д.) такие «учения» способны выполнить задачи предупреждения возникновения неуставных отношений, о которых говорилось выше. При организации и проведении этих занятий личный состав подразделения делится на два «противоборствующих» лагеря. Каждому военнослужащему ставится персональная задача (отдается «боевой приказ»), ставятся общие и конкретные задачи подразделениям. В принципе такая работа командира строится в соответствии с Боевым уставом, откуда и следует брать основу, дополняя ее по собственному усмотрению. Главное требование при этом — проводить занятие интересно, чтобы солдаты не почувствовали формализма в действиях командира. Также целесообразно строить занятия таким образом, чтобы военнослужащие различных сроков призыва были «прикреплены» друг к другу (пары: «старослужащий» — молодой солдат, «старослужащий» — два молодых солдата и т. д.). Делать это необходимо для формирования нормальных (по возможности — дружеских) отношений между воинами, имеющими различный неформальный статус.

2. Помимо проведения «зарниц», к примеру, вместо выполнения упражнений учебных стрельб из стрелкового оружия командир роты при отсутствии ГСМ для выезда на войсковое стрельбище (полигон) может организовать в расположении части занятие по огневой подготовке на учебных точках с применением командирского ящика КЯ-83 (который позволяет научить правильно прицеливаться и проверить это с помощью специальных приборов).

3. Если отсутствует топливо, то занятие по вождению с механиками-водителями командир подразделения может провести «пеший — по-машинному» и т. п.

4. В условиях хорошего обеспечения боеприпасами командир имеет возможность проводить интересные формы занятий по огневой подготовке. Например, в подразделениях спецназа часто практикуется «стрельба по-македонски» (огонь ведется с двух рук). Также интересно (и полезно) для солдат будет такое занятие, когда перед выстрелом солдат делает кувырок (несколько кувырков) вперед (назад), таким образом «уходя» с линии огня воображаемого противника. Главная задача этого упражнения — быстро и максимально точно поразить мишень после «ухода с линии огня». Подобных упражнений можно найти очень много

(и в художественной литературе, и в специализированных изданиях[163]). Однако командиру следует всегда помнить, что *все без исключения занятия по огневой подготовке* (и любые другие занятия, связанные с использованием оружия, боеприпасов, пиротехнических средств и т. д.) ***должны проводиться в соответствии с требованиями безопасности, предъявляемыми к таким занятиям воинскими нормативными актами и актами военного управления. Нарушение этих требований влечет дисциплинарную, а в ряде случаев уголовную ответственность командира***.

5. Занятия по физической подготовке также являются неисчерпаемым источником интересных и, самое главное, сплачивающих коллектив (поднимающих уровень самооценки, укрепляющих положительные межличностные отношения и т. д.) упражнений и тренировок. Кроме того, именно на таких занятиях в максимальной степени выплескивается энергия (в том числе и негативная) военнослужащих, обусловленная их молодым возрастом, половой однородностью воинского коллектива, ограниченной свободой передвижения и т. д. Наилучший результат в рамках физической подготовки дают различные виды силовых тренировок (с отягощениями и т. п.) и рукопашный бой. Однако при проведении подобных занятий, так же, как и в предыдущем виде боевой подготовки, следует не забывать о мерах безопасности. Перед началом занятий необходимо провести практический инструктаж (сила ударов, степень контакта, запрещенные для ударов зоны, техника страховки при бросках и т. п.). Главное требование — «не навреди». Кроме того, занятие обязательно должно проходить под бдительным контролем опытного инструктора (который может назначаться из числа военнослужащих подразделения, имеющих спортивные достижения). Если таких лиц в подразделении нет, то командир должен лично контролировать и обучать личный состав (если «пустить на самотек», последствия могут быть самыми плачевными).

Рекомендованные выше формы и виды занятий по боевой подготовке являются примерными. Командир сам может выбирать ту или иную форму в зависимости от своего желания, подготовки и материальных возможностей. Однако следует помнить, что все занятия должны иметь конкретную цель. Помимо укрепления боеготовности и боеспособности подразделения, такими занятиями достигается сплоченность коллектива, укрепляются межличностные отношения, происходит интеграция личности в коллектив, у личного состава появляется новая цель — самосовершенствование, которая уже сама по себе может вытеснить наиболее негативные устремления личности в рамках неуставных отношений военнослужащих. Поэтому в ходе таких занятий необходимо публично отмечать лучших солдат и создавать в подразделении здоровую атмосферу соревнования и поощрения. Для этого необходимо в конце занятий подводить итоги, называть лучших и худших. Возможно «учреждение» в подразделении переходящего вымпела (флага, кубка и т. д.) лучшего отделения (взвода, роты). Не менее важно культивировать в среде подчиненных воинскую гордость за свое подразделение (часть, вид или род войск). К примеру, использовать девиз: «Спецназ навсегда!» или «Служу России и разведке» или «За Родину и честь» или «Один за всех и все за одного». Военнослужащие, сплоченные единой высокой идеей, значительно меньше способны на неуставные действия в отноше-

[163] См., к примеру: Телохранитель: Приемы, средства, критерии пригодности, экипировка и тренинг / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 1998 и др.

нии друг друга, так как собственное подразделение субъективно воспринимается ими как единая мощная и неделимая сила, которой они гордятся.

Ко второй группе мер методики, связанной с решением конкретных задач по военной службе, следует отнести *меры, связанные с контролем за личным составом*.

В самом общем виде данный комплекс мер можно охарактеризовать как меры, обеспечивающие постоянный и всеохватывающий контроль за подчиненными.

Многочисленные исследования показывают, что нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими являются следствием недостаточного контроля со стороны командиров и начальников за личным составом (особенно в вечернее и ночное время), а также за организацией и несением службы лицами суточного наряда. Более 80 % случаев таких нарушений приходится на свободное от службы время.

Связь бесконтрольности с противоправным поведением военнослужащих весьма значима и давно установлена. Строгий контроль за поведением и деятельностью военнослужащих, основанный на действующем военном законодательстве, осуществляемый должностными лицами подразделений и частей, дисциплинирует военнослужащих, способствует предупреждению и пресечению неуставных действий.

Для обеспечения надлежащего контроля за подчиненным личным составом командиру следует сосредоточить усилия по устранению предпосылок неуставных взаимоотношений в подразделении по следующим направлениям:

1) недостатки в контроле за личным составом в служебное время, на работе, на обслуживании техники и т. д.;

2) недостатки контроля за личным составом во внеслужебное время, особенно в вечернее и ночное время, при проведении культурно-досуговых мероприятий в выходные, праздничные и предшествующие им дни.

Командир подразделения при контроле за личным составом должен опираться на помощь своих подчиненных (командиров взводов, старшин рот). Умелая организация данного направления деятельности командира по профилактике неуставных отношений должна убедить всех подчиненных военнослужащих в том, что ни один их шаг в любое время и в любом месте не останется без должного внимания командования подразделения. Для этого необходимо, чтобы командир максимально владел информацией о тех процессах, которые происходят в его подразделении. В этих целях можно установить в правильно подобранном месте «почтовый ящик» для жалоб и заявлений солдат (анонимных) или использовать «информаторов» из числа подчиненных солдат. И хотя подобные способы многим могут показаться неэтичными, поставленная цель (искоренение неуставных отношений) полностью оправдывает такие действия командира.

К третьей группе рассматриваемой методики, связанной с решением конкретных задач по военной службе, следует отнести *меры, связанные с поддержанием в подразделении уставного порядка (военно-административные меры)*.

Общеизвестно, что отступление от уставных требований налагает отрицательный отпечаток на поведение и взаимоотношения воинов, что, в свою очередь, ведет к возникновению в подразделении неуставных отношений. В целях предотвращения и нейтрализации подобных процессов командир должен умело пользоваться предоставленной ему дисциплинарной властью.

Основные положения, определяющие дисциплинарные полномочия командира (начальника) даны в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. № 2140.

Для поддержания в своем подразделении уставного порядка и воинской дисциплины командир должен:

А. Умело сочетать и правильно применять к подчиненным меры:

1) *убеждения*. Под убеждением понимается процесс формирования или изменения таких качеств личности, как взгляды, мнения, установки (разъяснения, советы, аргументированные рекомендации, личный или коллективный пример, пример из других источников);

2) *принуждения*. Принуждение — важнейший инструмент воздействия на человека, основанный на ограничении его возможностей. Особая форма принуждения — организация деятельности, основанная на жестком контроле и пресечении нежелательных действий, а также на ограничении свободы, что лишает физической возможности совершать определенные деяния (требование выполнения определенных действий, требование запрещения или ограничения определенных действий, наложение дисциплинированного взыскания в соответствии с нормами гл. 3 ДУ ВС РФ);

3) *общественного воздействия коллектива*. Даже самое строгое наказание может не оказать на виновного должного воспитательного воздействия, если он не чувствует осуждения со стороны товарищей и всего воинского коллектива. Эффективное воздействие на личный состав оказывает обсуждение проступков военнослужащих на собраниях личного состава (ст. 49 ДУ ВС РФ). Важная роль в проведении таких собраний принадлежит органам воспитательной работы. Основы организации воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации утверждены приказом министра обороны Российской Федерации от 28 февраля 2005 г. № 79;

4) *поощрения*. Глава 2 ДУ ВС РФ устанавливает виды поощрений, применение которых отнесено к полномочиям воинских должностных лиц;

5) *упражнения*. Это многократное повторение действий, поступков, определенной деятельности (в отдельных случаях в сочетании с принуждением и жестким внешним контролем, иногда — на основе самоконтроля), в результате чего формируются умения, навыки и привычки правомерного поведения;

6) *организации деятельности*. Это процесс направления активности человека в определенное русло, управляемое формирование личного опыта. Организация деятельности основывается как на положительных стимулах (поощрения, материальное стимулирование), так и на отрицательных (взыскания, лишения благ, ограничение свободы). Она может осуществляться в двух формах: во-первых, как длительное принуждение; во-вторых, как изменение мотивационной сферы на основе возникновения новых интересов, привычек, потребностей, связанных с тем, что человека удается увлечь определенным делом;

7) *изменения социальной ситуации*. Это один из вариантов организации деятельности, основанный на изменении социального окружения, социальных ролей и социальных связей человека. К примеру, это может быть перевод военнослужащего на другую должность (например, вышестоящую, с целью пробудить организаторские способности) или перевод военнослужащего на другие условия службы (к примеру, менее виктим-

ные: из отдаленного от части объекта в подразделение, под постоянный контроль офицеров и сержантов).

Б. Изучать личные качества подчиненных.

Как уже было отмечено выше, изучение личных качеств подчиненных является первоначальным действием, на основании которого строится вся система индивидуальной профилактики неуставных отношений в воинском подразделении. Помимо перечисленных в предыдущих главах, для изучения личных качеств военнослужащих командир может использовать следующие методы:

1) анализ документов, среди которых:

— учетно-послужная карта (УПК) призывника;

— карта профессионального отбора;

— результаты военно-врачебной комиссии;

— характеристики с последнего места учебы (работы, службы).

Данные документы вместе с призывниками поступают из военкомата или пункта сбора. В процессе службы по необходимости командир (начальник) имеет право запрашивать организации и учреждения (наркологический диспансер, детскую комнату милиции и т. п.);

2) анализ результатов деятельности и поведения подчиненного военнослужащего;

3) непосредственный анализ (в процессе наблюдения со стороны);

4) опосредованный анализ (в процессе выяснения мнения других военнослужащих);

5) личные беседы с военнослужащим.

В результате такой деятельности у командира роты и командиров подразделений на каждого подчиненного военнослужащего должна быть заведена служебная карточка (ст. 106 ДУ ВС РФ) и тетрадь индивидуальной воспитательной работы, в которой находятся данные о каждом военнослужащем подразделения, его фотографии, а также данные о проведенных с ним индивидуальных беседах.

В. Немедленно и решительно пресекать всякие действия, которые могут принести вред уставным взаимоотношениям в подразделении.

Пресечение правонарушения как задача командира подразделения возникает в том случае, когда подчиненный начал совершать конкретное противозаконное или аморальное действие (речь идет о покушении) или осуществляет «приготовление» к такому действию (приискивает орудия преступления, соучастников и т. д.).

Сущность пресечения правонарушений заключается в психическом и физическом воздействии на личность правонарушителя. На основании ст. 9 ДУ ВС РФ в случае открытого неповиновения командир (начальник) не только вправе, но и обязан принять все меры принуждения, «вплоть до ареста виновного и привлечения его к уголовной ответственности», а в исключительных случаях с этой целью может быть применено оружие.

К другим мерам пресечения нарушения воинской дисциплины относится применение оружия для защиты военнослужащих от нападения, угрожающего их жизни и здоровью, если иными способами и средствами защитить их невозможно (ст. 9 ДУ ВС РФ, ст. 11 УВС ВС РФ). Очевидно, что данные меры являются крайними, не терпящими отлагательства и применяются в исключительных случаях. Однако если командир действует в строгом соответствии с законом (в рамках уголовно-правового института необходимой обороны), то он имеет право на

применение таких мер для поддержания воинской дисциплины и пресечения случаев неуставных взаимоотношений между военнослужащими.

Естественно, что при пресечении случаев неуставных взаимоотношений командир подразделения должен докладывать о них по команде (а командир части в установленных случаях и военному прокурору). Также при осуществлении дисциплинарных полномочий командиру следует не оставлять без воздействия ни одного случая неуставных отношений, своевременно выявлять и немедленно устранять причины и условия, способствующие совершению проступков и преступлений.

Г. Организовать правовую пропаганду и проводить работу по предупреждению преступлений, происшествий и проступков.

Организация правовой пропаганды в Вооруженных Силах Российской Федерации осуществляется в соответствии с Инструкцией о правовом обучении в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 29 мая 1999 г. № 333; директивой министра обороны Российской Федерации 1999 г. № Д-6; директивой министра обороны Российской Федерации от 12 августа 2004 г. № Д-42. Содержание воспитательной работы с подчиненными военнослужащими включает деятельность командиров следующего характера:

1) постоянное проведение работы по разъяснению нравственных норм и положений по воинской дисциплине, соблюдению российских законов, Военной присяги, общевоинских уставов, приказов командиров;

2) информирование подчиненного личного состава на темы правового и воинского воспитания (ежемесячно);

3) организация выступления перед личным составом с лекциями, докладами, беседами на темы правового и воинского воспитания (не менее одного раза в неделю);

4) учет рекомендаций специалистов медицинской службы и военных психологов в целях выявления личностей, склонных к конфликтам;

5) обучение подчиненных должностных лиц практике работы с военнослужащими, склонными к конфликтам;

6) доведение до личного состава приказов с объявлением приговоров военных судов об осуждении военнослужащих за неуставные взаимоотношения, воинские преступления.

К мерам по предупреждению преступлений, происшествий и проступков в рамках воспитательной работы можно отнести следующие направления деятельности командира:

1) выявление и нейтрализация (разрушение) микрогрупп, преследующих отрицательные узкогрупповые интересы, создание здоровой психологической «атмосферы» в коллективе;

2) воспитание подчиненных в духе поддержания отношений дружбы, товарищества и взаимопомощи;

3) воспитание у личного состава чувства гордости, самоуважения, чести и достоинства;

4) всемерная и постоянная пропаганда отношений, положительно влияющих на прохождение службы;

5) строгое осуждение безнравственных, нетоварищеских поступков;

6) публичное раскрытие и осуждение истинных мотивов тех воинов, которые добиваются незаслуженных привилегий и преимуществ;

7) всемерная поддержка и оказание помощи воинам, занимающим принципиальную позицию и препятствующим распространению негативных традиций;

8) принятие психологически обоснованных управленческих решений по оптимизации воинской деятельности исходя из решаемых задач и психологических особенностей подчиненных, обеспечение равномерности в распределении служебных нагрузок;

9) демонстрация готовности и решимости командиров бороться с неуставными отношениями;

10) глубокое понимание командным составом сущности межличностных отношений подчиненных, механизмов их формирования;

11) формирование, контроль и коррекция процессов становления и развития взаимоотношений в экипажах, расчетах, отделениях и воинских коллективах в целом;

12) другие направления деятельности[164].

Следует отметить, что организация правовой пропаганды для профилактики неуставных взаимоотношений является крайне важным и трудоемким участком работы командиров подразделений. Кроме того, в рамках правовой пропаганды подчиненных необходимо ознакомить с положениями УК РФ (а еще лучше, если они глубоко их изучат), касающимися уголовной ответственности военнослужащих за преступления против порядка подчиненности (ст.ст. 333, 334) и воинских уставных отношений (ст.ст. 335, 336). Особое внимание при этом следует обратить на санкции (виды и размер наказания), предусмотренные этими статьями УК РФ. Не менее важно довести до сведения подчиненных основные положения «необходимой обороны» (ст. 37 УК РФ) и добиться от них глубокого понимания условий правомерности и противоправности «необходимой обороны».

Д. Служить для подчиненных образцом строгого соблюдения законов, воинских уставов и приказов.

К сожалению, во многих подразделениях утрачена близость офицеров и солдат, отсутствует забота об их быте и досуге, не достает теплого отеческого отношения к ним. Виной тому как объективные, так и субъективные причины. Такое дистанцирование командиров от реальной жизни своих подчиненных уже само по себе создает предпосылки для возникновения в воинском коллективе неуставных отношений. Однако хуже всего то, что некоторые командиры сами допускают высокомерие и грубость, а порой и рукоприкладство по отношению к подчиненным. Такие действия со стороны начальников, как правило, приводят к тому, что солдаты теряют веру в то, что они могут быть защищены от неуставных отношений с помощью закона.

При осуществлении борьбы с неуставными отношениями в подразделении следует всегда помнить, что личный пример командиров и начальников в соблюдении законов, уставов и приказов оказывает существенное влияние на предупреждение преступных проявлений среди подчиненных вообще и индивидуальную профилактику в частности. Примерность и законность в поведении командиров внушает подчиненным уважительное отношение к нормам уставов и создает нравственные предпосылки успешной профилактики правонарушений.

К четвертой группе мер рассматриваемой методики следует отнести *меры, связанные с материально-бытовым обеспечением.*

Очевидно, что неудовлетворительное состояние материально-бытовых условий службы не может не сказаться на самой военной службе. В под-

[164] См.: Взаимоотношения военнослужащих и пути их формирования: Учебно-методическое пособие. М., 1993. С. 38—39.

разделениях порой не хватает полотенец, постельного белья, прикроватных тапочек, что порождает их «взаимохищение» и конфликты (в том числе с применением насилия) на этой почве. Немало конфликтов возникает и в связи с нехваткой столовых приборов. Отсутствие тепла в казармах в зимнее время способствует бесконтрольному группированию военнослужащих в котельных, комнатах для просушки обмундирования и иных местах. Помывка личного состава в бане иногда производится один раз в 2—4 недели, нательное, постельное белье, полотенца, портянки при этом меняются в те же сроки. По тем же причинам санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические и противоэпидемиологические мероприятия производятся несвоевременно или не в полном объеме.

Не вызывает сомнения тот факт, что в случае нехватки в подразделении предметов гигиены, белья и т. д. этих предметов будет лишена именно угнетаемая категория военнослужащих (т. е. молодые воины), тогда как «старослужащие» всегда будут ими обеспечены, а в случае несоответствия количества имеющихся в казарме умывальников реальной численности личного состава ими будут пользоваться при утреннем туалете исключительно представители «правящей» категории военнослужащих, тогда как угнетаемая категория будет практически всегда лишена этой возможности. Эти факты уже сами по себе являются проявлениями неуставных отношений в подразделении, однако они могут привести к еще более тяжким формам нарушений уставных взаимоотношений между военнослужащими. К примеру, молодой солдат, лишенный вследствие указанных недостатков материально-бытового обеспечения туалетных принадлежностей или возможности побриться (так как время, предусмотренное распорядком дня, достаточно ограниченно, а умывальники в это время, как правило, используются исключительно «старослужащими»), может быть избит «старослужащими» за якобы неопрятный внешний вид. На самом деле формальные основания «наказания» (неуставной внешний вид) при этом используются правонарушителями для упрочения своего «авторитета» и запугивания угнетаемой категории военнослужащих в целях полного подчинения своей воле.

Изложенное позволяет утверждать, что недостатки материально-бытового обеспечения в значительной степени стимулируют развитие неуставных взаимоотношений в подразделении. Следовательно, предупреждению неуставных проявлений, безусловно, будет способствовать укрепление материально-бытовой базы в войсках и более качественное удовлетворение бытовых нужд военнослужащих.

Что касается конкретных мер, направленных на надлежащее материально-бытовое обеспечение личного состава, применяемых командирами для профилактики и предупреждения неуставных отношений, то такая работа командиров должна в себя включать следующие направления:

1) разъяснение подчиненным необходимости бережного отношения к военному и государственному имуществу, ответственности за утерю и умышленную порчу имущества;

2) проверку наличия, состояния учета имущества, находящегося в части (для командира батальона — не реже одного раза в три месяца, для командира роты — не реже одного раза в месяц);

3) своевременное и полное доведение до каждого военнослужащего положенных норм довольствия;

4) заботу о питании личного состава и сохранении здоровья;

5) контроль за качеством приготовления пищи;

6) строгое выполнение санитарных норм и требований воинских уставов по размещению военнослужащих;

7) осуществление контроля за поддержанием образцового внешнего вида и выправки военнослужащих;

8) еженедельный контроль за своевременной помывкой личного состава в бане.

К пятой группе мер методики, связанной с решением конкретных задач по военной службе, следует отнести *меры, направленные на активизацию младших командиров*.

Командир любого подразделения в своей повседневной работе с подчиненными не может обойтись без помощи младших командиров, т. е. сержантского состава и старшин. Не вызывает сомнения и то, что возможности сержанта в области предупреждения и пресечения правонарушений очень велики. В подразделениях с подготовленным, грамотным и уважаемым сержантским составом практически невозможны нарушения дисциплины. Зато слабый, недисциплинированный, неподготовленный сержант — это прямая угроза нормальному функционированию воинского коллектива и явная предпосылка возникновения неуставных отношений.

Командир, желающий избавить свое подразделение от неуставных отношений (или предупредить их возникновение), должен активизировать работу младших командиров в необходимом направлении. Для этого можно использовать следующий комплекс мер:

1) *постоянная и целенаправленная работа с сержантским составом подразделения*. К ней относятся вопросы проведения занятий по боевой подготовке, несения службы в суточном наряде и карауле, проведение спортивно-массовой и воспитательной работы и других элементов распорядка дня. Главное, чтобы сержанты постоянно чувствовали на себе пристальное внимание командира;

2) *повышение доверия при работе с сержантским составом*. Сержантам необходимо доверять самостоятельно проводить различные мероприятия (например, назначение старшим команды при убытии из подразделения и т. п.). Это однозначно повышает их авторитет в глазах других военнослужащих;

3) *обязательное поощрение лучших, применение материального стимулирования*. Поощрение военнослужащих является средством их воспитания и средством укрепления воинской дисциплины. Поощрение сержантов и старшин — это разновидность стимулирования их военно-служебной деятельности, т. е. воздействие командиров на потребности, интересы, сознание, практическое поведение военнослужащего, а следовательно, на результаты его военно-служебной деятельности. Права командиров по применению поощрений к подчиненным им сержантам и старшинам изложены в ст.ст. 20—22 ДУ ВС РФ. Практика работы с младшими командирами в войсках показывает, что наиболее существенными видами поощрений являются сообщение на родину или по месту прежней работы (учебы) военнослужащего, а также увеличение продолжительности основного отпуска военнослужащим, проходящим военную службы по призыву. Награждать ценными подарками или деньгами имеют право должностные лица от командира отдельного батальона и выше, но командиры низшего звена могут об этом ходатайствовать перед командиром части;

4) *увеличение дистанции между рядовым составом и сержантами*. Командир при реализации этого комплекса мер должен, поднимая

авторитет сержантов, подчеркивать перед всем личным составом, что младшие командиры — это отдельная категория военнослужащих, это старшие среди равных. Такими действиями могут являться работа с личным составом через сержантов, а не напрямую, обращение к сержантам исключительно на «Вы» как со стороны офицеров, так и со стороны рядовых. Не должно быть панибратского отношения солдата к сержанту, иначе это обязательно скажется на снижении авторитета сержанта.

Однако при осуществлении всей совокупности мер, направленных на активизацию работы сержантов и старшин, необходимо помнить о постоянном контроле за их деятельностью и решительно пресекать любые попытки физического воздействия на подчиненных.

К шестой группе мер рассматриваемой методики следует отнести *меры, связанные с правильным подбором кадров*.

Меры по улучшению отбора, подготовки и стимулирования эффективной деятельности командных кадров уже были подробно рассмотрены в разд. I. Что же касается непосредственного подбора кадров, то определяющим положением в этом направлении предупреждения неуставных отношений является реальная возможность командиров, исходя из своих полномочий, подбирать кадры рядового и сержантского состава.

При подборе указанных категорий военнослужащих необходимо руководствоваться следующим:

1) по возможности отбирать наиболее образованных (чем выше уровень образования — тем выше уровень личной культуры и меньше насильственно-эгоистической мотивации в поведении);

2) отбирать в свое подразделение военнослужащих из более близких социальных групп (чем больше отличается социальное происхождение рядовых — тем выше вероятность возникновения межличностных противоречий между ними в процессе службы);

3) по мере возможности набирать солдат и сержантов с похожими интересами, взглядами, привычками, установками и т. д. (см. раздел о структуре личности, социально-психологических качествах личности, индивидуальном прогнозировании поведения).

Безусловно, приведенные выше рекомендации довольно легко выполнить, если у командира подразделения есть возможность отбора военнослужащих. К примеру, командир роты находится в командировке и производит набор в свою часть призывников из военкомата или специалистов (сержантов) из учебной части. Или возможна такая ситуация, когда молодое пополнение прибыло в часть и командирам подразделений предоставлена возможность отобрать себе тех военнослужащих, моральные и деловые качества которых их удовлетворяют.

В последующем, после прибытия пополнения, необходимо грамотно распределить военнослужащих по подразделениям (отделениям, взводам, ротам). При этом для эффективности предупреждения неуставных отношений необходимо равномерно распределять по подразделениям вновь прибывших, чтобы, например, в отделение, в котором половина солдат уже отслужила 1,5 года, не попали один-два «вчерашних» призывника, а в другое отделение — наоборот.

При возникновении необходимости назначения на сержантскую должность рядового или ефрейтора из своего подразделения командиру следует исходить из следующих критериев:

1) кандидат должен обладать положительными морально-деловыми качествами, быть специалистом в своем деле, а не просто прослужить больше всех;

2) этот подчиненный должен пользоваться авторитетом у всего подразделения или абсолютного его большинства;

3) категорически не рекомендуется назначать на сержантские должности военнослужащих, пытающихся решать служебные вопросы с позиции силы.

Следует также помнить о том, что при любом подборе кадров необходимо проводить индивидуальную беседу с военнослужащим, внимательно изучать все характеризующие его документы.

К седьмой группе мер рассматриваемой методики следует отнести *меры по организации досуга военнослужащих подразделения.*

Недостатки в обеспечении нормального досуга военнослужащих по призыву, безусловно, являются серьезными криминогенными факторами, которые, во-первых, препятствует адаптации молодых людей к военной службе, во-вторых, отрицательно влияют на процесс физического и психологического восстановления военнослужащих после достаточно серьезных нагрузок, связанных с исполнением обязанностей по военной службе, в-третьих, инициируют уклонение от военной службы, в-четвертых, порождают переутомление, ожесточенность и конфликтность военнослужащих.

Кроме того, отсутствие элементарной информации (ее минимум) о жизни «за забором» и качественных досуговых мероприятий нередко порождает уродливые формы развлечений в «казарменной среде», связанные с пьянством, наркоманией, токсикоманией, откровенными издевательствами над сослуживцами и т. п.

К основным мерам по организации досуга военнослужащих по призыву можно отнести следующие:

1) обязательное предоставление военнослужащим подразделения времени для прослушивания радио и просмотра телепрограмм, удовлетворения личных потребностей (ст. 227 УВС ВС РФ);

2) еженедельное проведение в подразделении часа солдатского письма;

3) организацию в подразделении подписки на периодические печатные издания (причем подписка должна осуществляться не только на «Красную звезду», но и на другие газеты и журналы как воинской, так и иной тематики);

4) ежемесячный выпуск стенной газеты, различного рода «молний» и других органов стенной печати, в которых, помимо общеполезной и интересной для воинов информации, содержались бы сведения, направленные на пропаганду добросовестного выполнения воинского долга и культивирование нормальных (дружеских) взаимоотношений военнослужащих;

5) проведение в подразделениях звена рота — батальон шашечных и шахматных турниров, соревнований по армрестлингу и других видов соревнований (как спортивного, так и прикладного характера) с публичным поощрением отличившихся;

6) проведение в выходные дни спортивных праздников;

7) посещение военнослужащими библиотеки воинской части приказ министра обороны Российской Федерации от 12 сентября 1995 г. № 300;

8) организацию просмотра документальных и художественных фильмов (приказ министра обороны Российской Федерации от 18 февраля 1997 г. № 57);

9) участие в фестивалях, смотрах, конкурсах художественного самодеятельного творчества, викторинах, КВНах (директива министра обороны Российской Федерации 1993 г. № Д-64);

10) организацию посещения военнослужащими культурно-зрелищных и спортивных мероприятий в выходные и праздничные дни (директива министра обороны Российской Федерации 1993 г. № Д-64);

11) проведение встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, других войн и локальных конфликтов, ветеранами труда и др.

Кроме того, командир подразделения еженедельно должен проверять готовность подчиненных ему должностных лиц к проведению культурно-досуговых мероприятий в предвыходные, выходные и праздничные дни.

Все вышеперечисленные меры деятельности по организации досуга личного состава может использовать любой командир подразделения при наличии желания с его стороны, помощи со стороны командования воинской части и наличии определенных материально-технических условий.

Кроме того, если в подразделении есть бытовая комната со всем необходимым оборудованием, комната психологической разгрузки с телевизором, ауди-, видеотехникой и спортивный уголок с необходимыми снарядами и все военнослужащие этим активно пользуются, можно с уверенностью сказать, что в этом подразделении командир заботится о быте своих подчиненных. Результатом такой заботы будет снижение количества правонарушений, обусловленных неуставными отношениями в подразделении.

К восьмой группе мер рассматриваемой методики следует отнести *меры по активизации самозащиты военнослужащих* в условиях неуставных взаимоотношений.

Общеизвестно, что в процессе повседневной жизнедеятельности войск командиры подразделений не могут постоянно находиться вместе с подчиненным личным составом и контролировать правомерность поведения военнослужащих. Поэтому ситуации, когда предполагаемая жертва неуставных взаимоотношений и правонарушитель остаются наедине друг с другом, — объективное условие военной службы. Именно в эти моменты наиболее вероятны проявления неуставных отношений. Поэтому, если признать, что командир объективно не может находиться в подразделении 24 часа в сутки, следует подготовить подчиненных (особенно наиболее «виктимные» категории военнослужащих) к правильному, эффективному и законному противодействию преступным посягательствам на почве неуставных отношений.

К мерам, направленным на организацию и проведение такой подготовки, следует отнести:

1) проведение беседы с молодым пополнением о защите своего достоинства и чести, формировании активной жизненной позиции;

2) разъяснение молодым солдатам того факта, что легче дать отпор посягающим всем коллективом, чем поодиночке, поэтому необходимо объединяться и защищать друг друга;

3) убеждение военнослужащих более позднего срока призыва в их равенстве со «старослужащими»;

4) развенчание мифа о «стукачестве», приведение примеров своевременных сообщений о «дедовщине», приведших к позитивным результатам (спасение жизни или здоровья, улучшение взаимоотношений в коллективе и т. д.);

5) доведение до молодых солдат номеров «телефонов доверия» и других «безопасных» способов сообщения о фактах неуставных взаимоотношений начальникам различных категорий;

6) доведение и разъяснение ст.ст. 37 и 39 УК РФ о необходимой обороне и крайней необходимости;

7) поощрение занятий военнослужащих спортом, обучение их приемам рукопашного боя (согласно Наставлению по физической подготовке), приемам самозащиты из восточных единоборств и т. д.[165];

8) формирование у военнослужащих психологической и интеллектуальной готовности дать отпор обидчику.

К девятой группе мер методики предупреждения неуставных отношений следует *отнести меры, основанные на связи с родителями.*

Некоторые командиры подразделений нередко недооценивают эффективность и результативность мер предупреждения и профилактики неуставных отношений, основанных на силе родительского авторитета. За суетой и «текучкой» повседневной службы эти меры как бы теряются, отходят на второй план. Однако не следует забывать, что военнослужащие по призыву — это вчерашние школьники, они остро нуждаются в общении со своими родителями, близкими и прислушиваются к их авторитетному мнению. Более того, условия военной службы (территориальная обособленность, замкнутый мужской коллектив, физические и психические нагрузки и т. д.) многократно усиливают тягу вчерашних мальчишек к своим родителям. Поэтому было бы весьма грамотным и логичным при воспитательной работе с потенциальными нарушителями наряду с другими способами воздействия применять и способы, основанные на силе родительского авторитета.

Помимо того, значение рассматриваемых мер трудно переоценить при проведении воспитательной работы с военнослужащими-нарушителями «кавказской национальности». Общеизвестна устойчивость связи между отцом и сыном у «кавказских народов» — авторитет отца непререкаем в таких семьях. В ряде случаев функции «воспитания» вместо отца может выполнить старший брат. Поэтому достаточно командиру связаться с этими людьми, рассказать о недостойном поведении их сыновей (братьев), попросить приехать в часть и «вразумить» нарушителя, и успех почти гарантирован. Опыт многих командиров, применявших этот способ, свидетельствует о том, что после таких бесед с отцами, практически до конца службы бывшие нарушители являются образцом послушания и правомерного поведения.

Помимо уже указанных, к мерам предупреждения неуставных отношений, основанным на связи командира с родителями, можно отнести следующие:

1) переписку с родителями военнослужащих. По прибытии в подразделение молодого пополнения необходимо отправлять родителям солдат письма, в которых указать, в какую часть попал служить их сын, адрес части, ее боевой путь и боевые традиции. Будет нелишним попросить родителей сообщить командиру подразделения о том, что пишет их сын о порядках в части и подразделении, уделяя внимание таким моментам, где и когда происходят случаи неуставных отношений, в каких формах они выражаются и кто участвует в них;

2) приглашение родителей в часть. Командир подразделения не должен забывать про такие важные даты и мероприятия, как принятие присяги молодым пополнением, юбилеи части, дни рождения (особенно 20-летие) подчиненных, общенародные праздники;

---

[165] Об организации обучения приемам самообороны и силовых тренировках говорилось в настоящем разделе при рассмотрении мер, связанных с организацией боевой подготовки.

3) знакомство с родителями при приезде их в часть и обстоятельная беседа с ними. Из такой беседы командир подразделения может узнать о привычках, наклонностях, слабых и сильных сторонах его подчиненного и в последующем сможет, с учетом собственных наблюдений, предугадывать поведение этого военнослужащего в тех или иных конкретных ситуациях;

4) организацию выступлений (бесед) родителей перед личным составом подразделения. Отцы солдат могут рассказать о своем прохождении службы, вспомнить опыт старших поколений, интересные случаи из жизни. Все это не замедлит сказаться на создании здоровой атмосферы в воинском коллективе, снизит уровень негативных явлений и «замкнутости» в подразделении.

Непосвященному человеку или малоопытному командиру может показаться, что реализация указанных мер займет слишком много времени и сил, а результат будет низким. Это ошибочное мнение. Данная группа мер предупреждения неуставных отношений чрезвычайно эффективна по нескольким причинам. Во-первых, в смысле получения информации о подчиненных и истинных процессах, происходящих в подразделении, общение (личное или посредством писем) с родителями рядовых военнослужащих (особенно младших призывов) является бесценным источником сведений. Получить информацию такого характера из других источников весьма затруднительно. Во-вторых, меры, основанные на связи с родителями военнослужащих, лежат за плоскостью непосредственной служебной деятельности как командиров, так и рядовых, поэтому и воспринимаются последними ближе и непосредственнее.

Все перечисленные выше меры хотя и являются основными для предотвращения неуставных отношений в воинском подразделении, однако для достижения поставленной цели они не являются исчерпывающими. Существует еще и ряд дополнительных мер, обеспечивающих эффективную реализацию основных. Их применение в той или иной конкретной ситуации будет способствовать снижению уровня «дедовщины» в подразделении. К ним можно отнести следующие меры:

а) *отход от порочной практики сокрытия неуставных отношений в подразделении.* Живучести нарушений уставных правил взаимоотношений в воинских коллективах способствует порочная практика сокрытия их от учета.

Изучение латентной преступности показывает, что примерно каждое третье преступление скрывается от учета. Причем три четверти из них — правонарушения, потерпевшими от которых являются рядовые. Из числа этих потерпевших на долю тех, кто прослужил до 6 месяцев, приходится более половины скрываемых преступлений, а на долю прослуживших от 6 до 12 месяцев — четвертая их часть.

Среди мотивов, по которым факты нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и другие преступления скрываются от регистрации, опрошенные военнослужащие называли: боязнь огласки случившегося, нежелание «связываться» из-за сложности процедуры следствия, круговую поруку, нежелание выносить «сор из избы».

Командиру всегда следует помнить, что его деятельность по поддержанию воинской дисциплины оценивается не по количеству правонарушений, а по точному соблюдению им законов и воинских уставов, полному использованию своей дисциплинарной власти и выполнению своих обязанностей в целях наведения порядка и своевременного предупреждения нарушений воинской дисциплины. За преступления, происшествия

и проступки подчиненных, не являющиеся прямым следствием деятельности командира (начальника) или непринятия им мер по их предупреждению, он ответственности не несет (ст. 8 ДУ ВС РФ);

б) *контроль командира подразделения за деятельностью подчиненных офицеров, прапорщиков и военнослужащих контрактной службы, не имеющих воинских званий офицеров и прапорщиков.* Нарушениям уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в немалой степени способствует и то обстоятельство, что некоторые командиры слабо контролируют деятельность подчиненных им офицеров и прапорщиков. В отдельных подразделениях офицеры и прапорщики, неспособные на кропотливую воспитательную работу с подчиненными, подменяют уставную требовательность и заботу о них грубой силой, допускают рукоприкладство. Такие «воспитатели» сами провоцируют подчиненных на совершение преступлений;

в) *выявление неформальных лидеров в подразделениях и целенаправленная работа с ними.* В любом воинском коллективе всегда присутствует неформальный лидер (или группа), осуществляющий роль организатора или вдохновителя и контролирующий соблюдение негативных ролевых предписаний. Как правило, такой лидер характеризуется стремлением подчинять себе людей (жаждой власти). Для достижения своих корыстных целей он нередко использует физическое насилие или угрожает его применением. Свое истинное лицо он может скрывать под маской борьбы за дисциплину и т. п.

В своей деятельности командир должен нейтрализовать отрицательных лидеров — организаторов и носителей неуставных отношений, опираться на лидеров положительной ориентации, назначать их на сержантские должности, привлекать в общественный актив подразделения;

г) *пресечение любых попыток употребления алкогольных, наркотических и токсических средств подчиненным личным составом.* Борьба с этими негативными явлениями в последние годы существенно ослаблена, что обусловило рост осужденных за преступления в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Прежде всего, это характерно для правонарушений, связанных с насилием.

Безусловно, активизация борьбы с пьянством и другими патоманиями (наркоманией и токсикоманией) могла бы объективно способствовать снижению остроты проблемы неуставных проявлений в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Помимо уже перечисленных, к дополнительным мерам профилактики неуставных взаимоотношений можно отнести следующие:

1) контроль равномерности распределения нарядов и работ между военнослужащими различных сроков службы и национальностей, а также правильную расстановку их по постам и сменам в карауле и внутреннем наряде;

2) оказание практической помощи подчиненным офицерам, прапорщикам (мичманам) в совершéнствовании стиля работы с подчиненным рядовым составом;

3) регулярное проведение инструкторско-методических занятий с сержантами (старшинами) по совершенствованию знаний и навыков воспитательной работы с подчиненными, психолого-педагогическим и правовым основам их служебной деятельности;

4) подведение итогов боевой подготовки, воспитательной работы, состояния воинской дисциплины, внутреннего порядка и постановку задач

должностным лицам по устранению выявленных недостатков, активизации воспитательной работы, укреплению воинской дисциплины;

5) анализ работы сержантов (старшин) по предупреждению правонарушений, установление причин и условий, способствующих совершению дисциплинарных проступков, принятие организационных и воспитательных мер по их устранению;

6) анализ причин травматизма, заболеваемости и обращения личного состава в медпункт и госпиталь, их устранение;

7) корректировку графика предоставления отпусков сержантам (старшинам) и солдатам (матросам), проходящим службу по призыву, в соответствии с их результатами в освоении воинской специальности, боевой подготовке и уровнем личной дисциплинированности, объявление об этом личному составу на подведении итогов;

8) проведение общих собраний личного состава роты (батальона, корабля) с обязательным включением в повестку дня вопросов, связанных с поиском путей решения насущных проблем подразделения;

9) доведение до личного состава приказов с объявлением приговоров военных судов об осуждении военнослужащих за неуставные отношения и другие воинские преступления;

10) организацию присутствия личного состава при проведении открытых судебных процессов;

11) проведение собраний «старослужащих» солдат и сержантов, индивидуальных бесед с ними перед прибытием молодого пополнения;

12) совершенствование организации и условий военной службы, преодоление повышенной напряженности и конфликтности в подразделении;

13) повышение уровня правовой и этической грамотности в воинских коллективах;

14) устранение противоречий и конфликтов, дестабилизирующих коллектив;

15) выявление нужд, запросов военнослужащих, динамики их настроения;

16) организацию коллективного поздравления военнослужащих с днем рождения;

17) изучение неуставных «традиций» и «ритуалов» и замена их организованными мероприятиями, такими, как чествование, торжественная передача оружия, вручение атрибутов воинской доблести;

18) осуществление контроля за доведением до личного состава всех положенных норм довольствия;

19) организацию воспитательной работы, направленной на изжитие грубости, чванства, попустительства правонарушителям со стороны офицерского состава;

20) придание максимальной гласности усилиям командования, органов военной прокуратуры и военного суда по борьбе с неуставными взаимоотношениями в воинских коллективах.

Все вышеперечисленные меры воздействия на «дедовщину» имеют законный характер, т. е. основываются на законе и применяются во исполнение закона. Командиры подразделения могут и должны применять их для искоренения или хотя бы снижения уровня неуставных взаимоотношений между подчиненными.

В войсках нередки ситуации, когда командиры (начальники), их заместители применяют и незаконные методы профилактики неуставных отношений или «укрепления» воинской дисциплины. Применение таких методов показывает неумение и нежелание командиров работать с подчиненными законными способами, отсутствие элементарных навы-

ков общения с людьми, а иногда — откровенную леность командира, не желающего тратить время на подчиненных и работающего по принципу: «И так сойдет». Практически все они сводятся к применению физической силы и в угрозе ее применения.

По сути своей незаконные меры профилактики неуставных отношений — это не что иное, как та же самая «дедовщина», но только в отношении подчиненных. Крайне важно не допускать подобного «воспитания», так как такие действия начальников не только способствуют расцвету неуставных отношений в среде военнослужащих по призыву, но и значительно подрывают авторитет командира и привлекательность военной службы в целом. Кроме того, *за подобные действия начальников предусмотрена уголовная ответственность.* В соответствии со ст. 286 УК РФ за применение начальниками (в том числе и воинскими) насилия к своим подчиненным предусмотрено наказание в виде *лишения свободы сроком от трех до десяти лет.*

§ 3. Методика предупреждения неуставных взаимоотношений, в основе которой лежат методы, применяемые в определенной служебно-бытовой ситуации

Прежде всего, необходимо сказать, что данная методика по своей природе не является альтернативой предыдущей. Она должна применяться одновременно с ранее рассмотренными направлениями предупреждения и профилактики неуставных отношений. Это будет своеобразным проявлением так называемого системного подхода разрушающего воздействия на преступность (хотя и довольно узкой его части), который лежит в основе современной военной криминологии.

Рассматриваемая методика представляет собой систему мер по нейтрализации (блокированию) прямых и косвенных причин неуставных взаимоотношений, возникающих в определенных служебно-бытовых ситуациях (при утреннем туалете, при несении службы в карауле, в парке, в роте, при помывке в бане и т. д.).

1. Меры предупреждения, нейтрализующие причины, вытекающие из недостатков служебно-бытовых отношений в казарме. Следует признать, что косвенными причинами, детерминирующими неуставные отношения в казарме, являются отсутствие предусмотренных ст. 160 УВС ВС РФ необходимых помещений, их необеспеченность положенным имуществом и инвентарем (отсутствие дежурного освещения в спальных помещениях, полного освещения на лестницах, в туалетах и коридорах (ст. 201 УВС ВС РФ), необходимого количества кранов в умывальнике, отсутствие либо нехватка ножных ванн, мест для стирки обмундирования (ст. 174 УВС ВС РФ); необходимого количества кабин с унитазом, писсуаров в туалетных комнатах (ст. 190 УВС ВС РФ), фурнитуры и ремонтного материала в комнатах бытового обслуживания), низкая температура воздуха в казарме (что ведет к изъятию одеял и теплых вещей у угнетаемой категории военнослужащих), обезличивание имущества и инвентаря (закрепление кроватей в спальном помещении не в последовательности, соответствующей штатно-должностному списку подразделения (ст. 164 УВС ВС РФ), отсутствие клеймения на всех предметах вещевого имущества, выданного в пользование военнослужащим), что ведет к «кучкованию» военнослужащих по срокам призыва или иным неформальным признакам и принудительному изъятию предметов обмундирования у молодых солдат. С учетом вышеизло-

женного необходимо акцентировать внимание командиров на следующих мерах:

1. Оборудовать все жилые и служебные помещения в строгом соответствии с требованиями УВС ВС РФ. По необходимости провести ремонт помещений и мебели, создавать в казарме уют.

2. Закрепить за каждым военнослужащим вещевое имущество, предметы снаряжения, места их хранения и мебель.

3. Проверять доведение положенных норм материальных средств до каждого военнослужащего.

4. Проводить конкурсы между подразделениями на лучшее оборудование и содержание казарменных помещений.

5. Проводить с командирами взводов, старшинами и сержантами подразделения показные, инструкторско-методические занятия по организации и поддержанию внутреннего порядка.

Среди основных причин, детерминирующих неуставные отношения в казарме, можно назвать бесконтрольность получения посылок и денежных переводов со стороны должностных лиц подразделения, выдачи вещевого и другого имущества, слабый подбор и подготовку суточного наряда подразделения, низкую требовательность командиров к лицам суточного наряда, низкий контроль за наличием и расходом личного состава, неравномерное распределение среди личного состава нарядов на службу, бесконтрольность назначения уборщиков помещений и закрепленной территории, выделения военнослужащих на хозяйственные работы. Для нейтрализации этих недостатков командирам рекомендуется использовать следующие меры, предусмотренные военно-правовыми актами:

1. Ежедневный контроль лицами суточного наряда и офицерами подразделения выполнения распорядка дня и наличия личного состава, особенно в вечернее и ночное время.

2. Ежедневный инструктаж суточного наряда на предмет предупреждения и пресечения неуставных отношений в подразделении. При этом необходимо акцентировать внимание инструктируемых лиц на том обстоятельстве, что они несут личную ответственность (вплоть до уголовной) за ненадлежащее исполнение своих обязанностей в случае возникновения неуставных отношений в подразделении.

3. Подведение итогов несения службы лицами суточного наряда и оценка выполнения ими обязанностей.

4. Поощрение лиц суточного наряда в приказах по воинской части за образцовое несение ими службы.

5. Привлечение лиц суточного наряда к ответственности за пассивность в предотвращении нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

6. Контроль со стороны офицеров за получением денежных переводов и посылок и распоряжением ими военнослужащими младших призывов.

7. Распределение среди личного состава нарядов на службу, назначение уборщиков помещений и закрепленной территории, выделение военнослужащих на хозяйственные работы в строгом соответствии с месячным (недельным) графиком нарядов (уборщиков и т. д.).

2. Меры предупреждения, нейтрализующие причины, вытекающие из недостатков служебно-бытовых отношений при подготовке к несению службы в карауле и при ее несении. При возникновении неуставных отношений в карауле в основе противоправных действий (помимо прочих, в основном субъективных, причин) лежат

недостатки в работе командиров при подготовке к несению службы в карауле, ее организации и непосредственном несении. Перечень возможных недостатков подобного характера достаточно велик. Назовем лишь основные:

1. Неправильные подбор и расстановка личного состава подразделений по местам несения службы: назначение в караул лиц, совершивших деяния, предусмотренные УК РФ (по которым ведется следствие), больных, солдат с неуравновешенной психикой или получивших неприятные вести от родных, близких или знакомых (особенно по поводу девушек), одновременное назначение в караул постоянно конфликтующих между собой военнослужащих, назначение некоторых военнослужащих на одни и те же посты в порядке отбывания «дисциплинарного взыскания».

2. Слабые практические навыки молодых командиров подразделений по подготовке личного состава караулов.

3. Отсутствие в караульном помещении необходимого количества: полумягких топчанов, наушников для прослушивания радио, постовой одежды, посуды, светосигнального устройства от пирамиды с оружием, дежурного освещения в комнате для отдыхающей смены.

4. Слабое знание командирами подразделений моральных качеств, индивидуальных и национальных особенностей военнослужащих, их запросов и нужд.

5. Снижение требовательности к подбору и подготовке личного состава, заступающего в караулы.

6. Выставление на посты в одной смене военнослужащих, ранее проявивших неприязнь друг к другу.

7. Допуск в караульное помещение военнослужащих подразделения, не назначенных в состав караула.

8. Бесконтрольный прием пищи личным составом караула.

9. Формальная проверка несения караульной службы (боевого расчета, соблюдения графика заступления-смены постов и др.) должностными лицами подразделения и части (проверяющими).

Подавляющую часть подобных причин можно устранить с помощью следующих методов:

1. Применение системы совместной работы командиров, офицеров штаба и медицинской службы по подбору личного состава, заступающего в караул. В соответствии с этой системой издается персональный приказ по части о назначении на посты военнослужащих, зарекомендовавших себя дисциплинированными, правопослушными и психологически устойчивыми, проводится углубленное медицинское обследование всего личного состава части и выявление лиц, включение которых в состав караула запрещено, списки таких лиц персонально доводятся до командиров под роспись. Окончательное решение на утверждение состава караула командиром подразделения принимается после обязательного обсуждения каждого военнослужащего с заместителем по воспитательной работе, психологом, командирами взводов и старшиной роты[166].

[166] Уважаемый читатель! Автор настоящего издания прекрасно отдает себе отчет в том, что в условиях современной армии, с учетом характеристики основного призывного контингента, практически невозможно обеспечить эффективную работу рассматриваемой системы (как, впрочем, и некоторых других рекомендуемых мер). Однако в данной книге описываются лишь основные направления, которым необходимо следовать при предупреждении неуставных отношений, а большинство мер носят рекомендательный характер. Поэтому не стоит относиться к рассматриваемой методике с предубеждением.

2. На всех этапах подготовки караула должно обращаться внимание на выявление жалоб и просьб военнослужащих.

3. Проведение ежемесячной проверки состояния постов и караульного помещения командиром и начальником штаба войсковой части и принятие своевременных мер по устранению выявленных недостатков должностными лицами, ответственными за их оборудование.

4. Осуществление контроля должностными лицами части (в первую очередь командиром роты) за несением службы в карауле: соблюдение графика заступления-смены, табеля постам, предоставление возможности отдыха (сна) отдыхающей смене (если в ней присутствуют военнослужащие младших призывов), оборудование караульного помещения, рациональное закрепление за военнослужащими (особенно младших призывов) объектов уборки в караульном помещении и т. д.

3. Меры предупреждения, нейтрализующие причины, вытекающие из недостатков служебно-бытовых отношений при приеме пищи и несении службы в наряде по столовой. Среди причин, детерминирующих неуставные отношения в рамках служебно-бытовых ситуаций, немалую долю занимают причины, связанные с неправильной организацией приема пищи военнослужащими и несения службы нарядом по столовой. К основным причинам можно отнести следующие:

1. Отсутствие в столовой необходимого количества столов и стульев. Это приводит к тому, что угнетаемая категория военнослужащих не имеет реальной возможности полноценно питаться. Они просто не допускаются за стол либо ждут своей «очереди» и, естественно, не успевают полноценно поесть. Такие факты уже сами по себе являются неуставными проявлениями, так как «очередность» приема пищи определяется неформальными критериями (сроком службы, физической силой, принадлежностью к определенной группе и т. д.). Также для получения возможности попасть в первую «очередь» возможно возникновение насильственных конфликтов (драк) между военнослужащими.

2. Неполная сервировка столов (комплектование подносов) посудой и столовыми приборами. Последствия этого упущения со стороны должностных лиц аналогичны предыдущим.

3. Отсутствие постоянного закрепления обеденных столов за подразделениями, номинально-формальное назначение старших столов. Подобные недостатки приводят к «кучкованию» военнослужащих за столами по неформальным признакам («деды» с «дедами», «духи» с «духами», причем к каждому столу «дедов» в этом варианте будет «прикреплен» молодой воин-«официант», обязанный убирать посуду, накрывать на стол, «доставать» дополнительные порции сахара, масла и т. д.). Проявления неуставных отношений в подобных случаях налицо. Кроме того, возможны и более тяжелые последствия рассматриваемых упущений должностных лиц (к примеру, избиение «официанта», не «доставшего» пачку майонеза к обеду «дедов»).

4. Недостаточное освещение или его отсутствие в помещениях столовой и у входа в столовую. Подобные недостатки способствуют, а иногда и провоцируют решение конфликтов между военнослужащими силовым (насильственным) способом. Проблема в том, что при приеме пищи достаточно часто между солдатами возникают различные «трения» (дали маленькую порцию или «хлеборез» не дал дополнительно хлеба и т. д.). Как правило, подобные споры переходят в насильственное «выяснение отношений». И если в столовой есть «укромное» затемненное помеще-

ние или хотя бы темный угол, то можно с уверенностью прогнозировать возникновение в этих местах драк и избиений.

5. Неправильная организация подготовки к приему пищи и самого приема пищи в столовой. Это выражается в неравномерном распределении мяса, рыбы, сахара, масла между военнослужащими, неполном доведении других положенных продовольственных норм, нарушении воинской дисциплины во время приема пищи и др. Подобные нарушения напрямую провоцируют возникновение межличностных конфликтов (очень часто с применением насилия) между военнослужащими при приеме пищи или сразу же после этого.

Блокировать указанные выше причины, соответственно избежать возможных негативных проявлений неуставных отношений можно было бы, применяя следующие меры:

1. Добиваться необходимого и качественного оборудования помещений столовой в строгом соответствии с требованиями военного законодательства.

2. Закреплять за каждым подразделением обеденные столы на постоянной основе. При этом необходимо правильно назначать старших столов и периодически контролировать выполнение ими своих обязанностей.

3. Периодически контролировать доведение положенных норм довольствия личному составу (в первую очередь мяса, масла, хлеба и сахара, так как из-за нехватки именно этих продуктов чаще всего и случаются конфликты между военнослужащими).

4. Оборудовать и использовать (если это позволяют технические возможности) линии самообслуживания. В некоторых частях подобный опыт способствовал решению многих проблем, связанных с неправильным нормированием порций, очередностью приема пищи, несправедливым распределением порций и т. д., что не могло не повлиять на улучшение межличностных отношений военнослужащих[167].

5. Ежедневно лично контролировать процесс приема пищи личным составом подразделения. Некоторые офицеры, жалея свое время, перекладывают эту обязанность на сержантский состав. Подавляющее большинство правонарушений происходит именно в период бесконтрольности личного состава, в том числе и в столовой.

6. Привлекать лиц поварского состава и наряда по столовой к ответственности за хищение продуктов и утрату материальных средств, тем самым устраняя предпосылки конфликтов между военнослужащими по поводу нехватки порций, тарелок, чашек и т. д.

4. Меры предупреждения, нейтрализующие причины, вытекающие из недостатков служебно-бытовых отношений при помывке в бане и стирке предметов обмундирования. Не секрет, что дефекты организации и проведения банно-прачечного обслуживания, так же, как дефекты организации других сфер армейского быта, часто являются причинами возникновения неуставных отношений в подразделении. Основные причины, детерминирующие неуставные отношения в рамках этой сферы, аналогичны уже рассмотренным выше (отсутствие необходимого оборудования и инвентаря (скамеек для раздевания, помывоч-

[167] В идеале при использовании поточной линии самообслуживания посуда должна состоять из подноса со специальными углублениями для первых и вторых блюд, стакана и столовых приборов (ложки, вилки и ножа). Подобный минимум позволяет меньше тратить времени на подготовку столов к приему пищи и снижает возможность несправедливого распределения порций между военнослужащими.

ных мест, мочалок, мыла, банных полотенец), слабое освещение, низкая организация подготовки и несения службы нарядом по бане, низкое качество медицинского осмотра личного состава перед помывкой дежурным фельдшером (санитарным инструктором) и др.). Что касается основных мер по нейтрализации этих причин, то их перечень примерно следующий:

1. Усиление контроля со стороны заместителя командира части по тылу и начальника вещевой службы за исправностью и наличием оборудования в бане.

2. Проверка начальником вещевой службы качества стирки нательного белья и осуществление контроля за его выдачей личному составу.

3. Контроль за наличием в необходимом количестве продезинфицированных мочалок, мыла и полотенец.

4. Присутствие при помывке личного состава офицеров или прапорщиков.

По своей сути все меры по предупреждению неуставных отношений при помывке в бане сводятся к контрольным функциям должностных лиц по доведению положенных норм довольствия до личного состава и непосредственному присутствию прямых командиров при помывке. Эти меры, кстати, предусмотренные военным законодательством, устраняют возможные предпосылки неуставных отношений при помывке в бане.

§ 4. Методика поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений в воинском подразделении

Говоря о предупреждении неуставных отношений в воинском коллективе как системе мер, направленных на разрушение причин этого явления, следует отметить еще одну достаточно эффективную методику — методику поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений в подразделении[168]. Эта методика, разработанная Главным управлением воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации, основывается на разделении периода службы каждого военнослужащего на четыре основных этапа и представляет собой систему деятельности командиров и начальников подразделения в рамках каждого из этих этапов. Выделяют следующие четыре этапа этой деятельности:

1) этап подготовки подразделения к приему прибывающего молодого пополнения (апрель, октябрь);

2) этап приема молодого пополнения и увольнения с военной службы военнослужащих, выслуживших установленный срок службы (май — июнь, ноябрь — декабрь);

3) начальный этап службы молодых военнослужащих;

4) этап овладения военнослужащими боевой специальностью (июль — сентябрь, январь — март).

На первом этапе (подготовки к приему прибывающего пополнения) основное внимание необходимо уделить подбору и обучению сержантов и наиболее дисциплинированных солдат, которым предстоит обучать молодое пополнение. Подбор происходит на основании глубокого изучения личных дел и индивидуальных бесед с указанными военнослужащими. По возможности такое назначение должно происходить с добровольного согласия кандидата. Обучение производится путем проведения учебных сборов (3—5 дней), на которых проверяется готов-

[168] См.: Методика поэтапной профилактики неуставных отношений в подразделении: Методическое пособие. М., 2000.

ность кандидатов к работе с прибывающим контингентом и их обученность (правовые, педагогические, психологические и другие знания).

Для размещения молодого пополнения необходимо выделить помещение, оборудованное в строгом соответствии с требованиями УВС ВС РФ. С командирами учебных рот, их заместителями по воспитательной работе проводятся инструктажи о практике работы с сержантами по недопущению с их стороны грубости в отношении молодых солдат. Перед приемом молодого пополнения целесообразно с командирами взводов, рот, их заместителями провести занятие на тему: «Сплочение воинских коллективов и предотвращение нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими», в ходе которого закрепить навыки командиров указанных степеней по пресечению и предупреждению неуставных проявлений. На это занятие необходимо пригласить работника военной прокуратуры для сообщения о состоянии и тенденциях преступности в гарнизоне и дачи практических советов по пресечению неуставных отношений и алгоритму сотрудничества с военной прокуратурой в случае совершения преступлений на почве неуставных отношений.

На втором этапе (приема молодого пополнения) необходимо обеспечить в учебных подразделениях строгий уставной порядок, сформировать у вчерашних школьников первичные навыки военной службы и правильное отношение к армейской жизни. Особенно важно при этом усиленное внимание командиров к нуждам подчиненных. Ни одна потребность молодых солдат не должна остаться без внимания офицера.

В данный период (особенно в первые 14 суток) необходимо уделить внимание выполнению следующих требований:

1) прибывший на пополнение в воинскую часть личный состав должен размещается в отдельном помещении;

2) должно быть проведено его углубленное медицинское обследование;

3) выдача обмундирования должна производиться под контролем офицерского состава. Очень важно, чтобы обмундирование было выдано в полном объеме и в соответствии с «ростовками» каждого военнослужащего (это поможет оперативно среагировать на факты изъятия или «обмена» обмундирования у молодых воинов «старослужащими»);

4) с молодым пополнением необходимо провести занятия по изучению общевоинских уставов, федеральных законов «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих» (изучить права, обязанности и виды ответственности военнослужащих), Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. (с изменениями от 14 декабря 1995 г.), ст.ст. 37, 335 и 336 УК РФ.

Кроме того, командирам необходимо добиваться твердой уверенности молодых подчиненных в обязательном выполнении принципа справедливости и равной ответственности за соблюдение дисциплины и правопорядка.

Очень важно не допустить в указанный период проведение различных «инструктажей» молодого пополнения «старослужащими». Они, как правило, проводятся военнослужащими предпоследнего периода службы в вечернее или ночное время и направлены на создание атмосферы страха и беспрекословного подчинения воинам более ранних сроков призыва. Именно на этих «мероприятиях» закладывается «программа поведения» молодых военнослужащих в дальнейшем, формируется неуставное отношение к военной службе, воинским отношениям и командирам подразделения. В ходе такого «инструктажа» у молодых во-

еннослужащих выясняется, как они собираются служить, причем сразу же предлагаются варианты ответов: «по уставу» или «так, как надо» (в соответствии с требованиями неформальной системы подразделения). Выбор первого варианта означает конфликт со «старослужащими» и, как правило, немедленное применение силы. Второй вариант ответа означает полное согласие со своим незавидным положением молодого «духа». Желающих открыто заявить о своем намерении служить «по уставу» и быть тут же избитыми, как правило, не находится, что предполагает дальнейшее безоговорочное подчинение «старослужащим» и выполнение их требований любым молодым солдатом. В рамках этого «мероприятия» почти всегда оговаривается «должное» поведение в отношении офицерского состава, дается характеристика офицерам и прапорщикам подразделения: кого следует опасаться больше, чтобы не быть уличенным в выполнении «поручений» «старослужащих». Офицерский состав при этом делится на три примерные категории: «вредные» — требовательные офицеры, по отношению к которым рекомендуется особая осторожность (как на индивидуальных беседах, так и при выполнении в их присутствии «поручений» «старослужащих» и т. п.); «тормоза» — офицеры, обладающие низкими волевыми качествами, проявляющие растерянность при возникновении конфликтных ситуаций с подчиненными, имеющие неопрятный внешний вид, таких рекомендуется не замечать, а при большем сроке службы — вести себя с ними как с равными; «справедливые» — офицеры, опирающиеся в своей деятельности на «старослужащих», дающие им ряд поблажек. Причем последняя «категория» офицеров, несмотря на «поддержку» со стороны «старослужащих», все же неспособна эффективно бороться с неуставными отношениями, так как сама фактически включена в неформальную систему, управляя подразделением через «старослужащих», что рано или поздно не может не сказаться на правопорядке и воинской дисциплине в подразделении.

В течение первого времени нахождения в подразделении молодого пополнения офицерскому составу необходимо совместно с работниками медицинской службы провести тщательное обследование вновь прибывших в целях выявления военнослужащих с отклонениями в физическом и психическом развитии, склонных к алкоголизму, токсикомании и наркомании, провести с каждым прибывшим военнослужащим индивидуальные беседы. В ходе индивидуальных бесед изучаются образ жизни до призыва в Вооруженные Силы Российской Федерации, характер отношений с родными и близкими, друзьями и подругами, черты характера, наклонности и увлечения (социально-демографические, социально-психологические и психофизиологические качества личности). Особое внимание следует уделить тем военнослужащим, которые отличаются замкнутостью, становятся объектом насмешек, испытывает острую тоску по дому. Необходимо выяснить причины психологической подавленности таких солдат, они должны браться под постоянный контроль, а при необходимости направляться на стационарное обследование и лечение.

В рассматриваемый период основное внимание необходимо уделять воинскому и правовому воспитанию молодого пополнения, формированию в этой среде готовности к активному противодействию негативным проявлениям во взаимоотношениях между военнослужащими, к сотрудничеству с офицерским составом в этом вопросе.

Не менее важно правильно организовать проводы военнослужащих, увольняемых в запас. Лучше всего делать это в торжественной обста-

новке на общем построении личного состава воинской части. При этом предусматриваются выступления командования, воинов различных периодов службы, объявляется приказ командира части о занесении в Книгу почета части лучших солдат и сержантов, вручаются памятные и благодарственные письма, грамоты, ценные подарки.

На третьем этапе (начальном этапе службы молодых воинов в подразделении) следует сосредоточить усилия на формировании нового полноценного воинского коллектива. Для этого необходимо:

1) равномерно распределить молодых солдат по отделениям и взводам;

2) разумно распределять наряды и контролировать соблюдение их очередности, а также соблюдение графика уборки помещений и территории;

3) проводить не реже одного раза в неделю с каждым молодым солдатом беседы о его настроении, первых впечатлениях о воинском коллективе и службе;

4) обеспечить немедленное реагирование на каждый случай недостойного поведения в отношении молодых воинов;

5) провести собрание коллектива подразделения (лучше по взводам), на котором прибывшие военнослужащие рассказали бы о себе своим сослуживцам (откуда они, где работали или учились и т. д.);

6) провести правовые информации и занятия по общественно-государственной подготовке, на которых рассмотреть вопросы уставных взаимоотношений, меры ответственности за их нарушение. Каждый случай нетоварищеского поведения должен рассматриваться на собраниях личного состава и получать общественное осуждение, а виновные лица — привлекаться к дисциплинарной (а при необходимости и к уголовной) ответственности.

На четвертом этапе (этапе активного овладения воинами боевой специальностью и упрочения межличностных связей в подразделении) необходимо сосредоточить усилия на углубленном изучении микроклимата воинского коллектива, формировании прочных уставных взаимоотношений между военнослужащими путем коррекции отклонений и профилактики нарушений. Очень важно своевременно выявить неформальных лидеров в подразделении и убедить их в необходимости сотрудничества в борьбе с неуставными отношениями либо принять все меры к тому, чтобы развенчать их авторитет в подразделении, так как если такой человек не будет союзником командира, он будет очень досадной помехой в его (командира) деятельности.

Особое внимание офицеры подразделения должны обращать на активизацию деятельности сержантов в работе по предупреждению нарушений уставных правил взаимоотношений, добиваться от них личной примерности в повседневном поведении. Рекомендуется периодически проводить собрания сержантов в целях их заслушивания о состоянии взаимоотношений в их подразделении, их личной примерности как младших командиров и т. д.

Методики, о которых выше шла речь, являются лишь примерным алгоритмом деятельности командира по профилактике и предупреждению неуставных отношений. Они могут использоваться в совокупности друг с другом или по отдельности. Более того, они могут быть дополнены конкретным командиром самостоятельно на основе личного опыта или точки зрения.

§ 5. Взаимодействие командира с органами военной юстиции в процессе разрушающего воздействия на антиуставные взаимоотношения в подразделении

Раскрывая содержание системы мер профилактики неуставных отношений, доступных командиру, следует отдельно остановиться на такой важной части работы командира, как его взаимодействие с органами военной юстиции. Значение такого взаимодействия определяется не только тем обстоятельством, что важнейшей задачей органов военной юстиции является борьба с преступностью в Вооруженных Силах Российской Федерации. Значимость взаимодействия продиктована в первую очередь тем, что именно этим органам доступны меры воздействия, эффективность которых так или иначе связана с возможностью уголовного преследования лиц, совершивших преступления.

Кроме того, органы военной юстиции, в силу специфики решаемых задач, обладают возможностью использовать межведомственные связи (командир в принципе такой возможности лишен) и служить своеобразным «проводником» между командиром и необходимыми для эффективной организации системы профилактики неуставных отношений органами и должностными лицами.

Не следует также забывать о том, что связь между командиром и органами военной юстиции является взаимовыгодной. К примеру, военные прокуроры не смогут эффективно осуществлять общий надзор без такого сотрудничества (во всяком случае, это будет довольно сложно). Поэтому командиру не следует опасаться активного взаимодействия с органами военной юстиции при осуществлении профилактики неуставных отношений. Это взаимодействие не только приветствуется последними, но будет чрезвычайно полезным для обеих сторон.

Что касается конкретных мер предупреждения и профилактики неуставных отношений в подразделении, связанных с привлечением к этой работе органов военной юстиции, то, помимо уже названных выше, можно выделить следующие направления:

1) меры, составляющие содержание сотрудничества в области предупреждения неуставных отношений;

2) меры, составляющие содержание сотрудничества в области пресечения неуставных отношений;

3) меры, составляющие содержание сотрудничества в области уголовного преследования лиц, совершивших преступления на почве неуставных отношений.

В рамках первого направления можно использовать следующие меры:

1. Приглашение работников военной прокуратуры в подразделение для проведения занятия (беседы, лекции) с командным составом перед приемом молодого пополнения. На таком занятии представитель военной прокуратуры сообщает о состоянии и тенденциях развития преступности в гарнизоне (части) и дает практические советы по предупреждению неуставных отношений, отвечает на вопросы офицеров подразделения. Целесообразно на такие занятия привлекать и сержантский состав (подобная мера окажет как информационное, так и воспитательное воздействие).

2. Демонстрация в подразделении документальных (учебных) фильмов и материалов об исполнении уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Практика применения подобной меры свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне ее превентивного

эффекта. После проведения таких занятий в подразделении личный состав достаточно долго демонстрирует крайне высокое правосознание и образцовое поведение. Единственная сложность при реализации подобной меры заключается в том, чтобы получить эти фильмы и материалы. Однако эта сложность достаточно легко преодолима при оказании командирам помощи со стороны органов военной юстиции.

3. Присутствие личного состава подразделения на открытых судебных процессах по уголовным делам, связанным с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (либо демонстрация видеозаписей таких процессов). Так, например, по одному из уголовных дел, рассмотренных Нижнетагильским военным судом, двое военнослужащих были признаны виновными в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и осуждены к содержанию в дисциплинарной воинской части. Начальник Нижнетагильского гарнизона обеспечил присутствие при провозглашении приговора более 300 военнослужащих. Кроме того, при этом применялась видеосъемка как представителем части, так и городской телевизионной компанией, что значительно расширило охватываемую аудиторию. По инициативе командования приговор был объявлен в приказе по части, а на основе материалов видеозаписи приговора в последующем был создан учебный фильм для использования в ходе воспитательной работы с личным составом[169]. Однако следует отметить, что присутствие личного состава на подобных процессах целесообразно лишь в том случае, если доказательственная база уголовного дела не вызывает сомнения в неотвратимости обвинительного приговора. Если рассмотрение дела в присутствии личного состава закончится оправдательным приговором или возвращением дела на дополнительное расследование из-за низкого качества проведенного следствия (когда уголовное дело «сшито белыми нитками»), вред от подобного «открытого процесса» для системы предупреждения неуставных отношений будет просто огромным.

4. Привлечение работников военной прокуратуры для проведения индивидуальных бесед с наиболее злостными нарушителями («кандидатами» на скамью подсудимых). Хотя подобную меру достаточно сложно воплотить в жизнь с учетом крайнего дефицита времени прокурорских работников, однако при отлаженной системе взаимодействия с ними командиров подразделений и наличии личных контактов вполне реально для командира подразделения.

Что касается второго и третьего направления работы командира в рамках взаимодействия с органами военной юстиции, то их содержание раскрывалось в предыдущих главах и параграфах настоящего издания. Следует лишь отметить, что, по сути, эти меры должны сводиться к обеспечению частной и общей превенции, предотвращению наступления вреда для охраняемых уголовным законом интересов (чтобы преступление не было доведено до конца), к обеспечению быстрого и правильного следствия и судебного разбирательства по уголовному делу.

Таким образом, следует признать, что взаимодействие командира с органами военной юстиции по вопросам, связанным с организацией разрушающего воздействия на неуставные отношения, является необходимым условием успеха такой деятельности командира и значительно расширяет его возможности при осуществлении мероприятий, направленных на предупреждение неуставных отношений и укрепление воинской дисциплины.

---

[169] См.: Информационный бюллетень военных судов № 2 (182). М., 2001. С. 36.

Вместо заключения

Уважаемый читатель! Если Вы сейчас читаете эти строки, значит, книга прочитана, а у Вас сформировалось определенное представление о сущности и закономерностях развития неуставных взаимоотношений военнослужащих как военно-криминального феномена, его причинах и системе антикриминального воздействия. Возможно, не все положения, описываемые в настоящем издании, нашли Ваше понимание и одобрение. Однако автор не преследовал цель убедить в правильности своего мнения или, тем более, навязать какую-то определенную точку зрения. Задача настоящей книги состояла лишь в ознакомлении заинтересованных лиц с особенностями неуставных взаимоотношений военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и наиболее эффективными на сегодняшний день методиками борьбы с этим негативным явлением.

В то же время автор глубоко убежден, что такое позорное явление современной армии, как криминальные неуставные взаимоотношения должно быть обязательно изжито из ее жизни. В противном случае Вооруженные Силы Российской Федерации еще очень долго будут оставаться «страшилкой и пугалом» для большинства призывников и их родителей, а так называемые небоевые потери будут порождать горе и слезы в российских семьях. Не менее важно и то обстоятельство, что при сохранении в войсках неформальной системы неуставных взаимоотношений после увольнения в запас в гражданское общество будут возвращаться уже не те мальчики, которые уходили в армию, а жестокосердные или, в лучшем случае, абсолютно равнодушные к страданиям людей молодые мужчины с устойчивыми криминогенными качествами и личным криминальным опытом. Вполне очевидно, что нашему обществу не нужно такое «пополнение». Поэтому необходимо приложить максимум усилий для искоренения или хотя бы минимизации неуставных взаимоотношений военнослужащих. А то, что это принципиально возможно уже в настоящее время, было, на взгляд автора, продемонстрировано в настоящей книге.